

ЭТНОГРАФО- АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

**Проблемы культуры
и социума**

Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И СОЦИУМА

Том 13

Редакционная коллегия серии:

член-кор. РАН, проф., д-р ист. наук
член-кор. РАН, проф., д-р ист. наук
акад. РАН, проф., д-р ист. наук
доц., канд. ист. наук
проф., д-р ист. наук
проф., д-р ист. наук
акад. РАН, проф., д-р ист. наук
проф., д-р ист. наук
доц., канд. ист. наук
проф., д-р ист. наук
акад. АГН, РАЕН, РАСН
проф., д-р ист. наук
проф., д-р ист. наук
проф., д-р ист. наук
проф., д-р ист. наук

*С. А. Арутюнов,
А. В. Головнев,
А. П. Деревянко,
М. А. Корусенко (отв. редактор),
Н. Н. Крадин,
Г. Е. Марков,
В. И. Молодин,
Д. Г. Савинов,
С. С. Тихонов (зам. главного редактора),
А. А. Тишкин,

Н. А. Томилов (главный редактор),
А. В. Харинский,
Ю. С. Худяков,
В. А. Шнирельман*

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НАРОДОВ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ: природная среда, этносы, источники

Редакционная коллегия тома:

Акад. АГН, РАЕН, РАСН, проф., д-р ист. наук *Н. А. Томилов* (отв. редактор); доц., канд. ист. наук *М. А. Корусенко* (отв. редактор); доц., канд. ист. наук *С. С. Тихонов* (отв. редактор); доц., канд. ист. наук *М. Л. Бережнова*; член-кор. АГН, доц., канд. ист. наук *С. Н. Корусенко*; канд. ист. наук *А. В. Матвеев*; доц., канд. ист. наук *А. В. Новиков*; доц., канд. ист. наук *С. Ф. Татауров*; доц., канд. ист. наук *Л. В. Татаурова*; канд. ист. наук *К. Н. Тихомиров*; канд. ист. наук *М. Н. Тихомирова*; *М. Ю. Здор* (секретарь)

Авторский коллектив тома:

М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко, А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов

Омск
Издательский дом «Наука»
2014

УДК 902.6(571.13)
ББК 63.4(2Рос-4Омс)
Э91

Утверждено к печати Омским филиалом
Института археологии и этнографии СО РАН

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ю. С. Худяков*,
кандидат исторических наук *Ю. В. Трофимов*,
доктор исторических наук *А. А. Тишкин*

Э91 **Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы, источники** : монография / М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко, А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов. – Омск : Издательский дом «Наука», 2014. – 192 с. : ил. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; Т. 13).

ISBN 978-5-98806-199-1

В коллективной монографии представлены некоторые итоги деятельности поисковой научно-исследовательской группы омских археологов и этнографов, работавших в рамках научной программы «Этнографо-археологические комплексы Западной Сибири». Книга содержит описание природно-географической среды Тарского Прииртышья, проживающих на этой территории народов, а также археологических, этнографических, исторических источников для их изучения.

Предназначена для археологов, этнографов, историков, краеведов и всех интересующихся проблемами социальной и этнической истории и культуры народов России.

УДК 902.6(571.13)
ББК 63.4(2Рос-4Омс)

Монография подготовлена в рамках выполнения государственного задания
Министерства образования и науки РФ, проект № 33.1684.2014/К
«Алгоритмический анализ динамики социокультурных систем
народов Северной Евразии в XVIII–XXI веках»

ISBN 978-5-98806-199-1

© Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН, 2014
© Российская академия наук, 2014
© Издательский дом «Наука», оформление,
2014

Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnography
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Ethnographo-Archaeological Complexes
Problems of Culture and Socium

Volume 13

ETHNOGRAPHICAL-ARCHEOLOGICAL
COMPLEXES OF THE PEOPLE OF TARA
PRIIRTYSHJE:
environment, ethnoses, sources

Editorial Board of the volume::

Academician, Academy of Humanities, Russian Academy of Natural Sciences, Russian Academy of Social Sciences, Prof. Dr Sci. (History) *N. A. Tomilov* (editor-in-chief); Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *M. A. Korusenko* (executive editor); Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *S. S. Tikhonov* (vice-editor-in-chief); Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *M. L. Berezhnova*; Corresponding Member, Academy of Humanities, Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *S. N. Korusenko*; Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *A. V. Matveyev*; Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *A. V. Novikov*; Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *S. F. Tataurov*; Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *L. V. Tataurova*; Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *K. N. Tikhomirov*; Assoc. Prof. Cand. Sci. (History) *M. N. Tikhomirova*; *M. Y. Zdor* (secretary)

The writing team of the volume:

M. L. Berezhnova, S. N. Korusenko, A. V. Matveyev, S. F. Tataurov, L. V. Tataurova, K. N. Tikhomirov, S. S. Tikhonov, N. A. Tomilov

Omsk
Nauka publishing house
2014

UDC 902.6(571.13)
E91

Approved for publishing by Omsk Division of
the Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences

Reviewers:

Prof. Dr Sci. (History) *Y. S. Khoudiakov*,
Cand. Sci. (History) *Y. V. Trofimov*,
Prof. Dr Sci. (History) *A. A. Tishkin*

E91 **Ethnographical-Arhaeological Complexes of the Peoples of Tara Priir-
tyshje: Environment, Ethnoses, Sources** : monograph / M. L. Berezhnova,
S. N. Korusenko, A. V. Matveyev, S. F. Tataurov, L. V. Tataurova, K. N. Tikh-
mirov, S. S. Tikhonov, N. A. Tomilov. – Omsk : *Nauka* publishing house, 2014. –
192 p. : il. – (Ethnographical-Archaeological Complexes: Problems of Culture and
Socium ; Vol. 13).

ISBN 978-5-98806-199-1

The collective monograph presents some results of the activity of the research group of Omsk archeologists and ethnographers who worked in the confines of the research program “Ethnographical-Archeological Complexes of Western Siberia”. The book includes the description of natural-geographical environment of Tara Priirtyshje, and also of the peoples inhabiting this territory; archeological, ethnographical and historical sources for their studying. The monograph is meant for archeologists, ethnographers, historians, region researchers and anyone interested in the problems of social and ethnic history and culture of the peoples of Russia.

UDC 902.6(571.13)

The monograph is prepared as a part of the Russian Ministry of Education and Science Task, project № 33.1684.2014/K “The Algorithmical Analysis of the Dynamics of the Sociocultural Systems of the peoples of Northern Eurasia in the XVIII–XXI centuries”

ISBN 978-5-98806-199-1

© Institute of Archaeology and Ethnography:
Omsk Division, 2014
© Russian Academy of Sciences, 2014
© *Nauka* publishing house, design, 2014

О СЕРИИ «ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ: ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И СОЦИУМА»

Этот том подготовлен группой исследователей Омского филиала Института этнографии и археологии Сибирского отделения Российской академии наук, Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского Министерства образования и науки Российской Федерации, занимающихся проблемами интеграции археологических и этнографических исследований. К настоящему времени издано двенадцать томов этой серии*.

В тринадцатом томе представлена первая из обобщающих монографий, в которых предполагается опубликовать результаты теоретических, методологических, методических, практических работ членов поисковой научно-исследовательской группы омских археологов и этнографов под руководством Н. А. Томилова. В данном томе публикуются материалы о природно-географической среде Тарского Прииртышья, о народах, его населяющих, и об археологических, этнографических и исторических источниках по их изучению.

Мы надеемся, что этноархеологическое направление и комплексные археолого-этнографические исследования в отечественной науке будут развиваться, а в следующих томах появятся работы ученых и из других научных учреждений и организаций, не только российских, но и зарубежных. Собственно, основной смысл этого издания и заключается в том, чтобы стимулировать развитие этноархеологии в России.

Каждый том серии, за исключением монографий, состоит из четырех разделов. В первом из них, посвященном проблемам археолого-этнографической интеграции, печатаются работы по методологии, теории, методике, источниковедению и истории археолого-этнографических исследований (статьи, сообщения, методические программы и вопросники). В рамках этого, как и второго, раздела возможна публикация отдельных монографий. Так, например, седьмой том составила публикация монографии М. А. Корусенко «Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания», а десятый том – монография В. И. Соболева «История сибирских ханства (по археологическим материалам)». В отдельных томах в данный раздел включены серии статей и сообщений по дискуссионным вопросам интеграции археологии и этнографии, смежных с ними научных дисциплин из материалов ежегодных международных научных симпозиумов «Интеграция археологических и этнографических исследований», организуемых омскими научными учреждениями.

Второй раздел – «Исследования и материалы» – содержит научные работы, представляющие результаты исследований в рамках этноархеологии, а также полевые археологические, этнографические, антропологические, биологические,

* Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1; 1997. – Т. 2; 1998. – Т. 3; 1999. – Т. 4; 2002. – Т. 5; 2003. – Т. 6; *Корусенко М. А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск, 2003. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; Т. 7); Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2005. – Т. 8; 2007. – Т. 9; *Соболев В. И.* История сибирских ханства (по археологическим материалам). – Омск, 2008. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; Т. 10); Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2009. – Т. 11; 2012. – Т. 12.

географические, экономические материалы и материалы других наук, имеющие отношение к проблемам истории культуры и социума прошлого и влияния прошлого на настоящее.

В третьем разделе – «Научная жизнь» – отводится место как обсуждению археолого-этнографических проблем на конгрессах, конференциях, семинарах, симпозиумах, так и сообщениям о работе отдельных ученых и коллективов в области этноархеологических исследований, о проведении совместных археолого-этнографических экспедиций.

Четвертый раздел составляют рецензии и обзоры литературы, имеющей отношение к этноархеологии.

Во всех разделах издания могут публиковаться и статьи зарубежных ученых.

Сегодня на базе Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН работает научно-поисковая группа, занимающаяся фундаментальными исследованиями многокомпонентных социокультурных этнографо-археологических комплексов, созданная как межведомственный коллектив ученых 16 марта 1993 г. В Омском государственном университете имени Ф. М. Достоевского существует Научно-исследовательская лаборатория этноархеологии.

Совместные археолого-этнографические работы по изучению археологических памятников и этнографии тарских татар XVII–XX вв. проводились омскими учеными уже в течение девятнадцати полевых сезонов. Такого рода исследования с 1994 г. ведутся также по истории и культуре русских бассейна Нижней Тары.

Приглашаем отечественных и зарубежных ученых к сотрудничеству и просим присылать для данной издающейся научной серии статьи и сообщения по проблемам интеграции археологических и этнографических исследований.

Контактный адрес: 644024, Омск, пр. К. Маркса, 15/1. Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН.

E-mail: korusen@omsu.ru
st-57@omsu.ru
n.a.tomilov@gmail.com

*Н. А. Томилов,
доктор исторических наук,
главный редактор серии*

ВВЕДЕНИЕ

Современные археология и этнография изучают настолько многообразные проявления человеческой культуры, что специалисты даже одной науки не всегда могут понять все тонкости работ друг друга. Очень специфичны исследования палеолита, особенно нижнего. Некоторые работы по изучению керамики, металлургии, каменного инвентаря с привлечением методов естественных наук так глубоки, что для исследований требуют дополнительных обширных знаний. Наука этнография, поскольку имеет дело с живой культурой, еще разнообразней. Детальное изучение любого направления этой науки позволяет полно изучить какой-нибудь феномен или элемент культуры, причем исследователь, сделавший это, оказывается порой почти единственным специалистом, квалифицированно занимающимся данной проблемой.

Всё это – результат дифференциации науки, в том числе и о древнем человеке, начавшейся в конце XIX – начале XX вв. Глубоким прошлым человека тогда занимались биологи, антропологи, геологи, археологи. Но существовала одна особенность познания. Лучшие научные силы были сосредоточены в европейских странах. Для того чтобы совершить «путешествие» в прошлое, исследователь мог провести раскопки. Но также он мог, покинув Европу, побывать в Австралии, Океании, Африке, некоторых районах Америки, где люди, как полагали ученые, жили жизнью «троглодитов» Европы. Таким образом, материалы, собранные в далеких экспедициях (например, Н. Н. Миклухо-Маклаем, Брониславом Малиновским) и полученные при раскопках стоянок и поселений на территории европейских стран, иллюстрировали жизнь человека на одинаковых этапах его развития, допустим, неолита, бронзового века или другого периода.

Получалось, что информацию об устройстве «примитивных обществ» можно было получить двумя путями: раскопать археологический памятник или побывать в «реальном» первобытном обществе. Конечно, для получения информации были использованы разные методы: для этнографических работ было характерно непосредственное наблюдение, работа с информаторами и т. д.; археологические материалы добывали при раскопках, затем наступал черед датировки, классификации и типологии, реконструкций, интерпретаций.

Для развития науки о первобытности, по крайней мере, на ее начальных этапах, эта особенность большой роли не играла. Количество получаемых данных было относительно невелико, число ученых – тоже, и они вполне успевали как ознакомиться с работами соотечественников и иностранных коллег, так и поработать в экспедициях, обменяться мнениями по разным проблемам науки в печати, на конференциях, конгрессах, симпозиумах и т. д. Основоположников науки о прошлом человека можно назвать или «изначально интегрированными», или «недифференцированными» учеными.

Другое дело – следующее поколение исследователей. Они проходили подготовку у своих великих учителей, но специализировались в той области и по тем методикам исследований, где учителя были признанными авторитетами. В результате специализация как исследователей, так и исследований по археологии и этнографии стала глубже. Вероятно, так начался процесс дифференциации науки о первобытности по методикам исследования и предметным областям.

С течением времени, скажем, с 1870-х гг., проблематика исследований расширялась всё больше и больше. Ученые совершенствовали старые и разрабатывали новые методы исследований, количество материалов с каждым годом росло в гигантских масштабах. Начиная с 1930-х гг. началась дальнейшая дифференциация исследователей. Кто-то становится признанным исследователем

определенной территории (Сибири, Дальнего Востока, европейской части России, Кавказа, Средней Азии и т. д.), кто-то специализируется по какой-либо эпохе (палеолиту, раннему железному веку, Средневековью и т. д.), кто-то – по проблематике (керамическое производство, оружейведение, земледелие, скотоводство и т. д.).

Начавшийся в 1930-х гг. процесс дифференциации исследований стал особенно заметен в 1950–1960-х гг., когда стала предполагаться дальнейшая, более узкая специализация: оружие средневекового населения Алтая или скотоводство неолитического населения Кавказа. То есть налицо была локализация исследований по территории, хронологии и проблематике. Такой же процесс шел и в этнографии. Но там проблематика работ была значительно шире: исследования этногенеза и этнической истории, современные этнические процессы, этническая экология, гендерные исследования, этнопедагогика и исследования детства, конфликтология, адаптация в инокультурных средах, материальная, духовная, соционормативная культуры традиционных и индустриальных обществ и т. д.

Вышеизложенный процесс дифференциации науки о первобытности мы не намеревались детально соотносить со временем, пространством и персоналиями и рассматриваем как предварительные замечания перед изложением сути основных направлений интеграции археологии и этнографии. Не следует этот процесс рассматривать как присущий только этим двум наукам. Вероятно, процесс развития наук двояк: с одной стороны, углубление исследований и дифференциация, с другой – объединение проблематик и интеграция.

Ни у кого не вызывает сомнения, что непрерывающийся процесс формирования новых направлений научных исследований, которые со временем становятся самостоятельными научными дисциплинами, набирает всё большую и большую скорость. Чаще он происходит в сфере естественных наук, когда на стыке нескольких направлений исследований (или даже дисциплин, причем не всегда смежных) формируются новые отрасли знаний. Например, биофизика, изучающая физические и химические явления в живых организмах, структуру и свойства биополимеров, влияние физических факторов на живые системы, из которой в свою очередь выделились радиобиология (изучает новые виды излучений и способы защиты живых организмов от излучений), биоэнергетика (занимается рассмотрением энергетических процессов в биосфере, а также механизмами и закономерностями преобразования энергии в живых организмах), фотобиология (анализирует действие света на организм). Можно вспомнить и биохимию, занимающуюся функциями, превращениями, распространением химических веществ и их структурой в организме. Она разделилась на молекулярную биологию (занимающуюся свойствами жизни на молекулярном уровне) и на биоорганическую химию (изучает связи между строением веществ и их биологическими функциями). На основе молекулярной биологии развивается молекулярная генетика, ставящая целью изучить молекулярные основы наследственности. Биохимию и биофизику объединяют в физико-биологическую химию. Мощный цикл дисциплин включает геохимию: аналитическую, физическую, региональную геохимию, гидрогеохимию, радиогеохимию, геохимию литосферы, геохимию процессов и т. д.

Если проанализировать процесс развития науки, то можно увидеть, что он в XX – начале XXI вв. ведет как к дифференциации наук и направлений, к углубленному изучению отдельных феноменов и явлений, так и к их интерпретации, когда, объединяя ресурсы и методики разных наук, можно получить принципиально новые знания. Вероятно, дело здесь в способностях отдельного человека, занимающегося решением проблемы. Его мозг может охватить лишь мизерную

долно современных знаний. Углубленное исследование в избранной области ведет сначала к некоторому обособлению методик, а затем к дифференциации направлений исследований.

Например, изучение древней, полученной в ходе раскопок керамики всё более и более связано с применением методик естественных наук – рентгеноскопии, петрографии, термолюминисценции и т. д. – настолько специфично, что бывает нужно проходить специальную подготовку для того, чтобы вести квалифицированный диалог с коллегой, и не все археологи пытаются понять все тонкости данного типа источников. Очень специфично изучение каменных орудий, предполагающее умение отлично разбираться в технологии их изготовления и применения, а также использовать трасологию, петрографию и другие методы.

С другой стороны, дифференциация заставляет применять приемы и методы смежных наук и ведет к их интеграции и формированию новых научных дисциплин. В результате такого развития отдельным ученым и научным коллективам удалось достичь великолепных результатов мирового уровня. Может быть, именно эти процессы и породили мнение о том, что открытия делают на стыке наук. Это верное положение никто и никогда не оспаривал, что неудивительно. Поразительно другое: почему, обладая готовым рецептом совершения открытий, заключающемся в интеграции несколько дисциплин и ведении работ на стыке наук, исследователи, по крайней мере, специалисты по гуманитарным дисциплинам, нечасто пользуются им. Алгоритм известен: углубленный интерес ученых к проблеме, создание групп единомышленников, затем лаборатории, сектора, института, выпуск печатного издания и т. д. Но... известные нам опыты интеграции двух наук, скажем, археологии и этнографии (например работы в Хорезме, Туве, Южной Туркмении) до сих пор не завершены. Дело не только в том, что зачинатели идей ушли. Вероятно, что появился своего рода «проблемный тупик» и завершение исследований не могло быть реализовано в рамках отдельной науки.

Может быть, правы те, кто указывает на отсутствие специализированной финансовой поддержки и равнодушие крупных организаторов науки, о которое разбивается энтузиазм разрозненных ученых и научных коллективов? Хотя всем ясно, что на стыке наук находятся важнейшие открытия, имеющие громадное теоретическое, методологическое, эвристическое значения.

Поскольку мы намерены заняться рассмотрением проблем интеграцией археологии и этнографии, то целесообразно вспомнить, что эти две науки всегда были тесно связаны. Первое, что приходит на ум при изучении археологического феномена, – его этнографическая аналогия, а этнографы в археологическом материале пытаются увидеть древние корни явления.

В рамках только одной научной дисциплины (археологии, этнографии, нумизматики и т. д.) не всегда можно исследовать какую-нибудь проблему, поскольку предмет исследования, методы, источники иногда имеют специфические отличия и не все ученые могут свободно ими пользоваться. Очевидно, именно для преодоления этого препятствия часть исследователей стремится вести работы на стыке наук, создавая новые научные дисциплины.

Вероятно, осознанное или неосознанное стремление археологов и этнографов лучше познать генезис древнейших явлений культуры человека заставляет их обращаться к материалам и методам смежных наук.

Не вдаваясь пока в историю этой важной и интересной проблемы, отметим, что в истории археологии и этнографии всегда имелись попытки их совмещения. В настоящее время наблюдается некоторая активизация совместных археолого-этнографических исследований, которые ведут отечественные и зарубежные ученые. Можно выделить несколько направлений таких работ, хотя в некоторых

случаях граница между ними достаточно условна, а исследователи могут работать по разным методикам.

Археолого-этнографические параллели. Возможно, это один из самых используемых методов объяснения археологических и этнографических данных. Мы считаем, что это наиболее ранний из используемых методов реконструкции явлений прошлого или объяснения археологических и этнографических данных с помощью материалов смежной науки. Во времена его появления и формирования науки о древнейшем прошлом человечества фактического материала не всегда хватало.

Представим Европу в середине XIX в. Немного времени прошло с тех пор, как «громовые» камни признали древними орудиями, теорию эволюционного происхождения человека принимают не все, с трудом воспринимают сведения о допотопном возрасте человека¹. В споре о древнейших этапах человечества приняли многие ученые, связанные в основном с биологией, геологией, археологией, этнографией. Количество сведений было невелико, и ученые легко усваивали факты других дисциплин, разрабатывая направления своей специализации.

В третьей четверти XIX столетия многие ученые и представители «передовой общественной мысли» приняли идеи о древности человека, и можно было углублять знания о его древнейшей культуре. Однако существовала одна особенность мировоззрения европейцев. В течение многих столетий Европа была одной из самых развитых территорий земного шара. В эпоху Великих географических открытий европейцы нигде не встретили более развитого технически и экономически общества. Наоборот, они встречали людей с менее развитым хозяйством, инвентарем и общественным устройством. Какую-то часть материальной культуры этих людей можно было сопоставлять с древними (и даже древнейшими) находками из Европы.

Исторически сложилось, что первые этнографы вели полевые работы, связанные со многими опасностями и трудностями, вдали от цивилизованных стран, например, Н. Н. Миклухо-Маклай, Б. Малиновский. Л. Г. Морган также опирался на данные, собранные в Океании, Америке, но не в современной ему Европе. И везде ученые находили доказательства того, что люди, живущие на периферии цивилизованных земель, находятся на более низком уровне развития. Этому уровню соответствовали археологические материалы, которые получали преимущественно в европейских странах.

Вероятно, разная основная специализация ученых (биология, геология, археология, этнография), занимавшихся древними этапами развития человечества, неравномерность развития обществ и сходства материальных остатков культуры древних обществ Европы с современными вещами народов Америки, Африки, Австралии привели к тому, что сейчас называется методом археолого-этнографических сопоставлений или аналогий. Его основная цель – объяснение археологического материала с помощью этнографических параллелей, определения древности этнографических данных (явлений, обычаев) с использованием материалов прошлого. Метод практически в неизменном виде сохранился до наших дней.

Приведем несколько примеров. М. А. Итина обратила внимание на то, что в эпоху бронзы на территории Южного Зауралья, Поволжья, Средней Азии встречаются сосуды преднамеренно закопанные вверх дном. Обстоятельства находок не давали однозначного толкования этим артефактам. Бесспорно было лишь то, что это следы обряда, проводившегося на могильниках и поселениях или вне их. Аналогии древнему обряду исследовательница обнаружила только в Африке, где при похоронах близнецов или маленьких детей в могилу ставили горшок вниз горлом, а детей помещали в этот горшок².

Другой пример. Б. А. Литвинский исследуя циклы древнейших верований населения Памира и пытаясь понять их семантику, обращается к древним материалам индоиранцев. Культ огня в брачном обряде, обычай двух имен, представления о матери-земле, о коровах в виде дождевых облаков, пэри и дэвах, албасты и т. д. имели когда-то, вероятно, широкое распространение, но полнее всего сохранились на Памире, где население более изолировано. Истоки всех обрядов и обычаев он находит в древних материалах начиная в III тыс. до н. э., но более всего в данных о масагетах³.

У некоторых групп таджиков сохранился целый цикл обрядов, связанных с первыми сорока днями жизни ребенка. Это и первое купание, и смена одежды, и мытье головы матери, и наречение имени и т. д. Рассмотрев аналогии, в том числе и древние, Л. А. Чвырь приходит к выводу, что данный обряд зародился в древневосточных странах⁴.

Во втором Пазырыкском кургане (Горный Алтай, урочище Пазырык) был похоронен человек, которого убили, а затем с мертвого сняли скальп. На коже умершего была татуировка. С. И. Руденко, пытаясь определить статус умершего, во-первых, показал, что обычай татуировки, судя по античным и некоторым этнографическим источникам, был широко распространен. Во-вторых, эти же материалы свидетельствовали, что татуировали храбрейших. Следовательно, статус умершего можно определить как смелого человека, возможно, вождя, убитого в бою⁵.

Объясняя семантику петроглифов Мугур-Саргола (Тува), М. А. Дэвлет обращается к этнографии тувинцев, индейцев северо-западного побережья Северной Америки, приводит примеры из этнографии австралийских аборигенов и делает интересные выводы о почитании древним населением Верхнего Енисея небесных светил, рассматривает некоторые проблемы его космогонических представлений и т. д.⁶

К этнографическим аналогиям обращается и Т. Н. Троицкая, реконструируя некоторые аспекты истории населения Новосибирского Приобья в III–II вв. до н. э. – III в. н. э., касающиеся земледелия, социального положения погребенных, верований населения и т. д.⁷

Великолепные аналоги для галек с антропоморфными изображениями, происходящих с поселения позднебронзового века Торгажак, подобрал Д. Г. Савинов. Для этого ему пришлось обратиться к этнографии северных самодийцев⁸.

Примеры можно продолжать, но они слишком многочисленны и широко известны. Постепенно появляются своего рода правила сравнения. Так, считалось возможным соотносить уровень развития тасманийцев с уровнем населения эпохи верхнего палеолита, австралийцев, ведов, яо сравнивали с мезолитическим населением. Аналогии палеолитическим охотникам Восточной Европы находили среди населения Чукотки и Аляски. Так, С. Н. Бибиков, приводя палеоэкономический анализ памятников Восточно-Европейской равнины: Мезинской стоянки, Костенок, Радомышля, в основу кладет количество очагов, а затем определяет размер семьи и коллектива. Всё это он делает, опираясь на данные М. М. Герасимова и этнографию северных народов. Расчет количества необходимых продуктов ученый проводит с учетом норм потребления мяса и жира чукчами и эскимосами⁹. Археологи, занимающиеся проблемами экономики эпохи неолита и энеолита, в качестве аналогов при расчете экономического потенциала древних жителей могли избрать русских крестьян XVII в., иранцев начала XX в. или жителей древнего Востока¹⁰.

Возможно, что Восточная Европа в ледниковый период и современная циркулярная зона имели одинаковые природно-климатические условия и сравнение культуры их населения корректно. Но, говоря о нормах потребления, следует

помнить, что полярные жители часто употребляют сырую или полусырую пищу, причем не всегда ее тщательно пережевывают. Это связано с большей калорийностью мяса и жира при короткой термической обработке. А необходимость получить больше калорий связана с небольшим количеством пригодной для питания биомассы. В эпоху верхнего палеолита, судя по раскопкам, был настоящий охотничий рай. Известны следы массовых охот, когда десятки и сотни убитых животных даже не использовали. Встает вопрос, а надо ли было палеолитическим охотникам экономить пищу и есть ее сырой? Или же дело было не в калорийности питания, а в количестве топлива для его приготовления?

Ученые давно отметили некоторое несовершенство метода аналогий и стараются находить не широкие, а узкие аналоги. Сейчас никто не сопоставляет народ яо с населением мезолита Европы, но эвенков Восточной Сибири можно сравнивать с жителями этого же региона эпохи неолита (серовская, китойская археологические культуры). В идеале для достоверного проведения археолого-этнографических сопоставлений нужны не тронутые цивилизацией территории и большая глубина памяти ее обитателей. Такое сочетание в наши дни редкость. Поэтому проводить аналогии между отстоящими на тысячелетия друг от друга обществами не всегда целесообразно.

Показательна в этом смысле работы М. А. Корусенко и С. Ф. Татаурова. Авторы рассмотрели скотоводство, охоту, рыболовство, лесные уголья, собирательство, пути сообщений небольшой группы татар-аялышцев в XIX–XX вв. Используя этнографические, картографические, письменные, археологические источники, они проследили изменения системы землепользования татар и их отношения с русскими с XVII в.¹¹ Судя по их работе, применение узких («точечных») аналогий весьма перспективно.

Суть метода ясна. Есть археологический феномен, который требуется объяснить. Для этого необходимо подобрать аналогию, что совершенно естественно вытекает из особенностей человеческого мышления. Неизвестное нужно сравнить с известным и подобрать подходящее объяснение. Этот метод находит широкое применение и имеется в исследовательском аппарате многих ученых. При всех его достоинствах (легкость применения, возможность получить более полные представления об изучаемом феномене) метод имеет и недостатки. Строго говоря, аналогия не является доказательством; в лучшем случае это подкрепление предположения или его иллюстрация.

Допустим, одинаковое устройство крыши в традиционных японских домах и кровли в некоторых районах Германии нельзя объяснить этническими, культурными или еще какими-то контактами. Это всего лишь реакция населения на снежные зимы, когда для сохранения кровли необходимо было делать крутой скат, поэтому налицо только внешнее сходство.

Тем не менее подобная методика продолжает развиваться. Если в начале прошлого века достаточно было привести любую аналогию и строго не требовалось обоснования ее привлечения, то в наши дни нужно, во-первых, обосновать выбор аналога, во-вторых, тщательно подобрать территорию и время его происхождения. Некоторое несовершенство привлечения широких аналогий очевидно. Вероятно, в рамках этой методики целесообразно изучать феномены, имеющие универсальный характер и сходные у всех групп людей. К ним можно отнести половозрастную структуру, нормы потребления пищи, систему путей сообщения.

Этноархеология широко распространилась среди англоязычных ученых в 1960–1970-е гг., а сейчас это направление развивают исследователи многих стран мира. Впервые эту методику применил Дж. Фьюкс в начале XX в., проверяя устную традицию индейцев-пуэбло методами археологии. Затем наступил пере-

рыв, и только в конце 1960-х гг. Л. Бинфорд вновь обратился к этой методике. Он изучал палеолитические орудия, происходившие из области Дордонь. Было много объяснений по поводу разницы в облике орудий и костяных остатков. Ф. Борд считал, что эти орудия принадлежали различным группам населения. Л. Бинфорд предполагал, что люди занимались разными видами деятельности. Для проверки предположения он с 1969 г. по 1973 г. изучал эскимосов на Аляске и выяснил, что группа численностью до сорока человек перемещалась на громадные расстояния. Бинфорд наблюдал за местами разделки туш животных, местами стоянок, ямами-хранилищами пищи и т. д. Он показал, что остатки на стоянках отражают разные виды деятельности, но их не всегда можно распознать¹².

В настоящее время этноархеология – мощное направление изучения взаимосвязей между материальными остатками человеческой деятельности и другими аспектами культуры. Отправной точкой исследователя становится этнографический материал, отражающий устойчивые связи между явлениями, а не устойчивое сходство фактов и явлений¹³.

В сети Интернет есть несколько десятков тысяч сайтов, имеющих отношение к этноархеологии. В нашей стране данное направление развито гораздо слабее, а ученых, занимающихся им, – единицы. К сюжетам этноархеологии обращались многие отечественные исследователи, но специальных исследований по этой теме не так уж много. Можно назвать работы А. В. Кенига¹⁴, названных выше М. А. Корусенко, С. Ф. Татаурова, Л. В. Татауровой и некоторых других ученых.

А. В. Кениг изучал материалы тазовских селькупов, Л. В. Татаурова – керамическое производство, М. А. Корусенко – погребальный обряд сибирских татар и т. д. Несмотря на разные источники и конкретные методики, эти ученые обращались к информаторам и коррелировали результаты своих работ с их сведениями, что близко к североамериканской и европейской этноархеологии.

Отечественные исследователи понимают этноархеологию расширительно, включая в нее и этногенетические исследования, и изучение поздних памятников, и метод аналогий, и т. д. К сожалению, это направление в нашей стране широко не развито. Отдельные коллективы и исследователи, занимающиеся этноархеологией, имеются в Ижевске, Кемерово, Москве, Новосибирске, Омске, Санкт-Петербурге, Сургуте, Томске, Улан-Удэ, Якутске и некоторых других городах России.

В 1990-е гг. этноархеологическое направление в российской науке стало всё больше стремиться к новым научным поискам, к расширению проблематики и к разработке новых методов исследования, в том числе конструирования и изучения социокультурных этнографо-археологических комплексов и т. д. Вот что по этому вопросу пишет исследовательница из Ижевска О. М. Мельникова, ссылаясь на Н. А. Томилова: «Целостное восприятие этноархеологии как научной дисциплины сформировалось у специалистов, чьи исследования изначально строятся на понимании объекта этноархеологии как социокультурной системы, реконструируемой путем интеграции археологических и этнографических знаний... По всей видимости, этноархеология трансформируется из метода исследования... к исследовательскому направлению с широкой предметной сферой – от древней ископаемой материальной культуры до современной материальной культуры (археологии самих себя), от него – к самостоятельной дисциплине, генетически связанной с археологией, этнографией посредством источника, а в широком смысле с историей в целом – со всеми структурными компонентами научной дисциплины – объектом, предметом науки, познавательными установками, теорией, методами исследованиями, понятийным аппаратом и т. п.»¹⁵.

Ученые – археологи, этнографы и этноархеологи Омска, приступившие к этноархеологическим работам, считают, что вести речь об этноархеологии

следует всё же не только как о методике реконструкции древних культур и обществ, а как об особом научном направлении. Определение ее Н. А. Томилову видится в следующем виде: этноархеология – научное направление (или даже отдельная формирующаяся наука), возникшее и развивающееся в результате интеграции археологии и этнографии в XX в., призванное решать круг проблем по генезису и динамике общества и культуры человечества, а также их элементов разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем¹⁶.

Экспериментальная археология и как направление исследований, и как методика постоянно привлекает внимание ученых. Многие археологи сами изготовляли посуду, каменные изделия, луки, стрелы и т. д. Этот метод описан в обобщающей монографии¹⁷. Цель методики – восстановление техник и технологий путем эксперимента и наблюдением за действием и состоянием реплик древних инструментов и современных объектов, аналогичных древним. Эксперимент прочно вошел в арсенал исследователей и стал необходимой процедурой. Объектом эксперимента являются, наверное, все возможные объекты производства и процессы: изготовление орудий труда и работа ими, строительство жилищ и укрепленных сооружений, погребальных комплексов и наблюдение за их функционированием, изготовление пищи, одежды, оружия и т. д. Количество сайтов по экспериментальной археологии в сети Интернет перевалило за миллион. В Сибири в последние годы экспериментами успешно занимался И. Г. Глушков, проведя исследования керамики¹⁸, построив экспериментальное жилище¹⁹, собрав и отредактировав небольшую серию сборников «Экспериментальная археология»²⁰. А. П. Бородавский по описанию Павсания изготовил панцирь из лошадиных копыт, проверил технологию его изготовления и выявил высокие защитные качества изделия²¹. Этот же исследователь успешно занимается изучением косторезного производства, в том числе и экспериментально²².

Подборка статей ученых из многих городов – Кемерово, Новосибирска, Омска, Тобольска, Томска и т. д. позволяет ознакомиться с процессом литья кельтов, работой ими, технологией обработки рыбы, сооружения жилищ, схемой работы орудиями эпохи верхнего палеолита и многими другими аспектами этой отрасли археологии. Эти статьи опубликованы в сериях «Интеграция археологических и этнографических исследований» и «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума».

Судя по всему, экспериментальное направление успешно развивается. Однако есть и ограничения для применения этих методов: нельзя требовать от экспериментатора абсолютной доказательности, результаты эксперимента не всегда можно соотнести со временем и пространством, необходимы серии опытов для большей достоверности и использования материалов и методик, соответствующих древним.

Таковы, на наш взгляд, основные, далеко не полно изложенные нами направления интеграции археологии и этнографии на современном этапе. Мы же предлагаем вниманию читателей иной подход к интеграции археологии и этнографии.

Конструирование этнографо-археологических комплексов

Впервые с концепцией изучения этнографо-археологических комплексов (ЭАК) выступили Н. А. Томилов и его коллеги – В. Б. Богомолов и В. И. Соболев – в 1981 г. на V Западносибирском археолого-этнографическом совещании. К сожалению, они не стали продолжать начатые тогда теоретические и практические работы. Исключение составляет учебное пособие Н. А. Томилова «Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири» (Омск, 1987).

Лишь после более чем десятилетнего перерыва Томилов вернулся к изучению ЭАК и выпустил серию работ, посвященных этой теме, а также создал коллектив, целенаправленно занимающийся изучением ЭАК. Определение ЭАК, данное Н. А. Томиловым, существует без изменений более четверти века и приемлемо для научного этнографо-археологического сообщества. По крайней мере, с новыми его толкованиями никто не выступал, хотя в кулуарных разговорах иногда звучали сетования на некоторое непонимание определения. Отметим, что если столь длительное время существования термина без изменений и не является своего рода рекордом, то, по крайней мере, очень близко к этому. В планируемой итоговой работе всё будет изложено подробно, но пока остановимся только на описании компонентов ЭАК, включенных в определение Н. А. Томилова: «Многокомпонентный социокультурный комплекс, выделенный по данным археологии и этнографии, мы предлагаем называть этнографо-археологическим комплексом (ЭАК), подчеркивая его археологическую основу и использование его в анализе методов и данных этнографии. В нашем понимании это фактически реконструированный с помощью данных этнографии археологический социокультурный комплекс. Его основу составляют этнически определяемые археологические материалы памятников, обогащенные этнографической информацией»²³.

В основе проделанной нами работы – данные, полученные по преимуществу в зоне южной тайги и северной лесостепи Среднего Прииртышья в Большереченском, Муромцевском, Седельниковском, Тарском районах Омской области, где с 1991 г. археологи и этнографы, сотрудники Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии (с 2006 г. – Института археологии и этнографии) Сибирского отделения РАН и преподаватели Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, проводили исследования в русле данного направления, изучая ЭАК сибирских татар.

Большая часть результатов исследований опубликована в материалах семинаров «Интеграция археологических и этнографических исследований» (18 выпусков), серии сборников «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» (12 томов), монографиях Н. А. Томилова, М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко, А. Г. Селезнева и И. А. Селезневой. Вышли в свет также коллективные труды «Народная культура Муромцевского района» (2000), «Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири» (2005), учебное пособие А. В. Жука, С. С. Тихонова и Н. А. Томилова «Введение в этноархеологию» (2003).

При работе с археологическими и этнографическими материалами тарских татар возникли, а во время проведения постоянно действующего в Омске междисциплинарного семинара «Этнографо-археологические комплексы народов Сибири», а также и на международных научных симпозиумах «Интеграция археологических и этнографических исследований» были высказаны и обсуждены интересные мысли, касающиеся содержания этнографо-археологического комплекса. Это, как нам кажется, позволяет несколько уточнить и расширить определение ЭАК, данное Н. А. Томиловым, существенно не меняя его сути, а лишь показывая и оттеняя отдельные черты этнографо-археологического комплекса. Выделение в тексте (см. ниже) маркированным списком и шрифтом частей фраз позволит читателю заострить внимание на ключевых словах.

Итак, представим, выделив разрядкой ключевые слова, что этнографо-археологический комплекс – это

- 1) компактно расположенный в определенных природно-географических условиях;
- 2) комплекс археологических памятников и этнографических объектов;

3) служащих для изучения и реконструкции элементов (этой группы и ее предков) культуры (материальной, духовной, соционормативной, природно-средовой, жизнеобеспечения);

4) оставленный одной группой населения и ее прямыми предками, которые хозяйственно осваивали территорию обитания;

5) на основании по преимуществу материалов археологических памятников означенного комплекса;

б) и дополненных этнографическими, а при необходимости историческими, географическими, биологическими и другими сведениями.

Рассмотрим каждый из этих пунктов отдельно.

Компактно расположенный в... природно-географических условиях

Начало этнографо-археологическому комплексу дает группа людей, которая в оптимальных для них условиях строит поселение и осваивает территорию вокруг него. Речь, конечно, идет не о городах, где сосредоточены светская и духовная власть и которые являются центрами торговли, ремесла, отчасти культуры, а о постоянных сельских поселениях (жители могут называть их деревнями, юртами, паулями, кишлаками или еще как-нибудь). Судя по тому, что на этой территории остались многочисленные археологические памятники, место для проживания было выбрано удачно, а группа людей могла длительное время получать достаточное количество ресурсов, необходимых для жизни. Сюда можно включить численность промысловых животных, количество рыбы в водоемах, размеры пастбищ и сенокосов, урожайность трав, наличие топлива, воды хорошего качества и многое другое. Поэтому правильный выбор места для организации нового поселения является непременным условием его успешного функционирования. Следовательно, естественно стремление коллектива занять лучшие уголья. Вариантов оседания на новой территории не так и много:

- переселение в пределах занимаемой ранее (родовой?) территории. Возможно, примером может служить передвижения одной из групп тарских татар. Например, жители Бергамацких юрт (современный археологический памятник XVII–XVIII вв. Бергамак III), переехали в д. Старые Юрты близ Митейкина (Мамтейкина) озера (археологический памятник XIX в. Бергамак XXIII), и затем в д. Юрт-Бергамак, разбегавшуюся в конце 1980 г. Другой пример – переселение татар из Чепляровских юрт (поселение XVII–XVIII вв., найденное М. А. Корусенко и известное сейчас как поселение Алексеевка 51), на другой берег р. Тары и основание ими современной д. Чеплярово;

- переход на новые места внутри той же природно-географической и ландшафтной зоны. Здесь следует вспомнить о передвижениях групп курдако-саргатских татар в южнотаежной зоне Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв., о чем писал Н. А. Томилов, а затем С. Н. Корусенко. Более известны подвижки населения кулайской культуры раннего железного века в Среднем Приобье или андроновской культуры бронзового века в степях и лесостепях Азии от р. Урал до р. Енисей;

- миграция в местности с другими природно-географическими условиями. Напомним о передвижениях хунну из Азии в Европу, переселении племен лангобардов на Апеннинский полуостров, вандалов на Пиренейский или ютов, англов и саксов на Британские острова, освоение викингами островов Исландия, Гренландия и их попытки основать поселения в Америке. Известны также миграции тюрок из степи в лесостепь и даже тайгу Западной Сибири. Таким передвижениям несть числа.

Итак, люди селятся в местности с определенными *природно-географическими условиями*, которые им кажутся наилучшими и к которым они в конеч-

ном счете великолепно приспособляются. Предположим, что существует два уровня освоения этих природно-географических условий.

1. Необходимо выбрать территорию, с которой можно получать ресурсы и на которую не претендуют или перестают претендовать другие группы населения. Ее можно назвать *территория обитания*, и она есть у всех живых существ. У человека территория обитания может включать земли, используемые постоянно (пастбища, сенокосы, рыболовные или охотничьи угодья вблизи поселений), земли, используемые потенциально или сезонно (угодья удаленные), земли неиспользуемые (заповедные, «плохие» или священные).

2. На территории обитания человек выбирает *место для проживания*. Естественно, что, осваивая новую территорию, человек в первую очередь строит жилища, хозяйственные постройки и т. д., совокупность которых и образует поселение. Оно может иметь уличную или хаотичную планировку, однако по отношению к территории обитания оно *компактно*.

По материалам тарских (аялыньских) татар это выглядит следующим образом: вдоль Иртыша тянется цепочка татарских деревень Сеткуловка, Киргап, Айткулово, Атак, Речапово и т. д. Все они расположены в одних и тех же природно-географических условиях, расстояние же между ними в среднем половина или один пеший дневной переход. То же можно сказать и о татарских деревнях Чеплярово, Инцисс, Бергамак, Черталы по р. Таре (правый приток Иртыша). Фактически юрты (татарская деревня) являются компактно расположенным комплексом, окруженным хозяйственными и промысловыми угодьями, с которых население получало необходимые ресурсы.

Комплекс археологических памятников и этнографических объектов

Современный сельский населенный пункт представляет собой совокупность определенным образом расположенных усадеб с жилыми и хозяйственными постройками, а также приусадебным участком. Пожалуй, нет необходимости описывать структуру усадьбы, поскольку опубликована масса этнографических работ, посвященных этому сюжету. В населенном пункте имеются здания административных и хозяйственных органов, школа, больница, магазин, клуб, церковь, мечеть и прочее. Как правило, можно вывить старую и новую части деревни. Вокруг деревни расположены хозяйственные угодья: пастбища, покосы, места рыбной ловли, охоты, заготовки древесины, пасеки и т. д. К ним ведут пути сообщения. Как правило, возле деревни есть кладбище, мастерские, места содержания и выпаса скота. Татарские деревни Тарского Прииртышья по специально разработанной программе обследовали и описали этнографы, входящие в научно-исследовательскую группу, занимающуюся изучением ЭАК, – Н. А. Томилов, С. Н. Коруsenко, а также А. Г. и И. А. Селезневы и их коллеги.

Вокруг многих населенных пунктов располагаются археологические памятники, причем некоторые из них оставлены предками современных жителей изучаемых этнографами деревень. Например, близ д. Черталы есть поселение и могильник XVIII в. (раскопки Б. В. Мельникова, М. А. Корусенко), причем черталинцы прямо указывали на то, что это их старая деревня и могилы их предков. Близ русской д. Бергамак есть несколько татарских комплексов, попавших в поле зрения археологов благодаря разведкам Л. В. Татауровой и С. Ф. Татаурова. Это татарское поселение XVII–XVIII вв. Бергамак III (Бергамацкие юрты) (раскопки С. С. Тихонова и С. Ф. Татаурова), могильник этого же времени Бергамак II (раскопки С. С. Тихонова и К. Н. Тихомирова), летние деревни жителей Бергамацких юрт (городище Бергамак IX) (раскопки С. С. Тихонова) и памятник Бергамак XI (раскопки С. С. Тихонова и В. В. Михалева). Возле д. Чеплярово провел раскопки

могильника XVIII в. М. А. Корусенко. У д. Киргап есть выявленное разведкой В. И. Матюшенко поселение предположительно XVIII в., описанное Г. Ф. Миллером. Жители деревни знают, что есть еще одна их старая деревня на противоположном берегу Иртыша. На картах конца XIX – начала XX вв., действительно, указаны две деревни Киргап на разных берегах Иртыша.

Существуют и иные ситуации: есть памятник XVIII в., но он не связан с современными комплексами (татарские погребения на могильнике Окунево V, городище Надеждинка VII); вблизи современной деревни не нашли объектов более ранних (д. Айткулово); не найдены татарские юрты, отображенные в письменных источниках (аулы Кунлук, Таксай, Отрау и другие), а их месторасположения известно только приблизительно.

Итак, можно считать, что некоторые археологические памятники оставлены предками жителей современных деревень. Иногда местное население прямо указывает места проживания прародителей. В лучшем случае, это комплексы XVII в. Археологические материалы свидетельствуют о том, что вокруг населенных пунктов есть объекты XIV–XVI вв., а то и более ранние, которые можно связывать с объектами XVII–XVIII вв.

Такие материалы были получены С. Ф. Татауровым при раскопке городищ Бергамак V, Бергамак XIV, Бергамак XV на р. Бергамак в 3–5 км выше ее устья и А. В. Матвеевым во время изучения городища Ананьино на Пятой речке у д. Междуречье на Иртыше. Конечно, практически на всех татарских памятниках имеются материалы более ранних усть-ишимской и потчевашской культур. В целом же можно уверенно говорить о связи современных этнографических комплексов с объектами XVII–XVIII вв. и предполагать их связь с культурами развитого Средневековья. Иными словами говоря, можно искать корни современной культуры в археологических материалах середины – третьей четверти II тыс.

Служащий для изучения и реконструкции элементов культуры

В 2004 г. в Алматы (Республика Казахстан) в одном из докладов на семинаре «Интеграция археологических и этнографических исследований» были названы некоторые элементы культуры, которые можно анализировать и реконструировать (при соблюдении единой методики) при изучении ЭАК. Охарактеризуем эти термины.

– *Территория распространения ЭАК.* Картографирование позволяет определить размеры территорий, которые использовали жители одного населенного пункта. В целом система расселения татар хорошо сочетается с имеющимися данными. Напомним, что в Западной Сибири большая часть археологических памятников располагается на первых надпойменных террасах или останцах в пойме крупных рек или в нижнем течении их крупных притоков. Глубинные таежные территории были заселены мало. Об этом свидетельствуют археологические, этнографические, письменные и картографические данные.

Считаем, что система землепользования, вернее владения угодьями весьма консервативна, поэтому при привлечении этнографических данных и картографических материалов Исторического архива Омской области (ГИАОО) она может быть подробно описана.

– *Пространственная организация ЭАК.* Говоря о системе угодий, можно предполагать, что были земли, на которых устраивали постоянные места обитания, были угодья, где хозяйствование велось постоянно или сезонно, были земли неиспользуемые (сакральные или находящиеся на значительном расстоянии, заповедные и прочие). Этнографические данные, картографические материалы и письменные источники XIX–XX вв. позволяют составить схему угодий группы

татар. При тщательном изучении пространственная организация населенного пункта по этнографическим, картографическим и письменным материалам будет восстановлена полно. Но проверка этих данных археологически может быть, скорее всего, выборочна.

– *Пути сообщения.* Полагаем, что дороги между населенными пунктами и местами ведения хозяйства достаточно устойчивы. Можно говорить о дорогах «магистральных», связывавших между собой населенные пункты, «локальных», которые вели на уголья, и временных. Дороги можно выявить по старым картам и археологическим методами.

– *Структура населенных пунктов.* Омскими этнографами сняты планы современных татарских деревень. Некоторые из них опубликованы. Но с археологическими данными их сопоставить весьма затруднительно, поскольку полностью раскопанных поселений XVII–XVIII вв. пока нет, а площадь известных комплексов очень велика и для их исследований нужна масса времени и средств.

– *Домостроение.* Имеющиеся этнографические материалы и письменные источники позволяют восстановить жилищные комплексы XIX в. Но с археологическими материалами их сравнить трудно, так как не до конца разработана методика определения высоты, особенностей конструкции стен и кровли археологических жилищ.

– *Погребальный обряд.* Данные позднесредневековых могильников позволяют охарактеризовать по археологическим материалам погребальный ритуал. Имеются и детально изученные М. А. Корусенко погребальные комплексы современных татар. Это позволяет сделать реконструкции погребального обряда населения XVII–XVIII вв. и проследить его динамику. Нельзя не отметить разноплановость археологических и этнографических сведений. Археолог имеет дело с материальной стороной погребального обряда, фиксируя особенности погребальной камеры, труположения и т. д. Этнограф больше исследует духовные стороны погребального обрядности.

– *Хозяйство населения.* Казалось бы, изучение этого компонента ЭАК может быть наиболее плодотворным. Но, к сожалению, археологическая и этнографическая информация о земледелии, скотоводстве, охоте и рыболовстве, домашних занятиях разнохарактерна. Этнографические наблюдения дают более полную информацию по этим сюжетам.

– *Демография.* Известны письменные источники начиная с XVII в. о числе плательщиков ясака, или хозяйств, или населенных пунктов. Это позволяет говорить о численности населения, но не о его половозрастной структуре, что можно сделать по материалам могильников. Реконструированные демографические ситуации по половозрастному составу, соотношению числа мужчин и женщин, женщин и детей, вероятности смертности, возможности доживания до определенного возраста хорошо соотносятся с материалами переписей XIX в.

– *Социальная структура* населения может быть реконструирована как по археологическим, так и по этнографическим и письменным данным. Скорее всего, на основании материалов, найденных в могилах, можно говорить о богатстве отдельных семей, а письменные и этнографические материалы помогут их разграничить и по социальному статусу.

– *Предметы материальной культуры (орудия труда, оружие, украшения, керамическая и медная посуда)* встречены как на могильниках, так и в материалах поселений. Преимущественно это оружие (железные и костяные наконечники стрел, наконечники копий, кинжал, палаш, панцирь), орудия труда (ножи, серпы, абразивы), предметы конской упряжи (удила, псалии, стремяна, ременные бляхи), лепная и гончарная керамика, медные котлы, украшения (стеклянные бусы, медные браслеты, серьги, кольца и перстни), нюрнбергские счетные жетоны, копейки

времен царя Алексея Михайловича. Эти материалы хорошо поддаются формально-типологической обработке.

– *Костюм*. Основные черты традиционного комплекса костюма хорошо известны по этнографическим материалам. Что касается данных археологии, имеющиеся находки не позволяют реконструировать костюм полностью.

– *Пища*. Изучение пищи и питания древнего человека перестает быть проблемой, что показывают работы по раннему железному веку Н. П. Матвеевой и ее коллег. По пище сибирских татар завершена этнографическая работа М. Н. Тихомировой, археологические материалы пока не изучены.

Возможно, есть и другие элементы, которые можно изучать и реконструировать при анализе ЭАК. Надеемся, что коллеги помогут его пополнить.

Оставленных одной группой населения и ее прямыми предками

Одной группой населения следует считать жителей конкретной деревни, связанных родственными узами или отношениями свойства. У всех семей или у групп родственных семей могут быть общие предки. Эти жители и их предки в течение какого-то времени жили на одном месте. Естественно, не исключить из анализа и факт притока других групп населения, например казанских татар и бухарцев на территорию Среднего Прииртышья. Было бы хорошо дополнить исследование анализом ДНК как на археологическом, так и на этнографическом (анализ крови или кожных покровов современного населения) материалах.

На основании... материалов археологических памятников

Есть разные подходы к изучению ЭАК. Но в целом ситуация такая: этнографические материалы полнее и разнообразнее данных археологических, но их хронологическая глубина невелика. Археологические материалы документируют больший промежуток времени, но фрагментарны, правда, позволяют выстроить схему культурно-хронологического развития культуры изучаемого населения. С их помощью возможно также реконструировать некоторые черты хозяйства, социальной структуры, палеодемографии, палеоэкономики, палеоэкологии и т. д. Процедуры этих исследований хорошо известны специалистам, поэтому в комментариях не нуждаются.

Дополненных этнографическими... историческими, географическими, биологическими и другими сведениями

Как известно, любая реконструкция, основанная только на археологических материалах, как минимум, спорна или может иметь невысокую степень достоверности. Для более качественного изучения ЭАК ученые используют комплекс методов или анализируют источники комплексно. Опять-таки такие исследования, правда посвященные другим аспектам, в литературе известны.

Вот такие компоненты, на наш взгляд, присутствуют в ЭАК, скрываясь за понятием «археологический социокультурный комплекс». Конечно, изучение каждого из них – целая научная проблема, требующая для решения массу времени и усилий. Думаем, что совместные этнографо-археологические работы позволят их решить, чему и посвящены наши исследования и публикации.

Сегодня ясно видны перспективы этноархеологии в изучении социокультурной действительности прошлого. Возникают и, видимо, будут и в дальнейшем возникать новые конкретные исследовательские программы. Имеются возможности создания программ новой систематизации уже десятилетиями накопленных и известных в археологии и этнографии знаний. А единство исследовательских программ может открыть горизонты получения качественно новых знаний в этно-

археологии, которые существенно пополняют исторические знания. Сегодня есть потребность и в методологических исследовательских программах этноархеологического исследования. Конечно же, важное место должно быть отведено программам по разработке методик исследования этноархеологического объекта. Этим вопросом занимался Н. А. Томилов.

Объект этноархеологии составляют, исходя из предложенного выше ее предназначения; социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемыми или реконструируемыми, – путем интеграции археологического и этнографического познаний.

Предмет этноархеологии в общем виде составляют свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, а также свойства сопряжения этих явлений в одну систему, которые позволяют конструировать или реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и взаимоотношения с другими системами. Представляется, что актуальность этноархеологических исследований связана с получением новых знаний, с переосмыслением (насколько это возможно) результатов прошлых исследований (видимо, прежде всего в археологии и палеоэтнографии) под углом предмета и проблем этноархеологии, с использованием этноархеологических знаний в других науках (культурологии, социологии, социальной философии и других), а также отчасти в современной практике решения социокультурных проблем²⁴.

Теперь немного об итогах наших работ. В области методики мы разработали ряд программ по сбору археологических и этнографических материалов во время экспедиций и студенческих полевых практик. Это программы по методическим рекомендациям ведения полевой документации на раскопках памятников русских (Л. В. Татаурова), по хозяйственным занятиям (А. Г. Селезнев, С. Ф. Татауров, Н. А. Томилов), по землепользованию и путям сообщения (М. А. Корушенко, С. Ф. Татауров), по изучению гончарства, применению посуды (Л. В. Татурова), погребальному обряду русских (К. Н. Тихомиров, Д. В. Сорокоумов), историческим легендам и преданиям тюркских народов (Б. В. Мельников, А. Г. Селезнев), народным знаниям (Н. А. Томилов, Л. М. Кадырова, С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов) и т. д. Итогом работы стал сборник вопросников и программ по этноархеологии и этнографии (2002 г.). Занимались мы и решением основных проблем в области источников и методики, связанных с разрешением вопроса об этноархеологическом источнике и методах интеграции археологических и этнографических материалов и их интерпретаций.

В методолого-теоретической области наибольшее внимание нами было уделено понятию этноархеологии и новой, сформулированной нами дефиниции «этнографо-археологический комплекс» (подробнее об этом см. в главе 1).

После предварительного обобщения полученных результатов наших многолетних исследований группой омских этноархеологов принято решение подвести некоторые их итоги в серии коллективных монографии. Первую из них – тринадцатый том серии – мы представляем вниманию читателей, содержание остальных планируется следующее:

Том 14. Погребения, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этнографо-археологических работ.

Глава 1. Погребальный обряд и его этнографо-археологические исследования.

Глава 2. Терминология, методология и методика этнографо-археологических работ.

Глава 3. Археологические комплексы тарских татар (Надеждинка VII, Черталы I, Бергамак II, Окунево V–VII, Чеплярово XXVII, Усть-Тара):

Часть 1. Место расположения и природно-географическая ситуация (микроситуация).

Часть 2. Структура памятника, планиграфия, культурный слой, находки.

Часть 3. Выводы по этнографо-археологическим исследованиям, предлагаемые методики на перспективу. Связь с предыдущими комплексами (археология), связь с последующими комплексами (этнография).

Глава 4. Этнографические комплексы тарских татар (Гузенево, Черталы, Юрт-Бергамак, Инцисс, Малые Мурлы, Берняжка, другие комплексы):

Часть 1. Место расположения и природно-географическая ситуация (микроситуация).

Часть 2. Структура памятника, планиграфия, культурный слой, находки.

Часть 3. Выводы по этнографо-археологическим исследованиям, предлагаемые методики на перспективу. Связь с предыдущими комплексами (археология), связь с последующими комплексами (этнография).

Глава 5. Обобщающая.

Том 15. Погребальный обряд русских старожилов (структура аналогична структуре т. 14).

Том 16. Жилища, поселения и юрты в этнографо-археологических исследованиях.

Глава 1. Этнографо-археологическое изучение поселений и жилищ.

Глава 2. Терминология, методология и методика этнографо-археологических работ.

Глава 3. Археологические комплексы тарских татар (Надежинка VII, Черталы I, Бергамак III, IX, XI, XII, Алексеевка XIII):

Часть 1. Место расположения и природно-географическая ситуация (микроситуация).

Часть 2. Структура памятника, планиграфия, культурный слой, находки.

Часть 3. Выводы по этнографо-археологическим исследованиям, предлагаемые методики на перспективу. Связь с предыдущими комплексами (археология), связь с последующими комплексами (этнография).

Глава 4. Этнографические комплексы тарских татар (Гузенево, Черталы, Юрт-Бергамак, Инцисс, Малые Мурлы, Берняжка, другие комплексы):

Часть 1. Место расположения и природно-географическая ситуация (микроситуация).

Часть 2. Структура памятника, планиграфия, культурный слой, находки.

Часть 3. Выводы по этнографо-археологическим исследованиям, предлагаемые методики на перспективу. Связь с предыдущими комплексами (археология), связь с последующими комплексами (этнография).

Глава 5. Обобщающая.

Том 17. Дома и деревни русских старожилов Тарского Прииртышья (см. структуру т. 16).

Том 18. Жизнеобеспечение сибирских татар и русских старожилов в свете этнографо-археологических исследований.

Глава 1. Предмет исследований и возможности его изучения.

Глава 2. Отрасли присваивающего хозяйства (охота, рыболовство, собирательство).

Глава 3. Отрасли производящего хозяйства (скотоводство, земледелие).

Глава 4. Обработка материалов (ремесла, домашние промыслы, приготовление пищи).

Глава 5. Брачные, торговые, социальные и иные связи. Возможности их изучения на этнографо-археологическом материале.

Том 19. Этнографо-археологические комплексы народов Сибири и их изучение.

Глава 1. Место ЭАК в системе археолого-этнографических исследований.

Глава 2. История формирования и развития методика.

Глава 3. Методологические основания и методика.

Глава 4. Этнографо-археологический источник.

Глава 5. Перспективы комплексных этнографо-археологических исследований.

В связи с тем что тома готовятся к печати с различной степенью интенсивности, они могут быть опубликованы и в иной последовательности. Надеемся услышать замечания и критические отзывы ученых, заинтересованных в развитии этноархеологии.

¹ *Формозов А. А.* : 1) Начало изучения каменного века в России. – М., 1983; 2) Страницы истории русской археологии. – М., 1986.

² *Итина М. А.* Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии. – М., 1979.

³ *Литвинский Б. А.* Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М., 1981.

⁴ *Чவர் Л. А.* Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. – М., 1983. – С. 124.

⁵ *Руденко С. И.* : 1) Древнейшая «скифская» татуировка // Советская этнография. – 1949. – № 3. – С. 133–134, 142; 2) Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. – М., 1968. – С. 25.

⁶ *Дэвлет М. А.* Петроглифы Мугур-Саргола. – М., 1980. – 244–260.

⁷ *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1979. – С. 54, 57, 59.

⁸ *Савинов Д. Г.* Археолого-этнографический комплекс Торгажак (эпоха поздней бронзы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск ; СПб., 1998. – Ч. II.

⁹ *Бибиков С. Н.* Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // Советская археология. – 1969. – № 4.

¹⁰ *Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья // Советская археология. – 1965. – № 1; *Массон В. М.* Поселение Джейтун. – Л., 1971; *Щетенко А. Я.* К изучению экономического базиса древнеиндийской цивилизации // Краткие сообщения Института археологии. – М., 1973. – Вып. 134.

¹¹ *Корусенко М. А., Татауров С. Ф.* Система земле- и природопользования у населения низовьев Тары в XIX – начале XX вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2 : Культура тарских татар.

¹² *Молони Н.* Археология. – М., 1996. – 122–125.

¹³ *Шнирельман В. А.* : 1) Этноархеология – 70-е годы // Советская этнография. – 1984. – № 2; 2) Этноархеология // Свод этнографических понятий и терминов. – М., 1988. – Вып. 2 : Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления. Методы. – С. 95.

¹⁴ *Кениг А. В.* Этноархеология как метод археологических реконструкций (по материалам тазовских селькупов). – Екатеринбург ; Ханты-Мансийск, 2010.

¹⁵ *Томилов Н. А.* Этноархеология как научное направление // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 6. – С. 78; *Мельникова О. М.* Заметки о содержании этноархеологии //

Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск ; СПб., 1998. – Ч. II. – С. 17.

¹⁶ Томилов Н. А. Этноархеология как научное направление // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 6. – С. 78;

¹⁷ Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. – М., 1989.

¹⁸ Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск, 1996.

¹⁹ Молодин В. И., Глушков И. Р. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск, 1989. – С. 114–116.

²⁰ Экспериментальная археология : в 3 вып. – Тобольск, 1991. – Вып. 1; Тобольск, 1992. – Вып. 2; Тобольск, 1994. – Вып. 3.

²¹ Бородовский А. П. Экспериментальная реконструкция технологии изготовления панцирных пластин из лошадиных копыт, известной у сармат по описаниям античных авторов // Экспериментальная археология. – Тобольск, 1992. – Вып. 2. – С. 34–41.

²² Бородовский А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск, 1997.

²³ Томилов Н. А. Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар. – С. 16.

²⁴ Томилов Н. А. : 1) Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар. – С. 16; 2) Этноархеология как научное направление // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 6. – С. 78.

ГЛАВА 1

ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ: ПОДХОДЫ И ПОИСКИ ПУТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ

История вопроса

Как известно, в отечественной этнографической науке в 1930-х – середине 1960-х гг. основное внимание уделялось изучению этногенеза и шире – этнической истории¹ народов мира. Сначала это изучение проводилось в рамках отдельных наук, но в 1940-е гг. всё более четко стала выявляться необходимость проведения комплексных (силами ученых двух-трех научных дисциплин) и междисциплинарных исследований. В послевоенные десятилетия и в отечественной, и в зарубежной науке стали активно дебатироваться проблемы изучения социокультурных систем, отношений и этнической истории путем интеграции археологических и этнографических материалов, а нередко и методов. Был возрожден к жизни термин «этноархеология» для обозначения научного направления, в русле которого разрабатываются и совершенствуются методы реконструкций древних обществ по археологическим остаткам².

Отметим, что ученые-сибиреведы не только не отставали в разработке данной проблематики, но во второй половине XX в. нередко брались за организацию и проведение междисциплинарных исследований по вопросам этнической и социокультурной истории. Это нашло отражение и в разработке выдающимся сибирским ученым А. П. Дульзоном в 1947 г. подробного перспективного плана всестороннего комплексного изучения происхождения народов Сибири и их языков³ (план был опубликован в 1952 г.), и в проведении грандиозных научных работ Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией ленинградских, московских и сибирских ученых, и в многолетнем совместном изучении археологами, этнографами и антропологами Сибири и Урала проблемы «Этнокультурная история народов Западной Сибири» (головное учреждение – Томский государственный университет), выпуске ими томов «Очерков культуригенеза народов Западной Сибири»⁴, и в активном применении археологами метода сравнительного анализа археологических и этнографических культур⁵ и т. д.

С 1970-х гг. именно в Сибири стали проводиться научные конференции, на которых дебатировались темы этнической интерпретации археологических материалов, возможностей археолого-этнографических параллелей, перспектив комплексных исследований этнической истории и др. Определенную роль в усилении интереса к данным проблемам среди сибиреведов сыграли опубликованные в 1970-е гг. материалы ряда конференций и совещаний в Новосибирске, Омске и особенно в Томске⁶, а также дискуссионная статья С. А. Арутюнова и А. М. Хазанова, посвященная вопросам возможностей отождествления археологических культур с какими-либо конкретными этническими образованиями⁷.

Как нам представляется, наиболее существенным импульсом для организации совместных археолого-этнографических исследований в Западной Сибири стали результаты обсуждения этих проблем на очередном, пятом, Западносибирском совещании археологов, этнографов и антропологов (1981 г.) в Томске и выпуск его материалов⁸. На этом совещании обсуждались не только методологические, источниковедческие и методические аспекты проведения комплексных

археологических и этнографических работ, но и первые результаты попыток организации подобных исследований омскими и томскими учеными.

Важно то, что вновь выдвинутая во второй половине 1970-х гг. идея интеграции археологических и этнографических работ попала в Омске на благодатную почву – появились энтузиасты этой идеи. В начале 1980-х гг. омский этнограф В. Б. Богомоллов и новосибирский археолог В. И. Соболев предприняли попытку скоординировать свои усилия по изучению орнамента барабинских татар⁹, а во второй половине 1980-х гг. омские исследователи В. В. Дрягин (этнограф и социолог) и Б. В. Мельников (археолог, начальник экспедиции) стали проводить полевые археолого-этнографические работы в Муромцевском районе Омской области, охватывая поиском материалов также территории Седельниковского района той же области, Кыштовского района Новосибирской и Каргасокского района Томской области¹⁰. Работы по стыковке археологических, этнографических и исторических материалов по этнической истории и культуре отдельных групп сибирских татар и чулымских тюрок были проведены Н. А. Томиловым в эти же годы¹¹.

Тогда уже стало ясно, что необходимо специально готовиться к проведению совместных археолого-этнографических исследований, начиная с полевых работ. Для того чтобы создать и отработать методику таких исследований, следовало прежде всего выполнить эти исследования по археологическим, этнографическим, историческим и другим материалам, относящимся к позднему Средневековью, Новому времени и даже начальному этапу новейшей истории.

В начале 1993 г. в открытом в 1991 г. Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (ОИИФФ СО РАН) несколько молодых ученых вновь подняли вопрос о необходимости стыковки археологических и этнографических работ при изучении истории и культуры народов южной части Западной Сибири; 15 марта 1993 г. в филиале состоялось научное совещание археологов и этнографов на тему «Интеграция археологических и этнографических исследований в Западной Сибири». В работе совещания приняли участие ученые из Сибирского филиала Российского института культурологии, омских вузов – университета, педагогического и технологического институтов.

На совещании было высказано единодушное мнение о необходимости организации в филиале научно-поисковой группы по проведению фундаментальных исследований многокомпонентных социокультурных этнографо-археологических комплексов. Омский филиал ОИИФФ СО РАН получил задание начать работу по теме «Этнографо-археологический комплекс» и сформировать группу для ее выполнения, в которую тогда вошли археологи Б. В. Мельников, С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов, этнографы В. Б. Богомоллов, М. А. и С. Н. Корусенко, А. Г. Селезнев и Н. А. Томилов (руководитель группы). Они и развернули совместные археолого-этнографические работы по изучению археологических памятников и этнографии тарских татар (одна из этнических групп сибирских татар) XVII–XX вв.

В 1994 гг. были начаты исследования такого рода по истории и культуре русских бассейна Нижней Тары. Поисковая группа расширилась за счет того, что в нее вошли этнограф М. Л. Бережнова и археолог Л. В. Татаурова¹². С коллективом омских этноархеологов тесно сотрудничали также археологи А. В. Жук, В. В. Михалев (Омск), А. М. Илюшин (Кемерово), В. И. Соболев (Новосибирск), этнографы Л. М. Кадырова, В. В. Мерзликин (Омск) и др. В настоящее время в межведомственную научно-поисковую группу омских этноархеологов входят М. Л. Бережнова, М. А. Корусенко, С. Н. Корусенко, А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов.

Многие годы в Омске действовал научный семинар «Этнографо-археологические комплексы народов Западной Сибири». В его работе на протяжении 20 лет наряду с постоянными членами группы участвовали и ассоциированные члены – научные сотрудники, аспиранты и студенты старших курсов вузов и специалисты из других учреждений Омска (например, в 1996 г. в семинар входили 23 чел.). В целях проведения широкого обмена мнениями по данной проблеме с коллегами из разных научных центров страны был организован ежегодный Всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований». На состоявшемся 23 октября 1993 г. в Омске его первом заседании с докладом о проблемах этноархеологии выступил В. А. Шнирельман (Москва). Второй и третий семинары состоялись также в Омске в ноябре 1994 и 1995 гг. В этих семинарах участвовали ученые Абакана, Кемерово, Краснодара, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Томска и Тюмени¹³.

Участники третьего семинара приняли решение: «С целью преодоления имеющейся определенной изоляции групп ученых и отдельных ученых, занимающихся проблемами этноархеологического характера, рекомендовать учреждениям-организаторам семинара ряд следующих заседаний провести не только в Омске, но и в Кемерове, Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге»¹⁴. Во исполнение этого решения и благодаря финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований IV Всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» был проведен в ноябре 1996 г. в Новосибирске¹⁵. При поддержке Российского гуманитарного научного фонда в июне 1997 г. в Уфе прошел V семинар (в рамках III Конгресса этнографов и антропологов России), VI семинар состоялся в октябре 1998 г. в Санкт-Петербурге и VII семинар – в июне 1999 г. в Москве. Начиная с шестого семинара он приобрел статус международного научного форума.

VIII международный научный семинар был проведен в сентябре 2000 г. во Владивостоке, IX – в сентябре 2001 г. в Нальчике (в рамках IV Конгресса этнографов и антропологов России), X – в сентябре 2002 г. – в Ханты-Мансийске, XI – в июне 2003 г. в Омске (в рамках V Конгресса этнографов и антропологов России), XII – в сентябре 2004 г. в Алматы (Республика Казахстан), XIII – в октябре 2005 г. в Омске, XIV – в октябре 2006 г. в Красноярске. С 2007 г. данный форум ученых стал называться симпозиумом. XV международный научный симпозиум прошел в мае 2007 г. в Одессе (Украина), XVI – в октябре 2008 г. в Новосибирске, XVII – в сентябре 2009 г. в Омске, XVIII – в октябре 2010 г. в Казани, XIX – в сентябре 2011 г. в Омске (в рамках Международного научного конгресса «Этническая история и культура тюркских народов Евразии»), XX – в мае 2013 г. в Иркутске. Определенный вклад в обсуждение вопросов интеграции археологических и этнографических исследований внесла и организованная омичами, прошедшая в октябре 2013 г. в Омске Международная научная конференция «Творчество в археологическом и этнографическом измерении».

В 1996 г. омские археологи и этнографы выпустили в свет через сибирскую издательскую фирму Российской академии наук «Наука» первый том серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума»¹⁶. В состав редакционной коллегии серии вошли видные российские ученые: академик РАН А. П. Деревянко, члены-корреспонденты РАН С. А. Арутюнов, Р. Г. Кузеев, В. И. Молодин и др. Основная цель издания такой серии, по нашему мнению, – стимулировать формирование и развитие этноархеологии в России. Каждый том состоит из следующих разделов: «Методологические, теоретические, историографические и методические проблемы археолого-этнографической интеграции», «Исследования

и материалы» (монографии и статьи по результатам конкретных исследований), «Научная жизнь» (сообщения о научных форумах, о работе коллективов и отдельных ученых в области археолого-этнографических исследований), «Рецензии» (материалы, касающиеся только тех монографий, сборников и статей, которые имеют отношение к этноархеологии). В серии могут участвовать отечественные и зарубежные ученые, работающие по проблеме интеграции археологических и этнографических исследований¹⁷.

К настоящему времени выпущено 12 томов данной серии – это сборники научных трудов и монографии М. А. Корусенко и В. И. Соболева. В состав редакционной коллегии серии сегодня входят главный редактор Н. А. Томилов, заместитель главного редактора С. С. Тихонов, ответственный редактор М. А. Корусенко (Омск) и члены редколлегии – известные российские ученые С. А. Арутюнов (Москва), А. В. Головнев (Екатеринбург), А. П. Деревянко (Новосибирск), Н. Н. Крадин (Владивосток), Г. Е. Марков (Москва), В. И. Молодин (Новосибирск), Д. Г. Савинов (Санкт-Петербург), А. А. Тишкин (Барнаул), А. В. Харинский (Иркутск), Ю. С. Худяков (Новосибирск) и В. А. Шнирельман (Москва).

Этноархеология как особое научное направление

В методолого-теоретической области наибольшее внимание было уделено понятию этноархеологии и новой сформулированной дефиниции «этнографо-археологический комплекс» (ЭАК). Сначала несколько слов о нашем понимании этноархеологии.

Этноархеология сегодня считается направлением, связанным прежде всего с методикой современной археологии¹⁸. В. А. Шнирельман совершенно справедливо, на наш взгляд, обратил внимание на то, что западные этноархеологи на данном этапе не смогли «...найти необходимый “баланс” между организующей ролью теории и корректирующей ролью методики». И далее он писал: «Поэтому несравненно более перспективными представляются основанные на марксистской методологии исследования археологов СССР, которые ищут пути совершенствования процедуры исторических реконструкций, стремясь глубже понять органичность связи между культурными остатками и функционирующими культурными системами»¹⁹. В область научных знаний и опытов этноархеологии включают внедрение, интерпретацию и исследование этнографического материала в сфере археологии, в том числе путем археолого-этнографических аналогий, этнографического осмысления археологических остатков и ситуаций, внедрения системного подхода, анализа и синтеза функциональных связей в целях воссоздания археологического бытия, изучения процессов «археологизации живой культуры» и т. д.²⁰

Вести речь об этноархеологии следует, на наш взгляд, не только как о методике реконструкций древних обществ и культур. Американские исследователи, внесшие наибольший вклад в этноархеологическую проблематику, считают, что этноархеология «...призвана выявлять не только общие закономерности развития древних обществ, но и их особенности»²¹, тем самым закрепляя за этой сферой науки не только методику, но и теорию культуры, общества и их динамику. Этноархеология предстает перед нами скорее как особое научное направление (или даже отдельная наука), призванное решать круг проблем по истории общества и культуры человечества, а также их элементов разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем. И здесь мы опираемся на методическое положение о том, что совокупность человечества «...есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стре-

мящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры»²².

Исходя из такого понимания предназначения этноархеологии, ее объектом мы определяем социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемыми или реконструируемыми путем интеграции археологических и этнографических знаний. Предмет этноархеологии в общем виде, по нашему мнению, составляют свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, а также свойства сопряжения этих явлений в одну систему, которые позволяют конструировать или реконструировать (моделировать) социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и взаимоотношения с другими системами.

Что касается более кратких сущностных определений, то они также должны быть получены. Однако это наиболее трудное дело. Пока только относительно предмета этноархеологии мы можем предложить такой более краткий вариант определения: это свойства социокультурных систем и процессов отражать историческую действительность.

Исходя из предложенных определений²³, мы видим, что круг проблем теоретического и эмпирического уровня у этого научного направления достаточно широк. Их решение, как нам представляется, может существенно продвинуть познание человечеством своей истории. Но даже если рассматривать этноархеологию как научное направление, связанное только с методикой реконструкции явлений прошлого, то и в этом случае всё равно возникают методолого-теоретические аспекты этой методики. Этноархеология, по нашим представлениям, в будущем выделится как особая наука, имеющая в своей структуре методологию и теорию конструирования и истории моделей прошлого (в нашем понимании – этносоциокультурных систем), историографию интеграции археологии и этнографии, этноархеологическое источниковедение, методику конструирования (или реконструкции для более ранних периодов истории человечества) моделей прошлого и фактические (эмпирические) исследования методами этноархеологии социумов и культур разных исторических эпох и их динамики.

При этом мы исходим из того, что при изучении социокультурных и как одного из их типов этнокультурных процессов, которые являются чрезвычайно важными в системе этнических и этносоциальных процессов, для ранних периодов этнической истории историко-культурных общностей, несомненно, большое значение приобретают археологические материалы. Что касается конкретно Сибири, то и для периода русских письменных источников, особенно XVII–XVIII вв., роль археологических материалов при изучении культуры коренного населения и в целом истории бесписьменных народов продолжает оставаться довольно значительной²⁴. Конечно, письменные источники – архивные материалы, опубликованные документы, записки путешественников, труды ученых разных профилей и т. д. – содержат немало сведений этнографического характера²⁵. Однако в описании культурных, а порой и социальных явлений имеется довольно много поверхностного и мало конкретного, а некоторые стороны культуры иногда вообще бывают не затронуты документами такого рода. Отсюда – необходимость обращения к другим видам источников, в первую очередь к материалам археологии.

О важности изучения археологических памятников Сибири периода Средневековья и Нового времени в нашей литературе говорится постоянно²⁶. Именно при изучении памятников этих эпох обнаруживается перспективная возможность непосредственного использования этнографических материалов. Следует отметить, что вплоть до настоящего времени в такого рода исследованиях чаще всего

проявляется одностороннее обращение археологов к этнографическим материалам, а этнографов к данным археологии – лишь для поисков параллелей.

И. С. Гурвич верно, на наш взгляд, подмечал, что «...декларируемый почти в каждой работе, посвященной этногенезу, комплексный подход к этой проблеме по существу остается благим пожеланием»²⁷. Недостаточное овладение теоретическими положениями и методикой смежной науки нередко, как нам кажется, приводит специалистов этих двух профилей к ошибочным выводам или просто к поверхностным утверждениям.

В целом фиксируется положение, при котором без взаимопроникновения теории и методики археологических и этнографических исследований дальнейшее решение проблемы этнической интерпретации археологических комплексов, изучения социокультурных процессов в древности не представляется достаточно перспективным. В результате на современном уровне науки выявляется относительно малый выход совокупности археологических и этнографических данных в историческую область и прежде всего в изучение истории этнических образований. В решении этой проблемы заинтересованными сторонами в одинаковой степени выступают как археологи, так и этнографы.

Нам представляется, что одна из первоначальных задач при работе в этом направлении состоит в ликвидации своеобразного разрыва между этими двумя науками. Следует подчеркнуть, что археологию и этнографию связывает прежде всего то, что культура в широком ее понимании и социум – их общие объекты изучения. Отсюда и целый круг общих вопросов этих наук: изучение социально-экономических процессов, хозяйственно-культурных типов, явлений природно-средовой, материальной, соционормативной и духовной культуры, хода исторических событий, выявление функций предметов, реконструкция семейных и общественных отношений и т. д. При решении многих из этих вопросов археология и этнография пользуются, как правило, своими научными методами, а нередко имеют и свой строго очерченный круг проблем, не связывающих эти две науки.

При совместном использовании археологической и этнографической информации выявились разного рода трудности. Часть из них связана с неодинаковой исторической стадильностью – комплексы культуры археологического характера и фиксируемой этнографами традиционно-бытовой культуры нередко относятся к различным этапам социально-экономического развития, к разным типам этнических общностей и т. п. Другие трудности вызваны тем, что археологические комплексы характеризуют не всю культуру их носителей, а лишь ее фрагментированные компоненты. Из-за этого те или иные материалы представлены в археологических и этнографических источниках неоднозначно. Наконец, следует сказать о роли лакун как в археологии, так и в этнографии – это, скажем, отсутствие сплошной археологической исследованности территорий для разных хронологических памятников, неравномерность в этнографических знаниях по отдельным явлениям культуры тех или иных этносов и т. д.

В свое время С. А. Арутюнов и А. М. Хазанов выделили три основных метода изучения этнических свойств археологических комплексов культуры: совмещение их с территориальным распространением каких-либо этнонимов; отождествление с топонимистическими ареалами; установление связи этих комплексов путем сопоставления с историческими и этнографическими материалами²⁸. Из этих трех методов для совмещения археологических и этнографических культурных комплексов может быть использован лишь ретроспективный метод.

Не стоит, видимо, игнорировать и привлечение данных двух наук – археологии и этнографии – для изучения истории отдельных культурных явлений

и выделения в них этнических свойств. Речь идет о целенаправленном изучении видов орудий труда, поселений и жилищ, предметов быта, погребального обряда, декоративно-прикладного искусства и т. д. Здесь может быть достигнут значительный эффект, если работа выполняется группой специалистов, имеющих высокий уровень знаний и опыт работы как в археологии, так и в этнографии. Изучение отдельных явлений культуры по археологическим и этнографическим материалам при этом должно проводиться в хронологической последовательности по различным периодам. Такого рода работа может явиться, на наш взгляд, предварительным этапом в плане выделения комплексов традиционно-бытовой культуры.

Этнографо-археологический комплекс

В 1981 г. Н. А. Томилов и В. Б. Богомолов предложили назвать выделенный по данным археологии и этнографии многокомпонентный социокультурный комплекс этнографо-археологическим (ЭАК), подчеркивая его археологическую основу и внедрение методов и данных этнографии²⁹. В нашем понимании это фактически реконструированный с помощью данных этнографии археологический социокультурный комплекс. Его основу составляют этнически определяемые археологические материалы памятников, обогащенные этнографической информацией.

Первый этап в выделении ЭАК – это работа с этнографическим материалом, т. е. выяснение исторически более ранних социокультурных явлений, отчленение более поздних напластований, достаточно четко фиксируемых разного рода источниками. Тем самым хронология выделенных социокультурных явлений, насколько это возможно, максимально приближается к датировке наиболее поздних археологических памятников или даже доводится до полного совмещения с ней. Одновременно с этим систематизируется археологический материал в определенных пространственно-временных рамках, т. е. выделяется и археологический комплекс социокультурных явлений позднего периода.

Следующий этап работы – идентификация археологических предметов с такими же предметами этнографического комплекса. Это установление идентичности, на наш взгляд, должно проводиться с учетом исторических условий и культурных влияний в изучаемый период в данном регионе. Одновременно осуществляется анализ археологических сведений, косвенно указывающих на возможное распространение тех или иных видов изделий, которые не сохранились в археологических памятниках, но зафиксированы этнографическими материалами (например, пряслица, моталки могут свидетельствовать о типе ткачества и возможном производстве ковров, а расположенные в определенном порядке мелкие бусы – о вышивке и виде орнамента на тканях и т. д.). Взаимосвязанность и часто взаимообусловленность хозяйственно-культурных явлений, закономерности их сочетания позволяют, как нам представляется, включить в ЭАК и целый ряд культурных элементов из этнографических материалов, которые незафиксированы археологическими данными (например, изделий из мягких материалов и даже, видимо, народных знаний, мировоззренческих представлений и т. д.).

При выполнении этой работы необходимо привлекать и письменные исторические источники. К сожалению, в Сибири некоторые археологи даже при изучении средневековых памятников либо вообще не обращаются к историческим материалам, либо используют их недостаточно. В последние десятилетия прослеживается тенденция привлечения археологами Сибири письменных источников и в целом данных исторической науки для решения многих проблем, что, безусловно, значительно увеличивает историческую информативность археологических материалов в исследовании.

Выделенный таким путем с привлечением исторических данных ЭАК может быть исследован, насколько позволяют материалы (в плане выявления более ранних его этапов). Такая работа может проводиться, видимо, до исчезновения основного состава признаков данного комплекса на исследуемой территории и в соседних регионах в каком-то более раннем периоде.

На всех этапах выделения ЭАК и изучения его истории должна быть значительной роль не только археологов, но и этнографов. Совершенно прав, на наш взгляд, Л. С. Клейн, когда пишет, что «...возможность археолого-этнографических параллелей зависит от реализации, так сказать, этнографо-этнографических (т. е. внутриэтнографических) параллелей. Проблема сопоставлений, таким образом, есть не только междисциплинарная, но – в ином аспекте – и собственно этнографическая»³⁰. Важность участия этнографов в этой работе определяется тем, что этнограф часто является непосредственным свидетелем трансформации культуры и может достаточно глубоко проникнуть в причины и закономерности этих изменений. Выделение целого ряда ЭАК и разработка их типологии хотя и требуют огромной работы, в будущем, несомненно, могут значительно продвинуть вперед решение задачи идентификации археологических материалов с культурой конкретных этнических общностей. Следует еще раз подчеркнуть, что условиями успеха в проведении таких исследований должны быть выявленность ЭАК на достаточно широкой территории и их определенная хронологическая глубина.

Чем глубже в древность, тем более относительна соотносимость такого ЭАК с конкретным этническим образованием. Здесь начинают проявлять себя трудности в идентификации археологических памятников с этносами и их культурами, уже раскрытые в литературе: 1) дискуссионный характер вопросов о видах и специфике типов этнических общностей в разных эпохах (особенно на ранних этапах истории); 2) тот факт, что явления культуры могут отражать специфику результатов деятельности не только этнических образований, но и других видов социальных общностей; 3) увеличивающееся разнообразие в интерпретации содержания и функций отдельных черт культуры; 4) возможное искажение картины реального соотношения хозяйственно-культурных традиций и др.³¹

Перспективным применение метода конструирования ЭАК в западно-сибирском регионе, например, представляется нам на глубину 1,5–2 тыс. лет начиная во многих случаях с XIX в. (порой с XX в.). По более ранним этапам продолжение такой работы может оказаться возможным, если использовать для последующих периодов построенные уже шкалы ЭАК по уграм, самодийцам и тюркам этого региона. При большом разнообразии видов археологических данных (особенно памятников, в которых в силу особого состояния почвы или по каким-либо другим причинам сохранились изделия из мягких материалов), работа по конструированию ЭАК в принципе может быть продолжена. Но возможности отождествления ЭАК с этническими общностями лежат на ранних этапах, видимо, в плоскости увязывания их не столько с какими-то конкретными этносами или языковыми общностями, сколько с этнокультурными общностями, скажем, в Западной Сибири тех же угров, самодийцев, тюрков и их предков.

Верным и согласующимся с нашей точкой зрения представляется нам мнение одного из ведущих специалистов западносибирской археологии М. Ф. Косарева о том, что «...при наличии преемственности традиционных черт культуры можно искать предков конкретного современного этноса так далеко в глубине веков, насколько позволяет идти ретроспективная линия культурной преемственности, независимо от того, сопровождается она на всем ее протяжении антропологической и языковой преемственностью или нет»³².

ЭАК почти всех хронологических срезов по объему неполон, так как часть культурных явлений из-за фрагментарности археологических материалов реконструировать трудно. Это относится в первую очередь к духовным ценностям, семейной и общинной обрядности и т. д., а также к некоторым сферам материальной культуры. Тем не менее ЭАК гораздо объемнее археологической культуры и может быть этнически определен. При этом фрагментарность культурного комплекса при использовании этнографических данных значительно уменьшается. Происходит увеличение информативности материалов, а этого может оказаться вполне достаточно для выявления этнокультурных связей и использования имеющихся материалов для изучения этногенетических, этноисторических и социокультурных процессов. Ведь даже в этнографии далеко не все компоненты культуры этноса исследуются с этой целью – нередко не привлекаются материалы по народной музыке, хореографии и некоторым другим видам народного искусства, по народным знаниям, многим обрядам и т. д.

В отношении сибирских регионов сложность при проведении работы по построению ЭАК определяется в первую очередь тем, что этнические образования Сибири на протяжении двух последних тысячелетий были охвачены бурными процессами территориальных перемещений групп населения, а значит, и активными процессами этнического взаимодействия – объединения и разъединения, перехода целых групп в другие этнические общности. Эта перекомпоновка этнических образований не всегда сопровождалась существенными изменениями в культурном комплексе. Особенно когда речь шла об этнически взаимодействовавших группах населения с одинаковым хозяйственно-культурным типом или имевших этнокультурную близость в результате прошлых контактов, а также когда возникали общие черты культурного облика разных этносов на широкой территории – скажем, в рамках одной историко-этнографической общности.

Мы полагаем, что изучение этнокультурных процессов методом конструирования ЭАК может дать значительные результаты в выявлении социокультурных систем и этнической специфики культурных явлений, очень важной для определения этнической принадлежности их создателей.

ЭАК следует, на наш взгляд, рассматривать как живой организм, как систему, тесно связанную с экологической, экономической, социальной и исторической средой, проходящую этапы зарождения, активного функционирования и растворения (трансформации) или даже гибели, имевшую свою «родину» и разную на поэтапных хронологических срезах территорию распространения. В ЭАК могут быть выделены подкомплексы или ранние комплексы.

Развернутые с 1993 г. омскими учеными совместные археолого-этнографические исследования социокультурных процессов и ситуаций у русских и у тарских татар бассейна Тары и в целом Тарского Прииртышья в XVI–XX вв. с последующим углублением в Средневековье были рассчитаны на многие годы. В случае получения положительных научных результатов можно будет исследовать другие группы сибирских татар и их ближайших предков, а также чulyмских тюрок и отдельные группы обских угров и самодийских народов Западной Сибири.

Считаем, что изучение ЭАК – более наукоемкий процесс, чем нам представлялось раньше. В некоторых случаях его можно реконструировать только логически, так как источники этого периода не введены в научный оборот. Кроме того, ЭАК – очень сложный феномен, образовавшийся в результате синтеза многих явлений: взаимодействия разных этнических групп в сфере межэтнических контактов, совместного природопользования, культурного взаимовлияния и т. д., а также осмысления этих взаимодействий исследователями.

Помимо разработки общетеоретических, методологических проблем интеграции двух наук, изучение ЭАК позволяет не только исторически проследить этногенетические и этноисторические процессы, но и решать другие задачи: реконструировать систему землепользования населения в древности, в Средневековье и в Новое время, выявить закономерности расселения жителей в природно-географической зоне в разные исторические периоды, комплекс народных рациональных знаний и др. А всё это может дать немало материалов для решения проблем современности.

Что касается вопроса о совпадении или несовпадении ЭАК (он конструируется по материалам конкретных археологических памятников) с археологической культурой, то ответ можно будет получить при развертывании масштабных работ по конструированию ЭАК. Но и сейчас уже понятно, что здесь могут быть различные варианты сочетаний этих двух категорий. Совпадения их необязательны. Ведь ЭАК – это прежде всего социокультурный комплекс, который характеризует этнический или этносоциальный компоненты или, скорее, их систему в составе этнического образования. Поэтому в археологическую культуру могут входить и два, и три ЭАК. Самые поздние археологические памятники, положенные в основу ЭАК, вообще соотносятся в первую очередь с конкретными этническими общностями, а не с археологической культурой. Лишь с углублением исследования в более ранние периоды встает задача соотношения ЭАК и археологической культуры.

Результаты наших полевых, методических и эмпирических исследований вселяют надежду на то, что в ходе такого рода многолетних работ фундаментального характера будет получена качественно новая историческая информация и продолжит формироваться новое научное направление на стыке археологии и этнографии (этноархеология) в российской науке. Наш опыт совмещения археологических и этнографических материалов по культуре и полученных результатов по анализу демографических, территориально-поселенческих, социальных характеристик тюркоязычной группы населения и русских бассейна Нижней Тары позволяет наметить не одно, а несколько направлений работы.

Прежде всего, это выход на проблему этнической истории тарских и шире – сибирских татар, с изучения которой и возникло стремление интегрировать археологические и этнографические материалы, а возможно, и материалы по антропологии, истории, лингвистике и фольклористике. Еще одно направление работы – это проблема экологической ниши и возможностей хозяйственно-технологической и культуротворческой деятельности населения на разных стадиях социально-экономического развития, проблема воссоздания социокультурных систем, выявления в них подсистем и изучения внутрисистемных связей и взаимообусловленностей (включает хозяйство, материальную, духовную и соционормативную культуру, социальные организмы, их структуру, социальные связи, демографический состав, типы расселения, информационные сети и связи и т. д.), проблема внешних связей социокультурных систем и подсистем.

При этом помимо статической фиксации социокультурной и эколого-хозяйственной ситуаций важно изучать динамику развития этих систем, т. е. природно-средовые и социокультурные процессы. Возникает множество и других методологических, теоретических и методических проблем, непосредственно связанных с самой интеграцией археологических и этнографических исследований.

Что касается организационной стороны дела, то она связана с проблемой создания специализированных лабораторий (или лабораторных групп), с необходимостью внедрения информационных технологий в решение намеченного спектра задач. Участники III Всероссийского семинара «Интеграция археологических

и этнографических исследований» (1995 г.) высказали мнение, что омским ученым потребуются еще два-три года для завершения экспериментальной работы по разработке и внедрению методики конструирования этнографо-археологических комплексов, не менее 15–18 лет – для проведения работы по конструированию и изучению ЭАК у тюркских, самодийских, угорских народов и русских Западной Сибири и еще от трех до пяти лет для осуществления обобщающей научной интерпретации всего объемного материала.

Большую помощь в формировании и развитии отрасли знаний на стыке археологии и этнографии, как мы надеемся, может оказать научная экспертиза проделанной и намеченной к выполнению работы. Пока всё проходит только на уровне выступлений омских ученых с докладами и в дискуссиях на многочисленных конференциях, семинарах и симпозиумах в разных городах России и некоторых других стран. На Международной научной конференции «Аборигены Сибири: проблема сохранения исчезающих языков и культур», состоявшейся в июне 1995 г. в Новосибирске, в резолюции еще тогда была дана следующая оценка работы омской группы: «В Сибири формируется новое фундаментальное направление – этноархеология, интегрирующая на новом качественном уровне методы и достижения этнографической и археологической наук. Этноархеологическое направление, представленное в первую очередь учеными Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, призвано решать широкий круг проблем, связанных с изучением истории социальных организмов и культуры на разных стадиях развития. Новое направление может ставить и решать задачи прикладного характера, в частности касающиеся возрождения и развития социокультурных систем, усиления стабилизационных процессов». За прошедшие годы результаты исследований омских ученых по тематике этнографо-археологических комплексов народов Западной Сибири и в целом в области этноархеологических знаний были изложены не только в многочисленных статьях, но и в ряде монографий, а также учебных пособий³³.

¹ О нашем понимании этнической истории и этногенеза как первой стадии этнической истории см.: *Томилов Н. А.* Этническая история как научное направление // *Известия Сибирского отделения Российской академии наук: история, филология и философия.* – 1992. – Вып. 2.

² *Шнирельман В. А.* Этноархеология – 70-е годы // *Советская этнография.* – 1984. – № 2. – С. 100.

³ *Грищенко К. Ф., Осипова О. А.* А. П. Дульзон – исследователь истории аборигенов Сибири и их языков // *Происхождение аборигенов Сибири и их языков.* – Томск, 1973.

⁴ *Лукина Н. В., Плетнева Л. М., Кулемзин В. М.* Очерки культурогенеза народов Западной Сибири – опыт междисциплинарного исследования // *Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири.* – Томск, 1995; *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* – Томск, 1994. – Т. 1 : Поселения и жилища. Кн. I–II; Т. 2 : Мир реальный и потусторонний, 1995. – Т. 3 : Орнамент; 1998. – Т. 4 : Расогенез коренного населения.

⁵ *Кениг А. В.* За создание отечественной этноархеологии // *Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири.* – Томск, 1995. – С. 82; *Томилов Н. А.* Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). – Томск, 1993. – С. 30–31.

⁶ Из истории Сибири. Материалы совещания по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1973; Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973; Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1973; Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1979.

⁷ Арутюнов С. А., Хазанов А. М. Проблема археологических критериев этнической специфики // Советская этнография. – 1979. – № 6.

⁸ Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск, 1981.

⁹ Богомолов В. Б., Соболев В. И. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск, 1981.

¹⁰ Мельников Б. В. Из опыта археолого-этнографических исследований Омского университета в Западной Сибири (1987–1991 гг.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1.

¹¹ Томилов Н. А. : 1) Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. – Омск, 1987. – С. 16–27; 2) Чулымские тюрки в конце XVI – первой четверти XIX вв. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1987; 3) Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). – Томск, 1993. – С. 44–46.

¹² Подробнее о работе поисковой группы омских археологов и этнографов на первом этапе см.: Тихонов С. С., Томилов Н. А. Работа Омской межведомственной поисковой археолого-этнографической группы в марте 1993 – июне 1994 года // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 1.

¹³ Тихонов С. С., Томилов Н. А. I и II Всероссийские научные семинары «Интеграция археологических и этнографических исследований» // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 1; Томилов Н. Семинар по этноархеологии // Наука в Сибири : еженедельная газ. Сиб. отд-ния РАН. – 1996. – № 48. О последующих семинарах/симпозиумах по этноархеологии см.: Тихомирова М. Н. XVII Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» (9–10 сентября 2009 года) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2012. – Т. 12; Тихонов С. С., Корусенко М. А. XVI Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» в Новосибирске (14–16 октября 2008 года) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2012. – Т. 12; Томилов Н. А. Международный научный симпозиум (семинар) «Интеграция археологических и этнографических исследований» (к 15-летию со дня основания) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск ; Омск, 2008 и др.

¹⁴ Решение III Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 110-летию со дня рождения С. И. Руденко. – Омск, 1995. – С. 9.

¹⁵ Очередной Всероссийский семинар по этноархеологии // Наука в Сибири. – 1996. – № 6/7; О предстоящих научных конференциях // Информационный бюллетень Ассоциации этнографических и антропологических наук России. – М., 1996. – № 1.

¹⁶ Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар.

¹⁷ Подробнее см.: Корусенко М. А., Томилов Н. А., Томилова В. С. Научные журналы и серии по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии в Омске // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Казань ; Омск, 2010; Томилов Н. А. О серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2012. – Т. 12.

¹⁸ Шнирельман В. А. Этноархеология – 70-е годы. – С. 112.

¹⁹ Там же. С. 113.

²⁰ Кениг А. В. За создание отечественной этноархеологии. – С. 83–84.

²¹ Там же. С. 83.

²² Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 1. – С. 8.

²³ Томилов Н. А. : 1) Этноархеология и изучение этнографо-археологических комплексов // Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 100-летию со дня

рождения В. И. Равдоникаса. – СПб., 1994; 2) Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1; 3) Этноархеология как научное направление // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 6.

²⁴ *Кызласов Р. Л.* Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – С. 12.

²⁵ *Васильев В. И.* Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории (на материалах народов Севера СССР) // Советская этнография. – 1990. – № 6. – С. 39.

²⁶ *Илюшин А. М.* К вопросу о средневековой этноархеологии Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 1995. – Ч. 1. – С. 32–33; *Кызласов Р. Л.* Указ. соч. – С. 12–15; *Молодин В. И.* Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. – С. 112–113; *Савинов Д. Г. (Рец.). В. И. Молодин.* Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979 // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 180; *Худяков Ю. С., Плотников Ю. А.* Изучение археологических памятников XVII–XIX веков в Горном Алтае // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 1995. – Ч. 1 и др.

²⁷ *Гурвич И. С.* Изучение этногенеза народов Севера в советский период (состояние, проблемы, задачи и перспективы) // Этногенез и этническая история народов Севера. – М., 1975. – С. 40.

²⁸ *Арутюнов С. А., Хазанов А. М.* Проблема археологических критериев этнической специфики // Советская этнография. – 1979. – № 6.

²⁹ О теоретических и методических разработках проблемы омских ученых по темам этноархеологии и этнографо-археологических комплексов см.: *Бережнова М. Л.* Этноархеология: сумма наук или интеграция? // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2003; *Богомолов В. Б., Томилов Н. А.* : 1) Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск, 1981. 2) Художественный стиль и археолого-этнографические исследования // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990; *Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А.* Введение в этноархеологию. Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2009. – Т. 11; *Жук А. В., Томилов Н. А.* Этноархеологическое направление отечественной науки: периодизация процесса развития // Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сб. науч. тр. – Омск, 2011; *Корусенко М. А., Тихонов С. С.* Современная российская этноархеология // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск ; Омск, 2013. – Т. 1; *Корусенко С. Н., Томилов Н. А.* Этноархеология и культурология традиционных сообществ: междисциплинарный подход (на материалах культур населения юга Западной Сибири) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2005; *Матющенко В. И.* : 1) Макро- и микроуровни исследований проблем археологии и этнографии и ЭАК // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск ; Ханты-Мансийск, 2002; 2) Размышления о предмете исследований этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы ; Омск, 2004; *Татауров С. Ф., Матвеев А. В.* Предел информативности археологического источника при конструировании археолого-этнографических комплексов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Казань ; Омск, 2010; *Татаурова Л. В.* Этноархеологический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2010; *Тихонов С. С.* : 1) «Анатомия» этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса ; Омск, 2007; 2) О хронологических и территориальных рамках этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2003; 3) Этнографо-археологический комплекс, археологический микрорайон и их сопоставление // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток ; Омск,

2000; *Тихонов С. С., Томилов Н. А.* Этнографо-археологические комплексы: проблемы конструирования и изучения // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* – Омск, 1995. – Ч. 1; *Томилов Н. А.* : 1) Омский научный этнографический центр и его теоретические исследования // *Феномен идентичности в современном гуманитарном знании.* К 70-летию академика В. А. Тишкова. – М., 2011; 2) Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // *Этнографическое обозрение.* – 1998. – № 1; 3) Проблема этнографических критериев этнической специфики археологических памятников // *Проблема этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири.* – Кемерово, 1986; 4) Этнографо-археологические комплексы в системе этноархеологических знаний // *Актуальные проблемы сибирской археологии.* – Барнаул, 1996; 5) Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* – Новосибирск, 1996. – Т. 1.

³⁰ *Клейн Л. С.* Археолого-этнографические сопоставления // *Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири.* – Томск, 1981. – С. 140.

³¹ *Арутюнов С. А., Хазанов А. М.* Проблема археологических критериев этнической специфики. – С. 79–89.

³² *Косарев М. Ф.* К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западносибирских культур // *Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока.* – Новосибирск, 1973. – С. 61.

³³ Материалы исследований омских этноархеологов изложены в основном в следующих изданиях (монографиях и учебниках): *Ахметова Ш. К., Толпеко И. В.* Методика этноархеологического изучения погребального обряда казахов Западной Сибири. – Омск, 2011; *Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии / В. Б. Богомолов [и др.].* – Омск, 2002; *Гайлит О. А., Тихомиров К. Н., Тихомирова М. Н.* Меняющаяся повседневность. Трансформации культуры населения Западной Сибири. – Омск, 2013; *Жук А. В., Тихонов С. С., Томилов Н. А.* Введение в этноархеологию : учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений. – Омск, 2003; *Захарова И. В., Томилов Н. А.* Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр. – Омск, 2007; *Корусенко М. А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск, 2003; *Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири / М. А. Корусенко [и др.].* – Омск, 2005; *Матвеев А. В.* История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековье – Новое время). – Омск, 2014; *Татаурова Л. В.* Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк I. – Омск, 2010; *Тихомиров К. Н.* Миграционные процессы на территории Западной Сибири (эпоха бронзы – Средневековье): трансформация культуры и социокультурная адаптация населения. – Омск, 2007; *Томилов Н. А.* : 1) Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. – Омск, 1987; 2) Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). – Томск, 1993; 3) Этноархеология как научное направление. – Омск, 1999; 4) Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX веках. – Омск, 2011; *Томилов Н. А., Жук А. В., Тихонов С. С.* Этноархеология. Программа курса для магистрантов исторических факультетов высших учебных заведений. – Омск, 2009. См. также: *Корусенко М. А., Тихонов С. С., Томилов Н. А.* Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (1981–1995) // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* – Новосибирск, 1998. – Т. 3; *Корусенко М. А., Томилов Н. А.* Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (1996–2000) // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* – Омск, 2004. – Т. 8; *Корусенко М. А., Томилов Н. А.* Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (2001–2005 годы) // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.* – Омск, 2009. – Т. 11 и др.

ГЛАВА 2

СРЕДА ОБИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

§ 1. Природная среда обитания

В течение немногим более двух десятков лет омские археологи и этнографы изучают этнографо-археологические комплексы тарских татар, проживающих на северо-востоке Омской области (вкл., № 1). Эту территорию, включающую Большереченский, Муромцевский, Седельниковский, Тарский районы, иногда называют Тарским Прииртышьем.

В ходе проведения стационарных и разведочных работ были обследованы расположенные на Иртыше, его притоках Таре, Уе, Шише, Оше, а также на впадающих в них мелких речках населенные пункты, где проживают тарские татары, и археологические памятники, оставленные их предками (вкл., № 2).

Мы полагаем, что в первой четверти XVII в. тарские (аялынские татары) жили примерно в этих же местах: по р. Таре от ее устья почти до границы современной Омской и Новосибирской областей, а также по Иртышу от устья р. Тары почти до устья р. Уй бесспорно, а возможно, и почти до устья р. Шиш. Несколько групп тарских татар проживало в среднем течении р. Оши.

Отчасти это подтверждается картами, составленными С. У. Ремезовым. В его «Чертежной книге Сибири»¹ показано, что аялынские тараты жили на правом берегу Иртыша от устья Шиша на севере до р. Тары на юге (рис. 1, с. 42). В «Хорографической чертежной книге Сибири»² показано, что аялынские татары жили на правом берегу Иртыша к югу от устья Уя почти до г. Тары (рис. 2–5, с. 43–45).

Итак, рассмотрение письменных, картографических и археологических источников позволяет делать вывод, что тарские таратары в XVII в. жили на правом берегу Иртыша от р. Тары на юге до р. Шиш на севере. На р. Таре восточная граница их ареала проходила по р. Верхней Тунуске, на р. Уй в 40–50 км выше ее устья. В XVIII в. они незначительно, на 20–30 км, продвинулись к югу от р. Тары и жили в аулах Булунбай, Куллук, Таксай. Примерно такое же расстояние они прошли на восток по р. Таре, образовав деревни Гузенево и Альменево. На севере от Шиша до Уя появились курдакские татары; вероятно, они вытеснили аялынцево, которые севернее р. Уй позднее не расселились.

Обозначив район проживания тарских татар, перейдем к описанию среды их обитания. Отметим, что гораздо легче найти географическое, геологическое, природно-климатическое или другое описание большого региона, например Кузнецкой котловины, крупных районов Западносибирской равнины – полуостровов Ямал или Таймыр, Васюганья и т. д., горной системы – Кузнецкого Алатау или Алтая, лесов Кузбасса, чем подробное описание микрорегиона. Однако по интересующему нас району есть:

- архивные материалы XVIII–XIX вв., опубликованные А. Д. Колесниковым³;
- публикации результатов работ П. В. Большаника, который специально изучал несколько лет Тарский приречный район⁴;

- сводные данные о геологии, географии и природе Омской области в географических атласах⁵;
- комплекты карт Омской области в масштабе 1: 200 000 (выпуск 1996 и 2002 гг.) и в масштабе 1: 100 000 (съёмки 1980-х гг.);
- материалы собственных наблюдений авторов, полученные в ходе раскопок и разведок по Иртышу, Таре, Ую, Шишу с 1989 по 2011 гг. и во время работ экспедиций В. И. Матюшенко, С. Ф. Татаурова, Л. В. Татауровой, К. Н. Тихомирова, С. С. Тихонова в эти же годы.

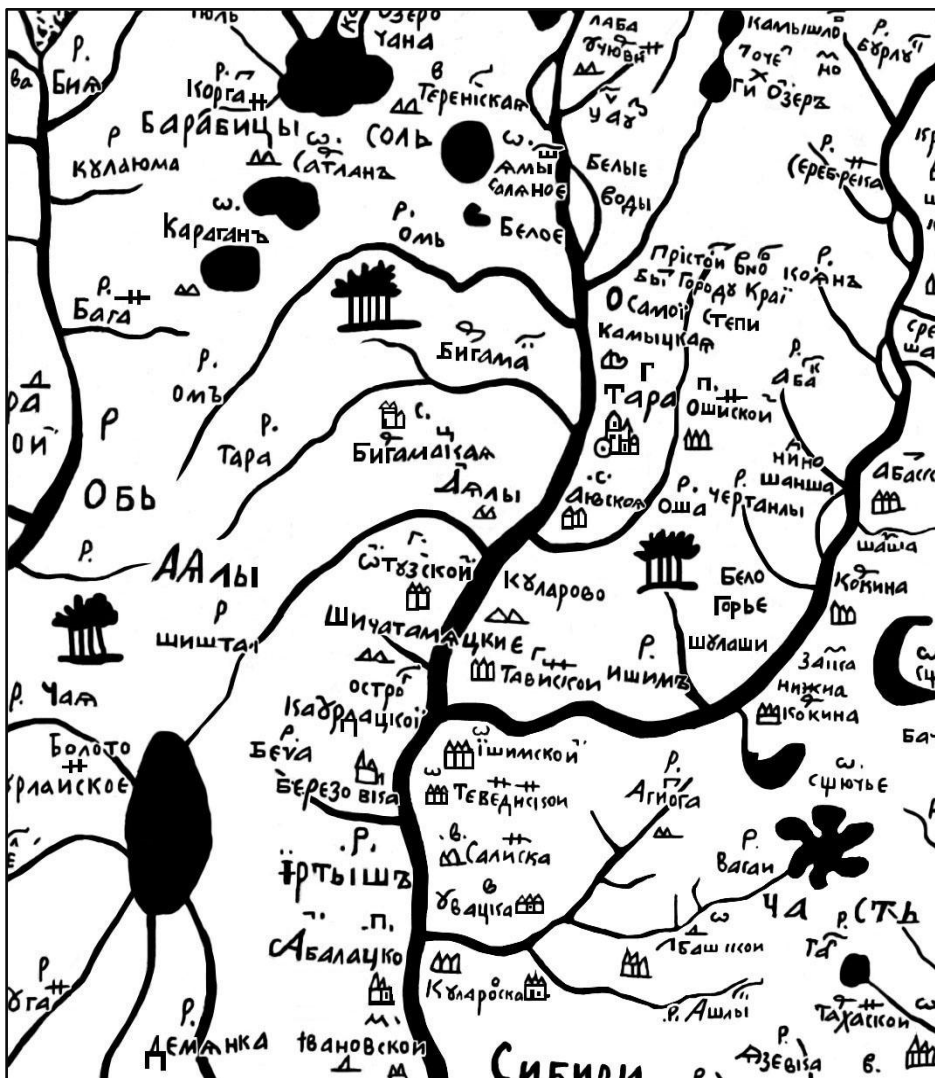

Рис. 1. Фрагмент листа «Чертеж всех сибирских градов и земель» с указанием мест расположения татарских юрт. «Чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова

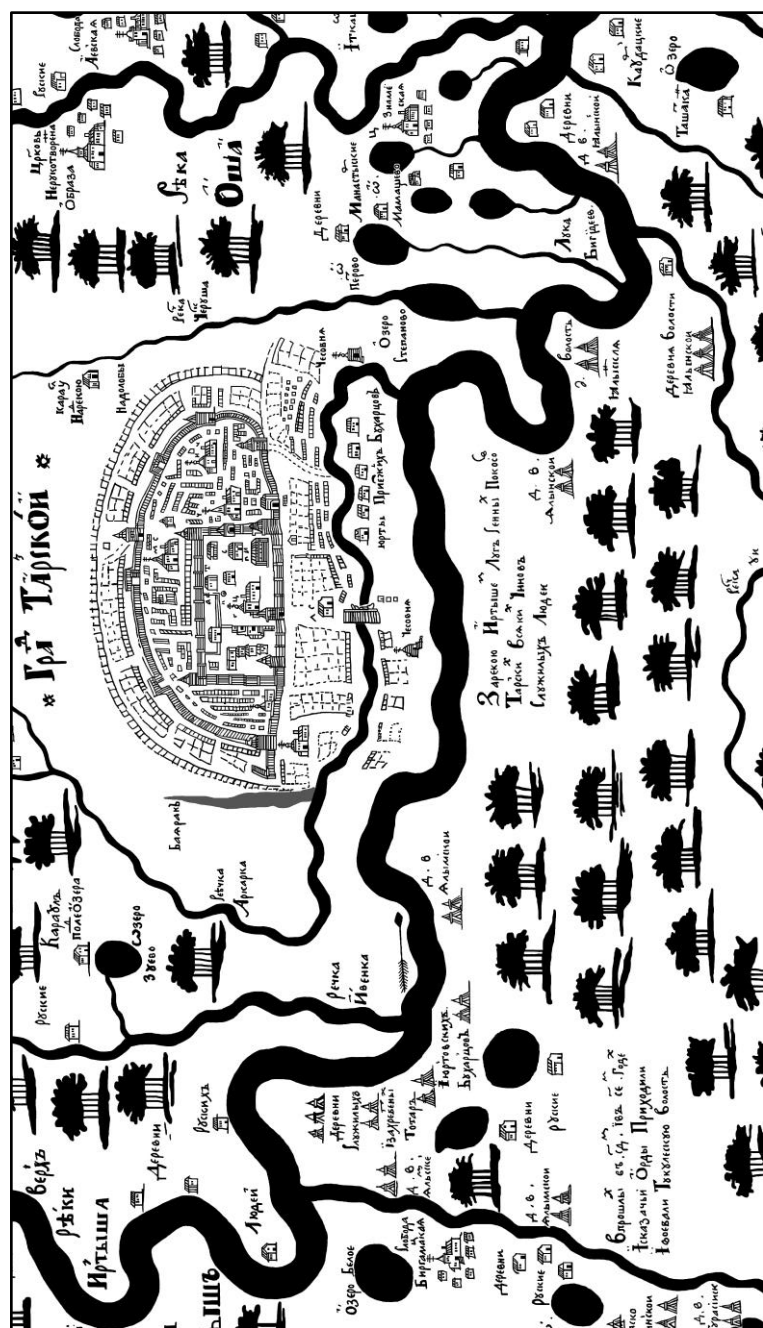

Рис. 5. Город Тара, р. Оша и места проживания тарских тагар.
 «Чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова. Лист «Чертеж земли Тарского города»

Геология района. Отложения четвертичного периода залегают на осадках верхнего олигоцена (27–23,8 млн лет) – журавская свита (сложена переслаивающимися песками, песчаными алевритами и алевритовыми глинами; цвет пород серый, зеленовато-серый, голубовато-серый, мощность от 10 до 56 м) и нижнего миоцена (23,8–17,8 млн лет) – абросимовская свита (сложена переслаивающимися песками, песчаными и глинистыми алевритами; цвет пород коричневатого-серый, бурый, буровато-серый; мощность от 4 до 65 м). Осадки журавской свиты располагаются от устья р. Тары к северу вдоль Иртыша, а также к западу от него и вдоль рек Уй и Шиш. Более молодые осадки абросимовской свиты оконтуривают журавские осадки, а также располагаются по р. Таре (вкл., № 3).

Нижнюю часть четвертичных образований слагают верхнеплиоценовые-нижнечетвертичные озерно-аллювиальные нерасчлененные отложения (смирновская свита). Они формируют четвертую надпойменную террасу, которая тянется неширокой полосой вдоль правого берега Иртыша. Мощность отложений составляет около 45 м (вкл., № 4).

Аллювиальные отложения второй надпойменной террасы верхнечетвертичные (каргинский-сартанский горизонты) мощностью на Иртыше до 15 м, на правобережье Тары до 21 м залегают на левом берегу Иртыша и Тары. Они сложены суглинками, песками, глинами с прослойками супесей. По правым берегам Тары и Иртыша залегают более ранние отложения сузгунской свиты – среднечетвертичные озерно-аллювиальные (вкл., № 4).

Первую надпойменную террасу слагают пески, реже суглинки, глины. Мощность отложений на Иртыше – 6–17 м, на Таре – 4–13 м. Эти верхнечетвертичные-современные аллювиальные отложения тянутся полосой вдоль Иртыша, Тары, Уя и Шиша.

На аллювиальных отложениях надпойменных террас прослеживаютсяпокровные золотые отложения. Это пески супеси с тонкими редкими прослойками суглинков. Их общая толщина от 0,2 до 5,7 м. На этих отложениях растут боры. На правом берегу Иртыша есть делювиальные отложения – суглинки, супеси, пески мощностью от 1 до 4 м, обычно залегающие в логах, оврагах, на крутых склонах. Последними формируются современные аллювиальные отложения высокой пойменной террасы. Здесь выделяют русловую (пески) фацию и пойменную (иловатые суглинки, глины, прослойки супесей, торфа).

П. В. Большаник отмечает, что в формировании района активная роль принадлежала тектоническим процессам, а сравнительно небольшая мощность четвертичных отложений говорит о положительных тектонических движениях в плейстоцене. Краткое рассмотрение геологии района отвечает и на вопрос, почему здесь нет полезных ископаемых, кроме торфа, глин, мергелей, торфовивианита, сапропелей: их и не может быть в многометровой толще осадочных пород.

Рельеф (вкл., рис. 5). Рассматриваемая территория – это юго-западная окраина Васюганской равнины. Она имеет полого-увалистый рельеф и расчленена густой речной сетью, а также многочисленными оврагами и балками; отличается от плоскозападного рельефа Барабинской низменности (южнее р. Тары) с Прииртышским увалом, расчлененным логами, оврагами и оползневыми рельефами по Иртышу, а также от Ишимской равнины с плоским и плоскозападным рельефом (характерны незначительные понижения, нередко занятые озерами и болотами). На Ишимской равнине и Барабинской низменности речная сеть слабо развита, поэтому они слабо расчленены.

В южной части территории проживания тарских татар (от д. Сеткуловка Муромцевского района до д. Темшеняково Тарского района) встречаются останцы

первой надпойменной террасы Иртыша, т. е. сохранившиеся остатки древнего берега. Это останец, на котором расположены д. Сеткуловка, Первый, Второй и Третий острова южнее д. Танатово, севернее Танатово – Березовая грива (вкл., № 6), останец близ оз. Изюк, Барсучка на р. Кунлук, Темеряк (вкл., № 7), Голый Яр (вкл., № 8). Останцы есть на озерах Ананьино и Красное. Высота этих геоморфологических подразделений колеблется от 1,5 до 10 м, размеры – от нескольких десятков метров до 8–10 км в длину. На всех известных останцах есть археологические памятники или находились русские деревни.

Низкая (затопляемая пойма) есть в низовьях Тары, Уя и Шиша и, конечно, на Иртыше (вкл., № 9). На ней четко видны веера блуждания, прирусловые валы, речные дюны (вкл., № 10), есть масса озер и болот. Населенных пунктов на ней нет, зато встречаются промысловые рыбацьи землянки (на Ивановом озере близ р. Тары, на оз. Изюк) На высокой пойме (она выше низкой примерно на 3 м, имеет ширину по правому берегу 7–8 км и более) прирусловые валы выражены слабо, имеются озера. Эта пойма затапливалась при очень высоких паводках. Например, во время наводнения в 1941 г. на лодках можно было плавать из Евгашино Большереченского района (левый берег Иртыша) в Окунево Муромцевского района (стоит на правом берегу Тары близ слияния тарской и иртышской первых надпойменных террас). В этом же году д. Танатово, стоящая также на останце, оказалась на острове. После постройки каскада ГЭС в Казахстане (Усть-Каменогорской, Семипалатинской, Шульбинской) не затапливается не только высокая, но и низкая пойма. Высокая пойма есть по берегам Иртыша – Голый Яр ниже д. Сеткуловка, на этом месте была татарская д. Таксай, Черный Яр – между д. Танатово и оз. Изюк, на нем стояла д. Тарлышево; д. Старологиново также стояла на высокой пойменной террасе. То же можно сказать о Тар-Тамак-ауле (д. Усть-Тара) и д. Инцисс в устье одноименной реки (правый приток Тары). Деревни Калинино и Ишеево на р. Уй, Усть-Шиш на р. Шиш, Семибуренка (Семитская, бывшие татарские юрты Семи-бурен) на Иртыше немного южнее устья р. Шиш также расположены на высокой пойменной террасе. Самая широкая и самая благоприятная для ведения хозяйства пойма (ширина 10–15 км) расположена от д. Танатово до устья р. Тары и в районе деревень Усть-Шиш – Семибуренка.

Первая надпойменная терраса севернее д. Артын к Иртышу (вкл., № 11) практически не выходит, поэтому между ней и Иртышом расстояние 7–8 км и более. От Карташева Яра (близ деревень Артын, Карташево, р. Артынки) первая надпойменная терраса идет на север до д. Окунево на р. Таре (около 15 км от Иртыша по прямой), отсюда к деревням Инцисс-Алексеевка на р. Таре, затем на д. Киргап на Иртыше, оставляя д. Усть-Тара в пойме. От Киргапа до д. Айткулово (примерно 4–5 км) терраса идет вдоль Иртыша, затем отступает от него на несколько километров и выходит к нему в д. Междуречье, тянется вдоль реки около 5 км, вновь отходит, появляясь у Иртыша у д. Екатерининское. Оттуда она поворачивает на д. Крапивка на р. Уй, потом идет на д. Новоягодное на р. Шиш. Террасу разрезает несколько небольших рек (Мурлинка, Черная, Уразай, Ананьевка, Сыщиковка, Бушкала, Аргаиз и т. д.). На некоторых участках есть овраги.

На р. Таре первая надпойменная терраса хорошо выражена почти везде выше д. Окунево (вкл., № 12), кроме нескольких участков от д. Инцисс до д. Кордон-Бергамак, от устья речки Мурлинка близ Муромцева до р. Уклюз на правом берегу реки. Пойма р. Тары имеет ширину до 5–6 км (вкл., № 13). Современные деревни и археологические памятники на Таре располагаются, как правило, на первой надпойменной террасе. Исключение составляет поселение позднего бронзового века на Лиственничном озере близ д. Кордон-Бергамак, а также комплекс

памятников в устье р. Бергамак, расположенный на разрушенном участке надпойменной террасы (останце?), памятники близ д. Кокшенево и городище Надеждинка VII на останце. Все они находятся на правом берегу Тары. Высота первой надпойменной террасы на Таре до 15–20 м в д. Окунево, но чаще – 8–10 м. Терраса расчленена реками и иногда оврагами (самое большое количество оврагов на участке д. Бергамак – д. Юрт-Бергамак на левом берегу Тары – около восьми-десяти оврагов на километр, а на левом берегу р. Бергамак в пяти километрах выше устья).

На р. Уй первая надпойменная терраса по обоим берегам хорошо выражена выше д. Крапивка. Местами она достигает высоты до 45 м (район д. Кошкуль). В целом же имеет высоту до 6–10, иногда 12 м. Террасу пересекают притоки Уя. Оврагов практически нет. Долина реки неширокая – 2–3 км, иногда чуть больше (например у деревень Ишеево, Юрты-Уйские или районного центра Седельниково). Населенные пункты выше д. Крапивка расположены на первой надпойменной террасе, а ниже ее – на высокой пойменной террасе.

На р. Шиш первая надпойменная терраса по обоим берегам реки начинается выше от д. Новоягодное (вкл., № 14). Она хорошо прослеживается, имеет высоту местами до 20 м. Пойма р. Шиш узкая, иногда менее километра шириной. Террасы пересекают притоки Шиша. Автор XVIII в. рельеф описал сверхкратко: «Место положение ровное. И несколько возвышен увалом подле реки, а к Сургутскому уезду чернолесье и болота»⁶.

Почвы (вкл., № 15). В пойме сформировались современные аллювиальные почвы. Однако разный характер почвообразования привел к тому, что на низкой пойме процесс почвообразования не закончен, а на высокой имеются аллювиальные луговые насыщенные почвы. Они встречаются по правому берегу р. Тары на участке от р. Бергамак да устья р. Булунбаевки, на правом берегу Иртыша от д. Темшеняково до Крапивки (т. е. южнее р. Уй) и от д. Усть-Уй до д. Уй-Тамак. На первой надпойменной террасе сложились дерново-подзолистые, преимущественно глубоководзолистые почвы. В треугольнике, вершинами которого являются населенные пункты Муромцево – Артын – Окунево, южнее р. Тары на правом берегу Иртыша прослежены почвы светлосерые лесные.

Пойма Иртыша с его крупных притоков в сельскохозяйственном отношении освоены на 85–90 %. Территория севернее р. Тары по правому берегу Иртыша – южнотаежный, увалисто-волнистый, значительно дренированный район подзолистых почв – в сельскохозяйственном отношении освоен на 30–50 %. Район на левом берегу р. Тары и по правому берегу Иртыша южнее ее – Прииртышско-Тарский террасовый хорошо дренированный район – освоен в сельскохозяйственном отношении на 70–90 %.

По данным XVIII в., почвы были следующие: «Материк земли состоит сверху нетолстой черной слой, а снизу глиноватой и белик с солонцом... Грунт земли частью песчаной, а большей части при увальных и материчных местах черной, а к низким местам суглинистой серой и белой, а не песчаной...»⁷. Описание очень точное. Когда во время разведок закладывались шурфы, слой чернозема редко превышал 20–25 см в районе р. Тары, на р. Уй он был около 20 см. Ниже чернозема залегал глинистые или подзолистые почвы.

Растительность. Можно выделить три группы растительных ассоциаций, характерных для надпойменных террас:

– осиново-березовые леса и сосновые леса на супесчаных и песчаных отложениях (т. е. северная лесостепь). Это водораздельный (между Омью и Тарой) Барабинский аллапно-болотный район – березняков 25 %, ивняков 5 %, болот

64 %, лугов 9 %. Расположен на правом берегу Иртыша южнее р. Тары и по правому берегу Тары. Здесь на лугово-черноземных и серых песчаных почвах сформировались сосново-березовые кустарничково-разнотравные леса;

– зона мелколиственных лесов с коренными типами (подтаежная зона). Это Тарско-Уйский елово-сосново-березовый район в бассейнах Тары и Уя (ельников 7 %, кедрочай 3 %, березняков 35 %, осинников 3 %, болот 30 %, лугов 6 %, вод 1 %);

– зона хвойных лесов (подзона южной тайги) – Шишский елово-березовый район в бассейне р. Шиш (пихтачей 2 %, ельников 11 %, кедрочай 5 %, сосняков 12 %, березняков 30 %, осинников 3 %, болот 31 %, лугов 5 %, вод 1 %).

В Тарско-Уйском и Шишском районах на глубокоподзолистых почвах сложились темно-хвойные (пихта, ель) и сосновые, сосново-березовые зеленомошно-вейниково-осочковые леса.

Для долин рек характерны следующие типы растительности:

– высокая и низкая пойма Иртыша с полого-волнистыми поверхностями прирусловой части и заболоченными понижениями периферии поймы с разнотравно-злаковыми и канареечничково-вейниковыми лугами, ивняками на аллювиальных луговых солончаковатых и дерновых слоистых почвах. Такой тип растительности прослежен по Иртышу к югу от устья р. Тары;

– высокая и низкая пойма Иртыша со старичными заторфовывающимися озерами, с осоково-разнотравно-злаковыми лугами, осоково-тростниковыми болотами, ивняками и тополевыми лесами на аллювиальных дерновых слоистых, болотных и луговых почвах;

– долины притоков Иртыша – Тары, Уя, Шиша – с параллельно-гривистой прирусловой поймой и заболоченными понижениями периферийной части с елово-сосново-осиново-березовыми лесами и тальниками, разнотравно-осоковыми и вейниковыми лугами на аллювиальных дерновых слоистых и луговых почвах, низинных торфах.

На формирование растительного покрова в пойме влияют частота и продолжительность затоплений во время паводков и половодий, а также аллювиальность.

Гигрофильные ассоциации по слабодренированным и пониженным участкам в XVIII в. были описаны так: «Деревья в уезде: сосновой, кедровой, еловой, пихтовой, осиновой, черемуховой, березовой, таловой, а других отменных не имеется. Жители ж в лекарства и краски никаких трав не потребляют...

Лесу в уезде имеется достаточно, а особливо северная половина сего уезда и далее к полудню изобилует... А в означенной половине довольно имеется соснового лесу. Есть также кедры, лиственницы, пихтовик, ельник, липняк. В прочих местах березник, осина, талина, черемухник, ребина, боярошник, курослепник, калина, шипишник, таволожник, чернотальник, кустарник и рацитник... На строение лес употребляется по большой части строевой... Из сосны строевая лесина выходит длиной до 20 аршин, в отрубе от 10 до 20 вершков. Из березы и осины строевая лесина выходит длиной до 15 аршин, а отрубе от 5 до 7 вершков...

В лесах ягоды: малина, брусница, голубица, черемха, красная и черная смородина, барышня, шипишник, ежевика. На дубровных местах земляница, голубника, каманица»⁸.

Реку (вкл., № 16). *Иртыш* на рассматриваемом участке от д. Артын да устья р. Шиш течет на север и северо-запад. Ниже д. Каргашево характер русла меняется – исчезают длинные прямые плесы, а Иртыш начинает меандрировать, образуя петли длиной несколько (иногда до двух десятков) километров, и разрабатывает широкую долину. По правому берегу Иртыша ширина поймы достигает местами 15–18 км, хотя ее средняя ширина – 5–10 км (вкл., № 17).

Ширина, глубина и скорость течения реки приведены в таблице 1. Пункты, где были сняты параметры, расположены с юга на север, т. е. сверху вниз по течению. Дно реки песчаное, но встречаются участки с отложениями ила (у д. Сеткуловка, в районе урочища Темерьяк, у деревень Старологиново, Айткулово) или с глиняными плитами (Темерьяк, Черный Яр).

Таблица 1

Ширина, глубина и скорость течения Иртыша

Пункт замера	Ширина, м	Глубина, м	Скорость течения, м/сек
Такмык	390	3	0,7
Евгацино	255	7	0,7
Терехово	384	7	0,7
Новологиново	305	3	0,7
Усть-Тара	285	5	0,7
Айткулово	320	3,5	0,8
Екатерининское	308	10	0,9
Сыщиково	385	9	0,9
Тара	310	7	1,2
Сеитово	300	6	1,2
Усть-Уй	250	5	0,9
Пологрудово	375	6	–
Знаменское	372	4	1,2
Шухово	250	3	0,9
Усть-Шиш	190	5	0,7

«...она прозвана Иртышем по имени ханского наследника Иртышака... Река вскрывается около 23-го апреля, а становится около 26 октября. В самое летнее и жаркое время Иртыш шириной бывает от 120 до 200 сажен, а глубиной от 6 до 16 аршин... Грунт в оной реке иловатый...» – так описывали Иртыш в XVIII в.⁹ Ниже с. Карташево Иртыш принимает справа крупные притоки Тара, Уй, Шиш, имеющие длину несколько сотен километров. Все они начинаются в водораздельных болотах между Иртышом и Обью.

Река *Тара* шириной в устье 65–70 м, глубиной до 4 м, скорость течения 0,8 м/сек, в районе р. Нижней Тунуски шириной 45 м, глубиной до 2,5 м, скорость течения 0,4 м/сек (вкл., № 18). Дно песчаное, илисто-песчаное, есть выходы плотной глины (в районе бывшей д. Старые Юрты, ниже д. Окунево). Принимает справа наиболее крупные притоки – Верхнюю Тунуску, Нижнюю Тунуску (вкл., № 19), Мурлинку, Бергамак, Инцисс, Зимовную, которые имеют длину несколько десятков километров и разветвленную сеть притоков. Ширина этих рек в устье может достигать 10–15 м. Справа в Тару впадают и речки менее крупные (Уклюз, Меткая, Булумбаевка). Притоки левобережные (Курневка, Шайтанка, Сюткес) больше похожи на ручьи с шириной до 2–3 м, длиной 10–20 км. К осени Тара сильно мелеет и на ней появляется много бродов, хотя есть и глубокие омуты. «Река Тара течение имеет ис... болота Васюганскаго... В летнее и жаркое время Тара шириной бывает до 25 сажен, глубиной от 1½ до 6 аршин. Грунт в оной реки пешаной и местами с галкой»¹⁰.

Река *Уй* имеет ширину в устье до 50 м, глубину до 3 м, скорость течения 0,4 м, в районе районного центра Седельниково ширина около 15–20 м, глубина до 1,5 м, скорость течения 0,2–0,3 м/сек. Дно песчано-илистое, изредка песчаное или из плотных глин. Принимает справа и слева притоки Ермаковку, Щелкановку, Ко-

лонсас, Бобровку, Каргачи, Крапивку, Унару, Инцысс и другие, которые имеют свою сеть притоков и длину несколько десятков километров. Их ширина в устье чаще всего 1–3 м. Во время весеннего половодья река несет много плавника, который забивает мостовые пролеты. На реке есть броды и омуты.

Река *Шиш* имеет ширину в устье 37–48 м, глубину 1,3–2 м, скорость течения 0,4 м/сек, в районе бывшей д. Тайга ширину 30 м, глубину 3 м, скорость течения 0,4 м/сек. Дно илистое или илисто-песчаное. В некоторых местах имеются выходы мелкого галечника. Ниже д. Атирка в некоторых местах русло реки завалено деревьями. Шиш принимает справа и слева притоки Тунзы, Турунгас, Васис, Вилашку (вкл., № 20), Имшегал, Кияк, Темирку и др. Это неширокие (3–5 м в устье) речки, но они имеют свою сеть притоков.

Другие притоки Иртыша – мелкие речки, которые могут начинаться в пойме (Такмыс, Танатовка, Кунлук) или на террасе (Артынка, Сеткуловка), – все выше устья Тары (вкл., № 21). Ниже устья Тары реки (Мурлинка, Черная, Урайайка, Ананьевка, Сыщиковка, Пологрудовка, Прямая, Киноват и другие) берут начало только на террасах. Длина этих рек до 20–30 км, они имеют сеть притоков, ширину в устье до 10 м.

Озера. Озера в рассматриваемом районе старичные, по форме напоминают незамкнутое кольцо или дугу. Наиболее крупные озера в пойме Иртыша – это Изюк, Белое, которые являются старицами Иртыша, а также Тептерь, Криуша, Кильтиш – старицы р. Тары. Все они находятся южнее р. Тары. Далее, вниз по Иртышу, расположены крупные старичные озера Кривое, Бурень, Глухие озера, Ананьино, Красное, Сеитовское, Синегсу, Ошколь, Сухое, Исилькуль, Саратовское, Камбури между реками Тара и Уй. Многие из названных озер имеют ширину около 100 м и длину до 5 км. В «Описании Тобольского наместничества» названы некоторые озера: «Ананьино, длиною 1½, шириною ½, окружностью 4 версты... Криво, длиною 2, шириною ½, окружность 9 верст»¹¹.

Старичные озера на крупных притоках Иртыша значительно меньше. Их ширина – несколько десятков метров, длина до 1,5–2 км. Наибольшее количество пойменных озер расположено по берегам р. Тары – Иваново, Лука Болотная, Лиственничное, Костяное, Ближнее, Волково, Иряк, Макарьева лука и др. На правом берегу р. Тары озера Данилово, Щучье, Ленево, Шайтанье, расположенные на террасе. Они имеют круглую форму, диаметром несколько сотен метров. Происхождение их, вероятно, суффuzionное.

Болота. Южнее р. Тары от Артына до д. Окунево тянется подтеррасное Окуневское болото, шириной 1–2 км, длиной около 30 км. Между Тарой и Уем расположено Китлинское болото. Заболочена Иртышская пойма между д. Самсоново и устьем р. Шиш – болота Кумлинское, Аркач, Малый Аркаш, Процай. На надпойменных террасах Уя и Шиша располагаются верховые болота.

Подземные воды. В поймах Иртыша и его крупных притоков геологические подразделения слабоводоносные (современные аллювиальные – суглинки, глины, прослой супесей, глинистые пески) с минерализацией до 1 г/дм³. Там, где низкая пойма переходит в высокую, имеется крутой уступ, который подстилают водоупорные слои. В этих местах идет сток подземных вод, образуются родники и мочажины. В пойме в некоторых местах подземные воды подходят близко к поверхности, образуя бочажины. В выкопанных нами во время экспедиций колодцах в урочище Первый остров и у деревень Танатово и Барсучука на р. Кунлук водоносные слои залегали на глубине 2–2,5 м.

Климат. На рассматриваемой территории климат умеренный, континентальный (вкл., № 22). Этот сухой климат типичен для глубинных районов континентов,

количество осадков незначительно, зато перепад температур зимой и летом, днем и ночью может быть велик. Воздух над Казахстаном и Восточной Сибирью зимой сильно выхолаживается, и образуется область высокого давления – азиатский (сибирский) антициклон, ось которого проходит по границе степи и лесостепи. Холодный воздух растекается в том числе и на запад в южные и центральные районы Западной Сибири. Это приводит к тому, что зимой здесь выпадает мало осадков. Летом суша сильно нагревается и формируется область пониженного давления. Атлантические воздушные массы, перевалив Урал, приобретают черты континентальности.

Климатические условия (вкл., № 22). Средние температуры января на всей территории от $-19\text{ }^{\circ}\text{C}$ до $-20\text{ }^{\circ}\text{C}$; минимальные $-52\text{ }^{\circ}\text{C}$ в районе Большеречья, Тевриза, Усть-Ишима. Средние температуры июля $+18\text{ }^{\circ}\text{C}$ – $+19\text{ }^{\circ}\text{C}$; максимум температуры зафиксирован в Большеречье и Тевризе $+38\text{ }^{\circ}\text{C}$, в Васисе $+37\text{ }^{\circ}\text{C}$. Это значит, что годовая сумма положительных температур выше $10\text{ }^{\circ}\text{C}$. Таким образом, вегетационный период короток – 155–160 дней южнее реки Уй, 150–155 дней – севернее ее. Например, появление сокодвижения березы повислой приходится на 22–26 апреля, начало ее зеленения – 16–20 мая, появление первых желтых прядей – около 20 августа, конец ее листопада – 5–19 октября. Продолжительность безморозного периода – от 100 до 110 дней. Средние даты последних весенних заморозков – 25 мая – 1 июня. Наиболее поздние даты весенних заморозков – 24–26 июня. Продолжительность ледоставного периода – 160–170 дней. Весенний ледоход в среднем начинается 23–26 апреля, осенний – от 25 октября до 2 ноября.

Количество осадков на интересующей нас территории невелико – 400–450 мм от Танатово до Киргапа и более 450 мм севернее. Для данного района это оптимальное увлажнение во все годы, только на участке от устья Оши до устья Шиша увлажнение во влажные годы избыточно, а в средневлажный и сухой годы оптимально. Летом выпадает 300–325 мм осадков в районе Муромцево – Большеречье, число дней с осадками – 85; 325–350 мм осадков в районе г. Тары – Седельниково, число дней с осадками – 91; на Шише выпадает 350 мм осадков и более. Зимой на всей территории выпадает 80–100 мм осадков, поэтому глубокий снежный покров не формируется. Средние высоты снежного покрова – 45–55 см в устье р. Шиш, 35–45 см от Шиша до Екатерининского и 25–35 см на р. Таре и южнее. Конечно, это средние значения. Лога, например, зимой забиты снегом почти полностью. Поскольку снежный покров невысок, земля промерзает на 127 см на р. Уй, на 128 см на р. Таре. Устойчивый снежный покров образуется 15 ноября в районе Большеречья, около 30 октября в районе р. Шиш. Средние даты разрушения устойчивого снежного покрова на Шише 20 апреля, 15 апреля на широте р. Уй, 12 апреля на широте р. Тары. Поскольку количество осадков превышает суммарное испарение, излишняя вода образует болота.

Животный мир. Судя по описаниям XVIII в., край был богат зверем, птицей и рыбой. «В лесах урманных звери: соболы, бобры, выдры, медведи, разсамахи, лисицы, чернобурые, белка, бурундук. <...> На болотах лоси, олени, соболы живут в норах падучего дерева... бобры живут в земляной норе...»¹². «Птицы: лебеди, гуси, стрехи, журавли, аисты, цапли, скопы, саипы, утки называемые селезни, крохали, гоголи, свизи, выстрохвосты, соксоны, черневеди, чирки и лутки, глухари, тетеревы, называемые косачи, петрушки, дравы или полские курицы... рябки, куропатки, кулики пяти родов ис коих называемые авдошки и пыздрики, зуйки, голуби полевые и дворовые, гагары трех родов»¹³. «Рыбы в Ыртыше: осетры, стерляди, нельмы, язи, сырки, налимы, щуки, ерши, окуни, лени, а изредка и таймени»¹⁴. «Рыбы во оной [в Таре. – Авт.] щуки, окуни, ерши, язи, налимы, чебаки, также стерлядь заходит с устья неподалеку»¹⁵.

По природно-географическим факторам: почвам, растительности, температурам, осадкам, снежному покрову, фенологическим явлениям – на рассматриваемой территории можно выделить три района:

– *северный*. Расположен по правому берегу Иртыша от р. Шиш до р. Уй. В этом районе освоена была только пойма и прилегавшие к ней участки. Поскольку здесь располагалась зона южной тайги, то, вероятно, тарские татары достаточно легко уступили эту территории охотникам – курдакским татарам, которым она была привычней;

– *центральный*. Расположен на правом берегу Иртыша от р. Уй до р. Тары. Лучше всего была освоена пойма Иртыша, но были проникновения и в среднее течение Уя. Вероятно, это коренной район обитания тарских татар;

– *южный*. Расположен по правому берегу р. Тары и к югу от нее. Правобережье Тары, вероятно, коренные земли тарских татар. К югу от реки продвижение началось только после устранения опасности джунгарских набегов в XVIII столетии. Возможно, эти земли татары осваивали во времена Сибирского ханства, поскольку в письменных источниках есть неоднократные упоминания об оз. Изюк, где ловили рыбу, о городище Кучума и т. д.

§ 2. Природно-географическая ситуация на группах памятников

В конце XIX – второй половине XX вв. происходили процессы, трансформировавшие традиции населения Среднего Прииртышья. Эти изменения можно проследить и при помощи наблюдений над материальными остатками культурной деятельности. В силу специфики источников такие наблюдения будут сосредотачиваться на исследовании поселенческих комплексов и природных условий, в которых они функционировали.

Одной из важнейших сфер традиционной культуры является сохранение приемов выживания сообществ. Чаще всего археология имеет дело именно с элементами этой сферы культуры. Методы успешного существования вырабатываются в соответствии с определенными природными и историческими условиями. С течением времени приемы выживания становятся всё более специализированными, что позволяет максимально успешно существовать в конкретных условиях. С течением времени эти системы достигают наибольшей рациональности для определенных исторических и природных условий.

Как правило, природные условия довольно статичны, часто и исторические условия также бывают на протяжении длительного времени в целом неизменны. Со сменой культур или населения представители нового этнокультурного образования также в свою очередь вынуждены приспосабливаться к существующим условиям. Самым простым способом для этого является заимствование наиболее рациональных приемов у местных жителей. Наиболее заметно эти процессы происходят, если мигранты имеют близкий уровень общественно-экономических отношений.

Новое население стремится к наиболее комфортному существованию при наименьших затратах, подстраивая свою систему выживания под новые условия жизни. Для появления в ней наиболее рациональных элементов хозяйствования не обязателен контакт с проживавшим здесь до этого населением. Схожие приемы выживания могут быть порождены одинаковыми условиями существования. В результате этого возможны некоторые реминисценции в различных сферах культуры.

Учитывая то, что условия для обеспечения жизнедеятельности, а часто и исторические условия в целом в данном регионе оставались практически неизменными на протяжении довольно длительного времени, наиболее рациональные способы выживания также не изменялись. Поэтому очевидно, что наиболее рациональными местами выбора поселений являлись лишь определенные территории, отвечавшие каким-то требованиям. Чаще всего это обуславливалось рациональными условиями существования и требованиям ведения хозяйства. Распространено мнение, что особенности ландшафта и природные условия способствовали тому, что некоторые места были особенно привлекательны для устройства поселений. Так, например, богатое рыбой оз. Аёв в Знаменском районе Омской области было освоено дорусским населением этих мест.

Здесь находились несколько татарских населенных пунктов. Впоследствии в этой местности основываются несколько населенных пунктов русских: деревни Мурзино (в настоящее время заброшена), Малобутаково и Шухово (расположена чуть в стороне).

Указанная закономерность прослеживалась в разные исторические эпохи. Эта взаимообусловленность привела к тому, что складывалась традиционная система расположения населенных пунктов, чаще всего приуроченных к местам добычи ресурсов. Проведенные обследования местности в Муромцевском, Тарском, Тевризском и Знаменском районах Омской области предоставили данные по истории населенных пунктов, основанных в XVI–XX вв., и их соотношение с селищами начиная с эпохи неолита. Полученные материалы позволяют нам проследить закономерности расположения населенных пунктов в обозначенных хронологических рамках. Для иллюстрации полученных выводов можно привести данные, полученные в Знаменском и Тевризском районах и отражающие ординарность ситуации в Муромцевском и Тарском районах Омской области.

Картографический анализ местоположения выявленных скоплений памятников и расположения современных населенных пунктов Тарского Прииртышья показывает, что группы концентрации памятников в рассматриваемом районе практически совпадают с современными деревнями.

Эти конгломераты вокруг современных населенных пунктов находятся в определенных участках местности. Чаще всего это невысокие участки сглаженной террасы правого берега Иртыша и левого берега р. Шиш. Как правило, районы сосредоточения памятников были окружены поймой Иртыша. Лишь незначительное количество комплексов находится на берегу Иртыша. Так, группа памятников в районе восточного берега оз. Кавырдак располагалась на невысоких дюнах в пойме Иртыша. Группы же памятников в районе д. Таборы, пос. Усть-Шиш, д. Айлинка, урочища Могильное – на невысоких бровках сглаженной террасы, вокруг которой также была пойма. Исключением из этого правила являлись скопления культурных комплексов на месте разъехавшейся д. Зимние (вкл., № 23) и у д. Новоягодное. В первом случае памятники концентрировались на останце коренной террасы Иртыша. Во втором случае – на высокой правобережной террасе р. Шиш (вкл., № 24).

В целом в этом районе выделяется несколько групп памятников.

Группа памятников в районе д. Айлинка. Все памятники в этой группе расположены на краю сглаженной правобережной террасы р. Шиш (Знаменский район). Их сосредоточие в этих местах обусловлено возможностью охоты и запорного рыболовства, потому что именно здесь в р. Шиш справа впадает р. Айла, что делает добычу рыбы зимой в этой местности особенной богатой. Это издавна привлекало сюда людей (вкл., № 25–26).

Сухой бор, богатые заливные луга делают это место еще более привлекательным. Сейчас здесь расположена постепенно разьежающаяся д. Айлинка (Знаменский район), основанная в конце XIX в. выходцами из Минской губернии.

Эта группа в настоящее время включает четыре разновременных памятника (поселения Айлинка I–IV). Древнейший из них – поселение Айлинка III. По его культурному слою можно говорить о принадлежности памятника к эпохе неолита (наибольшие аналогии материал находит среди древностей боборькинской культуры). Памятник Айлинка I содержит материалы, позволяющие отнести его к энеолиту – ранней бронзе (екатерининская культура). Поселение Айлинка II имеет крайне маломощный и малонасыщенный культурный слой. Шурфовка и проведенные сборы керамики дали возможность зафиксировать следы проживания здесь населения в период раннего Средневековья (потчевашская культура). Проведенная работа показала, что памятник практически уничтожен хозяйственной деятельностью жителей д. Айлинка.

Группа памятников в районе пос. Усть-Шиш и д. Таборы. Эти населенные пункты расположены на расстоянии 2,5 км по прямой. Между ними на краю сглаженной правобережной террасы Иртыша находится ряд археологических памятников от неолита до начала XX в. Именно здесь терраса Иртыша подходит к нему на расстоянии 200 м, возвышаясь над поймой на 1–1,5 м вдоль кромки террасы растет сухой сосновый лес (вкл., № 27). В стороне от края террасы примерно через 20 м местность понижается и лес заболачивается. На бровке террасы зафиксировано 10 памятников, относящихся к разным эпохам. Присутствуют здесь памятники и эпохи ранней бронзы (древности екатерининского типа) и раннего Средневековья (потчевашская культура). В 2 км к северо-северо-западу от пос. Усть-Шиш на краю сглаженной террасы, известной среди местного населения как урочище Могильное, расположены три памятника. Они отнесены к эпохе позднего Средневековья. Все описанные комплексы приурочены к современным населенным пунктам д. Таборы и пос. Усть-Шиш.

Группа памятников в урочище Зимние. В этом месте также отмечено несколько памятников энеолита – ранней бронзы (екатерининская и липчинская культуры), раннего железного века (материалы богочановской культуры), раннего Средневековья (керамика потчевашского типа). Согласно информации, полученной от сибирских татар, проживающих в д. Тайчи, и населения окрестных деревень (Таборы, Усть-Шиш, Айлинка, Новоягодное), здесь ранее располагалась татарская деревня. В начале XX столетия в этом месте расселились переселенцы из европейской части России. Возможно, указанная деревня существовала начиная с позднего Средневековья.

Сосредоточение памятников в урочище Зимние было обусловлено тем, что это единственное удобное место в пойме. Оно не затоплялось во время разливов Иртыша, и в то же время его условия позволяли получать всё необходимое для жизни на месте. Этот факт издавна привлекал людей. Сейчас имеются материалы о существовании здесь населения начиная с эпохи неолита – ранней бронзы. Полученная в результате раскопок коллекция керамики на памятнике Зимние IV имеет большое количество аналогий среди материалов екатерининской культуры Среднего Прииртышья. Привлекательно это место было и в более поздние периоды. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в этом районе существовало два населенных пункта сибирских татар.

Один из них был расположен на невысокой гриве в пойме Иртыша (бывшая д. Летние или, по С. К. Патканову, летник Тепкаш-аула¹⁶). Второй же был расположен на р. Кокше, также в пойме правого берега Иртыша (бывшая д. Зимние или

зимник Тепкаш-аула). Проведенное археологическое обследование местности позволило увереннее говорить об этом¹⁷. Видимо, эти два населенных пункта первоначально были сезонными частями поселения Тепкаш-аул. Летом население откочевывало на Иртыш и к старичным озерам, богатым рыбой (озера Сухое, Кавырдак, Большое Светлое/Ивыш), зимой же возвращалось на останец. Подобная ситуация вполне могла быть и в древности. В пользу этого может говорить тот факт, что на берегу оз. Кавырдак на низкой гривке, высотой не более 40 см от уровня поймы, был зафиксирован памятник раннего Средневековья (потчевашская культура) с небольшим культурным слоем, а на останце Зимние было найдено несколько фрагментов потчевашской керамики.

Важным фактором сосредоточения памятников на этом останце было наличие в непосредственной близости от этого урочища богатых кедровых угодий. До сих пор татары д. Тайчи, расположенной в 10 км от этих мест на другом берегу Иртыша, проезжают через останец во время сбора кедрового ореха. Обнаруженные когда-то места получения определенных ресурсов продолжают использоваться. О значимости этих мест в отдаленные времена свидетельствует скопление в этом районе большого количества памятников на узкой стороне останца, обращенной к Иртышу. Наблюдается в этом месте и преемственность в жизнеобеспечении: русское население пытается использовать те же территории в хозяйственной деятельности.

О существовании в этой местности поселения эпохи позднего Средневековья свидетельствуют материалы с поселений Зимние I и Зимние V. Работы на поселении Зимние V позволили получить коллекцию находок, относящихся к позднему Средневековью (наконечники костяных и железных стрел, обломок железного ножа, толстенная грубая неорнаментированная керамика, шлак, большое количество мелких фрагментов костей скота). Более ранняя история освоения этого останца оставила след в культурных слоях памятников Зимние III и Зимние IV, содержащих остатки эпохи раннего железного века и энеолита – ранней бронзы (екатерининская культура) соответственно.

Указанное расположение памятников в этом районе позволяет проследить некоторые закономерности. Памятники концентрировались в определенных участках ландшафта. Важнейшим соображением при выборе места под поселение было удобство расположения. Поселение не должно было затопляться во время половодий (вкл., № 28), быть достаточно продуваемым, расположенным недалеко от воды и иметь поблизости достаточно жизненно важных ресурсов. Большое значение при выборе места поселения имел факт близости мест добычи продуктов. В некоторых случаях этот фактор был решающим. Наиболее ярко это заметно на сезонных поселениях. Как правило, такие поселения стояли отдельно, вне группы памятников. К ним можно отнести памятники Таборы XI, Таборы XII, датируемые эпохой раннего Средневековья, Таборы XIV (оставленная д. Летние), расположенные на невысоких дюнах в пойме Иртыша¹⁸. Их превышение над уровнем поймы не достигает 0,5 м, и в половодье они наверняка заливались. Нахождение летника в этом месте, несмотря на явное неудобство, объяснялось расположением поблизости большого количества богатых рыбой пойменных озер (Сухое, Кавырдак, Большое Светлое/Ивыш и др.) и Иртыша с богатой рыбной ямой. Такое расположение памятников свидетельствует о том, что практически те же места для летнего лова рыбы использовались и в эпоху раннего Средневековья, и в более позднее время. Следует отметить, что и в наши дни в этих местах ловят рыбу как татары из д. Тайчи, часть которых – потомки жителей д. Летние, так и русские из с. Иванов Мыс (Тевризский район) и пос. Усть-Шиш (Знаменский район).

Аналогичная ситуация сложилась в Тарском и в Муромцевском районах. Судя по результатам археологических исследований, памятники сконцентрированы в местах, наиболее приспособленных к получению жизненно важных ресурсов. То есть системы жизнеобеспечения значительно влияли на места расположения поселений. При статичности природных условий и схожих приемах обеспечения выживания расположение населенных пунктов в данной местности было традиционным. Новое население, переселившись в эти места, могло использовать для поселения те же места, которые до них выбирали другие группы. Происходило воспроизведение традиций выбора места для поселений и мест добычи продуктов. При этом отмечается, что места расположения памятников эпохи неолита – ранней бронзы (екатерининская культура), раннего Средневековья (потчевашская культура) и современных памятников в Знаменском районе удивительным образом совпадают. Имеются концентрации памятников и на р. Таре, где выделяется несколько микрорайонов, в которых также сосредотачиваются разновременные памятники – Окуневский, Бергамакский, Темерякский, Танатовский, Усть-Тарский и др.¹⁹ Происходят своего рода воспроизведения некоторых закономерностей в выборе мест для поселений. Вместе с этим новое население зачастую начинало пользоваться теми же угодьями, что и традиционное население. Например, для указанного района это были места лова рыбы и сбора кедрового ореха. Использование тех же мест для устройства поселений и добычи продукта разным населением вызывало некоторые сходные черты в культуре.

Таким образом, природные условия и соответствующие им системы выживания приводили к возникновению аналогичных культурных черт даже у групп населения, значительно отстоявших во времени друг от друга, к своего рода культурным реминисценциям. Исторические процессы, проходившие на протяжении XX в., привели к недолговечности основанных в этот период поселений. Многие из них были заброшены. Часть из них находится на грани исчезновения. О том, какими были эти населенные пункты, сохранилось большое количество разнообразной информации. У исследователей появилась уникальная возможность проследить на примере указанных поселений фазы их основания, функционирования и оставления. В связи с этим возможно и изучение большого спектра взаимосвязанных проблем: причины выбора месторасположений населенных пунктов, основание, сложение системы природопользования, причины и история оставления поселений. Результаты исследования при определенной корректировке возможно будет использовать для реконструкции подобных событий в более далеком прошлом. Преимущество изучения таких объектов в том, что могут быть получены данные обо всем цикле их функционирования. Эта информация может быть прослежена по материалам письменных источников, устным свидетельствам, полученным от бывших жителей этих деревень или от их потомков, этнографическим данным и археологическим исследованиям. Использование таких данных, нетрадиционных для археологии, позволит значительно расширить спектр фактов, получаемых при изучении объектов культурного наследия. Важным фактором будет то, что результаты можно будет сравнивать, выясняя, какой источник более корректен. Но даже самый полный и достоверный источник не в состоянии доподлинно и в полной мере представить живую культуру. Лишь совместное использование максимального количества разнообразных источников позволит приблизиться к пониманию существовавшей ранее реальности. Наиболее достоверным источником здесь могут служить данные археологических исследований. Используя данные исследования поселений, можно проследить культурные реминисценции, основание населенных пунктов и влияние на это природного окружения.

§ 3. Сухопутные коммуникации

Сухопутные коммуникации – один из стержневых компонентов этнографо-археологического комплекса. Характер путей сообщения, техника перевозок и передвижений отражают уровень развития материального производства того или иного региона. Направление и состояние сухопутных коммуникаций обуславливают особенности заселения и освоения той или иной территорий. Кроме того, дороги всегда являлись предельно сжатым полем взаимодействий традиций и новаций различных культур. Изучение истории развития и функционирования сухопутных коммуникаций необходимо для правильного понимания таких культурно-исторических, экономических процессов, как обмен, торговля, миграции, военные действия, землепользование, культурные контакты и т. д.

Полевые исследования нашей группы в основном были сосредоточены в Тарском Прииртышье – месте проживания тарских татар (одной из этнических групп сибирских татар). Поэтому на их примере мы попытаемся раскрыть информативность дороги как одного из этноархеологических источников и предложим свою *реконструкцию* основных элементов системы дорог Тарского Прииртышья XVIII – первой трети XX вв.

Тарские татары заселяют территорию по Иртышу от р. Оши до устья р. Оми. В XIV–XV вв. они постепенно переселялись сюда из более южных районов Сибири. Успешные войны сибирского хана Кучума окончательно закрепили за ними эти земли, а жившие здесь ханты вынуждены были уйти дальше на север.

Современная система расселения сибирских татар и пути сообщений между ними окончательно сложились в период Сибирского ханства (вкл., № 29). Это государство отличалось высокой степенью централизации власти, в каждом улусе существовал военно-административный центр, имевший все признаки города с разработанной системой местного управления, сбора налогов и т. д. Всё это позволило расширить границы ханства на всю лесостепную и большую часть таежной полосы Западной Сибири. Естественно, что управление такой огромной территорией было невозможно без хорошей системы путей сообщения.

Ко времени образования сибирских ханств на данной территории уже существовала система путей сообщения, которая начала складываться здесь еще в эпоху бронзы, а окончательно сформировалась в конце I тыс. н. э. Следует иметь в виду, что до этого времени система путей сообщения складывалась под влиянием сугубо экономических факторов – численности населения, особенностей ведения хозяйства, расположения сырьевых центров камня и металла. Эта система использовались только в наиболее благоприятное для населения время. Государственные же интересы диктовали иные принципы по отношению к дорогам. Дороги должны были соединять периферийные области с центром независимо от удаленности и неблагоприятного расположения естественных преград; по ним должно было осуществляться передвижение круглогодично или большую часть года. Дороги были точно привязаны к конкретной местности, должны были иметься путевые указатели на пересечениях. Должны были существовать переправы через крупные реки. Дороги должны были обеспечивать возможность перемещения по ним значительного количества грузов, в том числе и тяжелых. Вдоль дорог должны были существовать комплексы гражданских дорожных сооружений (постоялые дворы, дорожные указатели), военно-охранных сооружений на местах переправ и наиболее важных стратегических транспортных узлах.

Исторические документы, содержащие материалы дорусского периода истории Сибири, не содержат описания дорог, и мы можем только догадываться

о том, как они выглядели на местности в XVI в. Но свидетельства того, что дороги были заметны на местности, мы находим в Ремезовской летописи в разделе о последнем походе Ермака. Здесь же говорится и о том, кто и в какое время года передвигался по этим дорогам: «Один татарин, подсланный ханом Кучумом, якобы желая русским добра, принес Ермаку ложное известие, что в пути находится бухарский купеческий караван. Который собирается вести с русскими торговлю в Сибири, хан же не дает возможности купцам проехать. Это известие заставило Ермака сейчас же отправиться в путь со 150 казаками навстречу каравану. Достигнув устья Вагая и ничего не слыша о бухарцах, он продолжил свой путь вверх по Вагаю. Известие о прибытии бухарского каравана дошло до Ермака 1 августа 7092 (1584) г. <...> Но прежде чем он дошел до устья реки Вагая, где Иртыш делает большую дугу, между концами которой находится *прямая дорога* (курсив наш. – А. М., С. Т.), Ермак приказал перекопать ее, с тем чтобы в будущем не нужно было делать такой большой объезд рекою»²⁰.

Для нас представляет интерес тот факт, что большой (а из-за маленького Ермак бы не отправился на его поиски) караван (мы понимаем, что это было ложное известие, но оно касалось только этого каравана, иначе идея такой приманки была в принципе невозможна, т. е. караваны из Бухары были обычным делом) в середине лета, пересекая большое количество рек и речушек, местами по заболоченной местности, невзирая на обилие гнуса в этот период, шел из Средней Азии до устья Тобола.

В письменных источниках имеются сведения и о передвижении по дорогам в нашем регионе в зимнее время, но в основном в это время дороги использовались в военно-политических целях. Раньше (вплоть до второй половины XVIII в.) татары совершали на лыжах и военные походы²¹.

О среднеазиатской торговле в Западной Сибири после присоединения последней к России написано достаточно много²², но нас интересует только три вопроса:

- направления основных торговых путей из Средней Азии в Сибирь,
- время их прихода,
- количество перевозившихся грузов.

К сожалению, приходится констатировать, что единой точки зрения о системе путей сообщения, направлении торговых путей нет. Приведем только два примера об Иртыше как транспортной магистрали: «Что касается Иртыша, то среднеазиатские и арабские путешественники и купцы знали, по-видимому, только один путь в Югру – из Камско-Волжской Булгарии через страну “Вису” к угорским группам. Более короткий путь на север по Иртышу им не был еще известен, они даже предполагали, что река Артуш (Иртыш) впадает в Волгу»²³.

Города между собой были соединены более или менее исправными дорогами. В Тюменском и Сибирском ханствах были и ведущие в другие государства дороги. Одной из наиболее древних была дорога, названная позже «Старой Казанской дорогой». Она вела из Казани в Чимги Туру и дальше в Искер. Между Казанью и Чимги Турой она имела два разветвления: от Казани по Каме и по ее притокам на Урал, оттуда – на реки Тагил и Туру. Вторая ветка – сначала по Каме, потом – по суше через башкирские степи в Сибирь. От Искера вели три дороги по направлению к югу: Окольная Ишимская – от Искера вверх по левому берегу Иртыша на верховья Иртыша; вторая – от Искера до Казанского ханства; третья – от Искера по левому берегу Ишима в верховья Ишима²⁴.

На наш взгляд, конечным пунктом большинства караванов, приходивших в Западную Сибирь, был Искер и прилегавшие к нему территории, где находилось большинство городов Сибирского ханства. Поэтому основные торговые пути шли

сюда по правым берегам Тобола и Вагая, еще один путь проходил по левому берегу Ишима, его конечный путь – Кизыл-тура. Этому не противоречат археологические материалы, которые хорошо показывают уменьшение среднеазиатских находок на памятниках от устья Ишима вверх по Иртышу. Ситуация меняется в XVII в., когда юг Западной Сибири был присоединен к России и одну из ведущих ролей в сибирской торговле стала играть Ямышевская ярмарка.

Важен и вопрос о времени передвижения караванов. Г. В. Холостых, ссылаясь на ряд авторов, прежде всего на О. Н. Вилкова, пишет, что среднеазиатские торговые караваны обычно появлялись в Тобольске в осенние месяцы; в феврале, мае, июне, августе и декабре приходили реже, совсем их не было в январе, марте, апреле и июне. Это происходило из-за того, что бухарские купцы стремились миновать среднеазиатские пустыни и степи до наступления в них летнего зноя и зимней стужи²⁵.

Об ассортименте перевозившихся грузов можно только строить предположения. Если допустить, что в XVII в. среднеазиатские купцы везли в основном те же товары, что и в XVI в., то по материалам таможенных книг Тары можно предположить, что в XVII в. в этот город везли: ткани (китайские и среднеазиатские), обувь, готовую одежду, оружие – бухарские луки и ножи (хотя существовал запрет на торговлю оружием с местными народами), среднеазиатскую и китайскую посуду, котлы, чай, специи, сарачинское пшено, пригоняли лошадей, крупный и мелкий рогатый скот²⁶.

Дороги, по которым в лесостепную и лесную зоны Западной Сибири шли караваны, функционировали в период, когда реки были свободны ото льда и, следовательно, существовали места переправ: броды или паромы и лодки, так как значительное количество грузов не всегда позволяло форсировать реки вплавь. Даже если караван преодолевал водную преграду вплавь, то ему была необходима остановка для приведения себя в порядок после такой операции.

Именно место переправ является в настоящее время ключевым в плане исследования древних и средневековых путей сообщения. Прежде всего, это касается непосредственно дороги как объекта археологического исследования. Именно в этом месте дорога наиболее сильно разрушает рельеф, так как ей приходится спускаться с высоких надпойменных террас, преодолевать кромку берега, насыщенные водой прибрежные участки. Археологическому обследованию таких участков способствует то, что природно-географические условия таежной и лесостепной зон Западной Сибири предоставляют крайне ограниченные возможности для прокладывания и использования достаточно протяженных путей сообщения. В этом плане такую ситуацию можно сравнить с горными системами, где торговые пути зачастую не имеют альтернативы переходов через хребты, поэтому можно с достаточной точностью выделить те участки, которые являются единственно возможными для караванной торговли. Особенно хорошо эта ситуация выражена на *«водораздельных переходах»* между бассейнами рек Тары и Уя, Тары и Оми. Количество их изначально ограничено ландшафтными особенностями (верховые водораздельные болота, высокий травостой). Несмотря на широкие исследовательские работы геологов, геодезистов, землеустроителей, начиная с XIX в. не было выявлено ни одной дороги, неизвестной местному населению. Привлечение комплекса письменных, этнографических, картографических, топонимических источников позволило омским археологам А. В. Матвееву, Б. В. Мельникову, С. Ф. Тагаурову, С. С. Тихонову, Ю. В. Трофимову выявить эти маршруты и провести их археологическое исследование, которое подтвердило использование населением этих путей как минимум с эпохи позднего Средневековья – Нового времени²⁷.

Это так называемые естественные коридоры и связанные с ними энергетически ценные для передвижения участки ландшафта – участки микрорельефа, позволявшие человеку и транспортным средствам преодолевать естественные препятствия в виде рек, болот, лесов без возведения искусственных сооружений или обходить эти препятствия. Обычно естественные коридоры приурочены к наиболее энергетически ценным для передвижения участкам ландшафта, т. е. требующих от путешествующих по ним меньших энергетических затрат. Это обстоятельство подметил и обстоятельно изложил в ряде своих публикаций К. К. Шиклик. «Энергетическая выгодность сухопутных путей, – писал он, – зависит от их профиля, т. е. от пересеченности местности, а также от степени лесопокрытости местности, увлажненности грунтов и других факторов... При трассировании дорог населением учитывались и такие факторы, как наличие воды, дров, подножного корма для тягла и т. д. Но при прочих равных условиях всегда выбирали трассы с наименьшими энергетическими затратами. Следует помнить, что пешеход, всадник, особенно колесный экипаж без тормоза увеличивают затраты энергии не только на подъемах, но и на спусках»²⁸.

Знание ландшафтных характеристик изучаемого региона – обязательное условие проведения исследований исторического развития и функционирования системы дорог. Этому вопросу уделяли значительное внимание Э. С. Мугуревич, изучавший торговые пути IX–XIII вв. на территории Прибалтики, Ю. В. Болтрик, реконструировавший один из трактов Скифии, В. Г. Котович, рассматривавший историю Прикаспийского пути III тыс. до н. э. – I тыс. н. э.²⁹

Территория проживания тарских татар располагается на юго-западной окраине Васюганской равнины. Она имеет полого-увалистый рельеф и расчленена густой речной сетью, а также многочисленными оврагами и балками. Здесь, в Тарском Прииртышье, энергетически ценными для передвижения участками ландшафта являются речные долины, поскольку в междуречьях там встречаются верховые водораздельные болота и, кроме того, междуречья, как правило, покрыты зарослями, затрудняющими ориентирование. Передвижение по коренной террасе обоих берегов рек позволяет легко держать нужное направление и оптимальную скорость передвижения³⁰. Часть населенных пунктов тарских татар расположена на правом берегу Иртыша на Иртышском увале. Энергетически ценными для передвижения участками ландшафта на нем является коренная и первая надпойменная террасы. Последняя удачно располагается между рекой и подтеррасными болотами.

Сибирским татарам приходилось путешествовать и в условиях заболоченных водоразделов рек Шиш – Уй, Уй – Тара, Тара – Омь. И здесь энергетически ценными участками были террасы притоков этих рек, по которым путники до верховьев максимально проходили в глубь водораздела, где затем использовали имевшийся естественный коридор или дорожное искусственное сооружение. Непосредственными естественными коридорами в ландшафте проживания тарских татар являлись и продолжают являться броды, гривы, спуски с террасы в пойму, проходы через водоразделы. В сумме с вышеозначенными энергетически ценными для передвижения участками ландшафта естественные коридоры образуют практически не меняющуюся во времени потенциальную сухопутную транспортную сеть, различные участки которой могли использоваться в разные исторические эпохи с разной интенсивностью.

Именно эти участки нашли наибольшее отражение в народном творчестве местного населения. Если мы обратимся к фольклору сибирских татар, то во многих сказках, собранных Ф. Т. Валеевым и Н. А. Томиловым, присутствуют река, водоем или болото как преграды на пути и даются способы их преодоления.

Например, фрагмент из сказки «Мирьям и Хасан»: «После этого молодые сели верхом на лошадей, распрощались с родителями и поскакали к Иртышу, а затем по его берегам на юг.

Через некоторое время сообщили баю и его сыну о побеге Марьям и Хасана. Собрали они слуг, вооружили их, и сын бая бросился за ними вдогонку. Кони у всадников были хорошие, и вскоре стали они настигать беглецов.

– Хорошо бы перебраться на ту сторону Иртыша, – стал прикидывать Хасан, – но как это сделать? До парома еще далеко.

Тогда Марьям вынула волшебный гребень из волос, бросила его на берег и сказала:

– Стань для нас мостом через эту реку!

Гребень растянулся и стал мостом. Молодые переехали через Иртыш, а мост снова сжался и снова стал гребнем. Поскакали они дальше.

Разозлился сын бая, подстегнул коней. Отряд его быстро доехал до парома, перебрался через реку и вскоре снова стал нагонять беглецов.

Впереди был большой непроходимый лес.

– Хорошо бы спрятаться за этот лес, – снова стал соображать Хасан, – но уж очень он дремучий.

Марьям вынула гребень, бросила его на землю.

– Стань просекой через этот лес, – попросила она.

Гребень превратился в просеку, пропустил молодых через лес, затем снова стал гребнем, а просека заросла деревьями.

Байскому же сыну пришлось объезжать лес кругом. Но через какое-то время он снова со своим отрядом стал догонять скачущих Марьям и Хасана. Впереди показалось большое болото, и он думал загнать их туда и поймать.

Но Марьям в третий раз бросила гребень и попросила:

– Стань, гребень, твердой дорогой через это болото.

Гребень растянулся в длинную-предлинную дорогу. Марьям и Хасан поскакали по ней, но быстро одолеть ее не смогли. Тут подъехал отряд байского сына, всадники вступили на дорогу и помчались за беглецами.

– Быстрее, быстрее! – подбадривали друг друга Марьям и Хасан.

Вот-вот должны были догнать их воины злого бая. Уже проскакали они больше половины дороги и оставили середину этого большого болота позади. Но Марьям и Хасан подстегнули коней, совершили последний бросок и выехали из болота в степь.

Дорога тотчас же свернулась в гребень, а сын бая и его слуги оказались в болоте и утонули»³¹.

Или еще один фрагмент из сказки «Мост к счастью»: «Так и решили все жители деревни строить мост через черное озеро... Строители они были умелые и скоро приступили к работе. Одни заготавливали бревна, другие вбивали их в дно озера, третьи делали настил моста. Много месяцев строили люди этот мост. Много трудностей и испытаний им пришлось вынести. Чтобы никто не упал в воду и не утонул, возводили они и перила по обоим сторонам моста»³².

Броды (*ялга, сойлык*) – использовались для преодоления небольших рек, озерных проток и т. д. Такие участки, несмотря на достаточно динамичное изменение русел сибирских реках, очень постоянны и имеют точную привязку к конкретным природным объектам, которые служат своеобразными знаками, ограничивающими пригодный для перехода коридор. Дело в том, что для брода используются перекаты (термин взят из лонии для р. Тары Тарского отряда Обь-Иртышского пароходства). Это участок реки, где имеются выходы твердых глин,

в результате чего русло реки не углублено, а сток воды происходит за счет увеличения ширины. Для р. Тары наиболее показателен Бергамакский перекат, где даже во время весеннего паводка вода редко поднималась выше 1,2 м, а обычная глубина составляет 0,4–0,6 м. Среди перекатов следует различать прямые, когда выход глины располагается поперек русла, в этом случае наблюдается сильное течение и для брода перекат не очень пригоден, и косые, когда выход твердой породы расположен под углом к руслу реки, в этом случае брод длиннее, но он более мелок и с небольшим течением. Еще одним плюсом в таком случае является то, что спокойное течение не приводит к внезапным промоинам и не забивает брод выворотнями и топляками. Такой брод осмотрен нами в районе урочища Пристань Гомана (кстати, место расположения татарского поселения Бергамак III), где при ширине Тары 60–70 м брод имеет длину около 300 м.

Постоянное нахождение бродов часто подтверждается их личными названиями, в основном по близлежащему населенному пункту или по человеку, который его открыл и постоянно использует или использовал в своих хозяйственных целях. Имеется у местного населения и своя шкала состояния брода, в настоящее время, правда, в основном заимствованная у русских: «по нему и курица перейдет», «можно проехать на телеге, не замочив колес», «по самые муди» и т. д.

Многолетнее использование бродов и нагрузка на прибрежный ландшафт сделали эти переходы хорошо заметными. Частые переправы стад крупного рогатого скота приводят к тому, что подход к месту брода ярко выражен – отсутствует травяной и дерновый покров, подходы выровнены и местами углублены, представляя собой широкие канавы. Еще одним репером брода служит спуск с террасы в пойму. Для этой цели использовали имевшиеся длинные пологие мысы или наоборот – пологие овраги. С течением времени овраги превращались в пологие канавы с сильно утоптаным дном, что предотвращало их размыв, а мысы оказывались изрезанными косыми спусками.

Практически у всех известных нам бродов на р. Таре есть места для отдыха, самые простые – это утопанные площадки со следами кострищ в тени крупных деревьев. На других есть землянки, навесы от дождя, иные временные хозяйственные объекты (загоны для скота, избушки пастухов и т. д.)

В тех местах, где было невозможно объехать или перейти вброд водные или болотистые преграды, местное население создавало специальные сооружения. Препятствиями для передвижения татарского населения являлись реки, болота, овраги, лесные массивы. Для их преодоления строили дорожные искусственные сооружения. Необходимость в них возросла с момента начала использования сибирскими татарами колесного транспорта. В XVIII – первой трети XX вв. сибирские татары умели организовывать такие сооружения, как гати, просеки, броды, мосты, перевозы, зимние переправы.

Гати (сукмак). При обустройстве пешеходной гати на заболоченном участке по направлению движения клали бревна, размещая их друг над другом до тех пор, пока вертикальный ряд таких бревен не начинал выдерживать вес человека. Аналогичную гать в 1999 г. А. В. Матвеев зафиксировал к северу от д. Речاپово Тарского района.

Традиционные бревенчатые гати для проезда транспортных средств через небольшие водоемы, на которых нет постоянного стока воды, были зафиксированы С. Ф. Татауровым и С. С. Тихоновым в низовьях р. Тары³³, А. В. Матвеевым в низовьях Шиша и Уя. Для их устройства в буерак сельские жители укладывают поперек дороги ряд толстых жердей, чтобы излишняя влага просачивалась и не скапливалась выше перехода. Сверху на жерди насыпают слой мелкого хвороста,

для того чтобы колеса не застревали и не было большей тряски. Иногда хворост покрывают слоем земли.

В XX в. на ряде дорог в при переходе через болота или в низких местах, где скапливается вода, вместо гатей делали насыпи-дамбы. Для этого тарские татары свозили туда на телегах землю, а потом утаптывали ее³⁴.

Просеки. Возникновение этого вида дорожного искусственного сооружения – следствие использования тарскими татарами транспортных средств. Хотя, вероятно, и ранее для обустройства удобных гужевых троп они производили вырубку отдельных деревьев в лесных массивах. Возможно, уже в то время ее производили в уровень земли, «подлицо». Таким способом избегали корчевки, неизбежно приводящей к образованию кочек.

В начале XX в. в Сибири мощное дорожное строительство было начато Переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия. Строившиеся дороги в лесных массивах имели регламентированную ширину просеки. Так, в 1906–1909 гг. у магистральных дорог ширина просеки составляла 10–15 саженей, у ветвей от магистральных дорог – от 9 до 10 саженей³⁵. В 1910 г. ширину просеки увеличили до 10 саженей для всех дорог³⁶. Дороги к участкам единоличного пользования (или хуторские дороги) имели ширину просеки до четырех саженей³⁷.

Мосты (кубэр, кубыр). Наиболее распространенным способом строительства мостовых переходов был следующий. По берегам речки на некоторой высоте от уровня воды делали две канавы, перпендикулярные движению; в них клали два бревна-лежки большого диаметра. Затем на них по направлению движения помещали бревна-балки меньшего диаметра. Обычно их было две или четыре. На балки укладывали поперечные жерди, которые вплотную подгоняли друг к другу. Сверху на жерди обычно насыпали слой земли, хотя известны случаи, когда земляная насыпь отсутствовала (рис. 6).

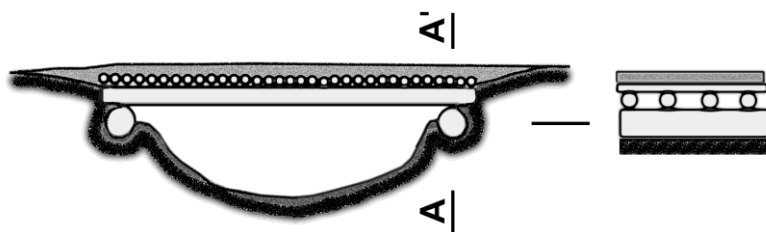

Рис. 6. Конструкция простого балочного моста тарских татар

Такие традиционные балочные сооружения в 1990-х гг. имелись на дорогах д. Инцисс – д. Кордон Бергамак, райцентр Муромцево – д. Плотбище³⁸ в Муромцевском районе, на дороге с. Междуречье – д. Атачка в Тарском районе Омской области. В ряде конструкций мостов поверх поперечных направлению дороги жердей, расположенных на балках, размещали еще и дощатый настил. Земляная насыпь отсутствовала. Для безопасного передвижения по мосту по краям его проезжей части могли размещать два бревна, аналогичные по размерам несущим балкам (вкл., № 30)

На новом (построен в 1999 г.) мосту через р. Атачку, самостоятельно сооруженном сибирскими татарами, поверх дощатого настила был размещен слой

соломы. Он, по сведениям информаторов, необходим для того, чтобы «скот не боялся ходить через новый мост».

Через речки и овраги с высоким уровнем воды возводили свайные сооружения. Наиболее распространенным был тип моста, напоминающий вышеозначенную балочную конструкцию с одним исключением: вместо бревен-лежек на берегах оврага водотока поперек направления движения вкапывали по ряду столбов-свай. Затем каждый ряд свай по верху соединяли поперечной балкой и уже на нее укладывали ряд продольных бревен, составлявших проезжую часть дороги. Сваи позволяли поднять полотно моста на любую высоту над водой (рис. 7)³⁹.

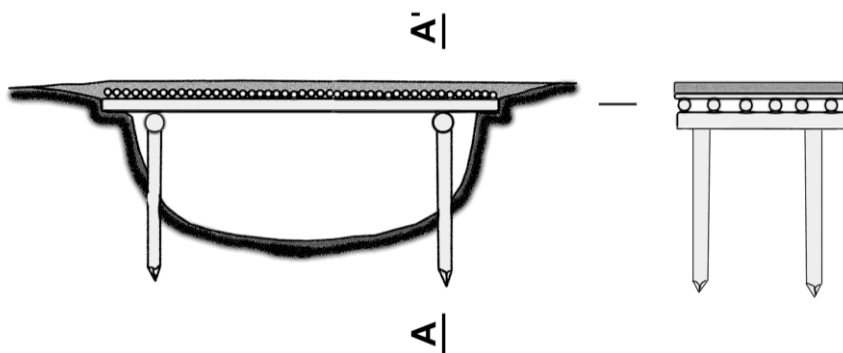

Рис. 7. Конструкция свайного моста тарских татар

Кроме этой конструкции, сибирские татары сооружали свайные мосты и другого типа. В 1940-е гг. жители д. Киргап Тарского района строили мост через р. Кильчейку. Сначала они подкопали с обеих сторон берега оврага и в образовавшиеся ниши уложили по направлению дороги вплотную друг к другу ряд длинных сосновых бревен. Под образовавшимися балками посередине моста забili четыре деревянные сваи, укрепив их затем укосинами⁴⁰. В д. Чеплярово Большереченского района в 1960-х гг. для переправы через р. Тилькиш был построен двухпролетный свайный мост аналогичной конструкции (рис. 8). При его постройке сначала в дно реки, в центральной части ее русла, на одной линии поперек движения дороги вбили четыре вертикальные сваи. Затем соединили их сверху горизонтальной слегой, на которую с каждого берега реки по направлению движения дороги уложили по четыре балки, образовавшие проезжую часть. Поверх балок и перпендикулярно направлению движения уложили доски настила. Интересно, что мост в средней части имел изгиб⁴¹.

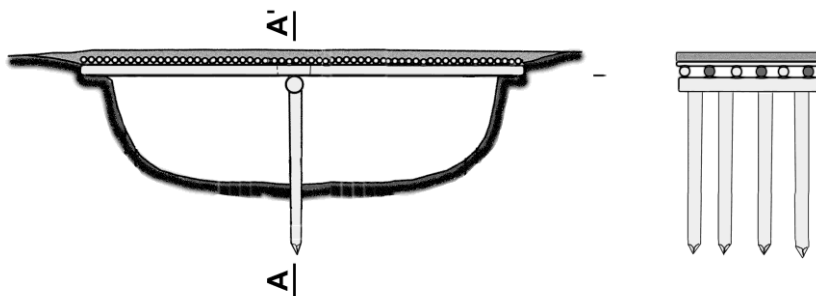

Рис. 8. Конструкция свайного двухпролетного моста тарских татар

Сибирские татары для вбивания свай в землю использовали специальное приспособление «*тукмак*», аналогичное русской «*бабе*». Оно было рассчитано на работу двух человек⁴². При строительстве мостов использовали также и деревянную кувалду (*чёкмен*) весом 15–20 кг, рукоять которой обычно вырезали из сосны, а ударную часть – из березы⁴³.

В XIX в. в официальных бумагах балочные мосты значились как «належные», а свайные – как мосты «на столбах»⁴⁴. Кроме этих мостов, существовала третья категория мостов – мосты «на ряжу», «ряжевые мосты», главным элементом конструкции которых был рубленный сруб (клеть). Сруб размещали либо по центру русла, и тогда он нес проезжую часть на всем своем протяжении, либо на месте береговых устоев строили две клетки, между которыми размещали проезжую часть. В последнем случае проезжая часть могла фиксироваться как балками, положенными сверху на клетки, так и длинными выступавшими верхними концами срубов. По сведениям жителей татарской д. Чеплярово Большереченского района Омской области, ряжевой мост на двух клетях стоял на р. Тилькиш в 1940-е гг. Клетки моста состояли из восьми венцов⁴⁵.

Вероятно, строительство мостов не требовало значительного количества времени. В 1999 г. жители д. Атачки самостоятельно (правда, с применением автокрана) осуществили постройку моста традиционной балочной конструкции за один день, затратив предварительно два дня на заготовку материалов. При этом на строительстве моста трудились 20 чел. из числа жителей Атачки и Атака.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода тарские татары строили три вида мостов: балочные, свайные, ряжевые. Предпочтительным материалом, из которого строили мосты различных видов, было дерево хвойных пород (сосна, лиственница). Его использование обеспечивало жизнь моста на протяжении двадцати-сорока лет.

В тех местах, где из-за ширины реки или из-за высокого паводка строительство мостов было невозможно, тарские татары использовали другие средства переправы.

Перевозы. Средствами переправы через Иртыш и его крупные притоки у тарских татар служили лодки (*кима/киме*) и плоты (*сол/сал*). Для переправы транспортных средств использовали весельные паромы (*паромы*).

Лодки, на которых население осуществляло переправу через Иртыш и его крупные притоки, были довольно большими и вместительными. Их изготавливали из кедра. Управлялись такие лодки двумя парами весел и вмещали несколько человек. Способы изготовления татарами лодок-кедровников были такие же, какие существовали у русских. Для переправы через притоки Иртыша использовали лодки-долбенки, которые татары делали из осины. Управлялись долбенки однопластным веслом⁴⁶.

Плоты сибирские татары применяли для переправы в том случае, если рядом не было лодки. Для изготовления плота в качестве сырья использовали стволы деревьев, которые сначала рубили и очищали от веток. Затем три-четыре бревна длиной до трех метров укладывали в ряд и зажимали по двум коротким боковым сторонам парой бревен сверху и снизу. Все бревна притягивались друг к другу корнем молодого дерева. Лучше всего для этого подходил корень молодого кедра (*тамр*). Таким плотом обычно пользовались один-два раза⁴⁷.

Кроме плотов, тарские татары для переправы через Иртыш использовали два принципиально отличных вида паромов лодочной конструкции.

В первом случае для парома сначала строили две крупные дощатые лодки (*бот/бат*). Затем ставили их параллельно друг другу и скрепляли настилом из

двух рядов деревянных плах или досок (*тохта*). Передвигался паром за счет работы четырех гребцов (*крёсман*), работавших по двое на двух веслах, закрепленных по бортам. При необходимости грести могли и по пять человек с каждой стороны. Управление таким паромом осуществлялось кормовым веслом, которое было зафиксировано в уключине на высоком вертикальном деревянном черенке, размещенном по центру кормовой части⁴⁸. В более ранние периоды в основе поплавок паромов сибирские татары наверняка применяли долбленные лодки. Паромы такой конструкции были широко распространены у аборигенных народов Сибири в позднем Средневековье⁴⁹.

Вторая разновидность паромов, действовавших на реках региона, имела в основе конструкции большую дощатую лодку длиной около 10 м, шириной около 5 м, на которую сверху крепили настил из досок. Он выступал за борта лодки на 70–80 см. По краю настила размещали перила. В носовой части парома, по бортам, располагали весла (*крусман*) и в центре – скамейку для гребцов, на которой обычно работало восемь человек (по четыре человека на одно весло). Длина весел составляла около 5 м. Управление паромом также осуществлялось с помощью кормового весла. Этот паром за один раз мог перевезти до четырех телег с конями. Его строительство требовало около месяца работы четырех-шести специалистов-мастеров⁵⁰.

Место расположения паромных переправ вблизи населенных пунктов на протяжении XVIII–XX вв. было постоянным. Визуальный осмотр мест таких переправ в Большереченском, Муромцевском, Тарском районах современной Омской области показал, что главным фактором, определявшим это постоянство, было наличие удобного подъезда к водной артерии. Именно по этой причине места летних паромных переправ совпадали с местами зимних ледовых переправ.

Зимние переправы. Обычно у каждого населенного пункта тарских татар устраивали от одной до трех таких переправы. На местности они выделялись наличием проторенного санного пути и рядом вешек, поставленных с одной или с двух сторон от проезжей части. Во время бурана, даже в случае полного заноса санного пути, путешественники вполне могли сориентироваться по вешкам и проехать в нужном месте.

Зимняя пешая переправа начинала действовать после того, как на реке устанавливался лед, который «не гнулся» под тяжестью человека. Первые смельчаки выходили на лед с длинной жердью в руках уже на второй-четвертый день после того, как лед вставал. На санях здесь начинали ездить, когда толщина льда достигала 0,1–0,2 м.

В ряде случаев население могло ускорить начало использования зимней переправы. Так, жители д. Киргап в начале XX в. намораживали зимнюю переправу сообща. Для этого они долбили на реке лунки и, черпая воду ведрами, проливали поперек Иртыша полосу шириной, необходимой для проезда саней⁵¹. Такую искусственную переправу организовывали лишь в одном месте. Остальные переправы в районе населенного пункта образовывались естественным путем.

Еще одними участками дорог, которые хорошо выражены на местности, являются **взвозы** вблизи населенных пунктов – удобные спуски с террасы в пойму. Если таких природных спусков не было, местное население было вынуждено позаботиться о постройке взвоза. Для его строительства вырывалась широкая пологая траншея в обрыве террасы. Обычно для этого старались использовать имевшийся овраг. Количество взвозов у каждой деревни тарских татар было разным. Большая их часть до настоящего времени продолжает постоянно использоваться местным населением для спуска в пойму и подъезда к реке как в летнее, так и в зимнее время. Для подъема из поймы на террасу тяжелых груженых телег

и саней люди, естественно, старались использовать самый пологий из имевшихся у деревень взвозов.

Строительство взвозов у тарских татар наверняка имеет давнюю традицию, поскольку эти дорожные искусственные сооружения необходимы и для вьючного транспорта. Такие неширокие (от одного до полутора метров) косые взвозы, плавно спускающиеся по краю террасы, фиксируются не только у населенных пунктов современных сибирских татар, но и у некоторых известных городищ XIV–XVI вв. Сибирского юрта.

Археологическое обследование дорог обязательно должно учитывать совокупность средств организации дорожного движения – всевозможные дорожные знаки, места для отдыха и стоянки.

В условиях пересеченной местности, обилия рек и лесов важное значение для путешествия имела *система дорожного ориентирования*. Первичными ориентирами являлись естественные природные объекты – реки, отдельно стоявшие деревья, особенности рельефа и т. д. Эти природные объекты составляли систему недвижимых (постоянных) ориентиров. Кроме них, тарские татары ставили на дорогах переносные (временные) и сезонные знаки.

Некоторые временные дорожные знаки, традиционно используемые населением низовий р. Тары описали С. Ф. Татауров и С. С. Тихонов: «Для обозначения отводной дороги на нее клали жердь поперек или устраивали пирамидку из трех связанных жердей, две из которых ставили на основной дороге. Чтобы показать направление движения, делали одно- и двусторонние загесы длиной около метра. При передвижении в лесу с густым подлеском заламывали ветви по направлению движения»⁵². У сибирских татар на охотничьих тропах завалы из веток указывали на опасность. Направление пути фиксировали с помощью засек на деревьях в виде стрел⁵³.

Наиболее распространенным сезонным (зимним) дорожным знаком были уже упоминавшиеся вехи, веши (*вехи*), которые представляли собой длинные, «в рост человека» ветки деревьев или пучки камыша, вертикально вставленные в снег по одной, реже двум сторонам зимнего пути. Иногда к верхней части веши привязывали пучок соломы⁵⁴. Вехи ставили на отдельных участках дорог (по некоторым данным через 0,3–0,5 км), на всех переправах через реки. Они служили для того, чтобы путешественник не потерял дорогу в сложных погодных условиях или в темное время суток. Летом вехи могли ставить на заболоченных участках дорог.

На дорогах должны были существовать *места для отдыха*. В Тарском Прииртышье расстояние между татарскими населенными пунктами невелико (10–30 км). Поэтому для ночевки и отдыха в пути обычно останавливались у родственников и знакомых. В случае дальней поездки зимой использовали постоянные дворы, расположенные в притрактовых селах, а летом могли ночевать и под открытым небом. Одни информаторы говорили: «Где ночь придавит, там и останавливались». По другим сведениям, на дорогах существовали традиционные места отдыха и ночевки.

Большой интерес представляет исследование проезжей части дороги, ее земляной полотно. Тарские татары называли профилированные дороги словом «оллу юл» (большая дорога), «пайшак» (большак); простые грунтовые дороги – «юл», тропу – «сукмак», «сукма», «юл кочкана», «пертован юл» (от *пертован* – подошва ноги)⁵⁵. Появление профильных дорог в Тарском Прииртышье связано с деятельностью Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия в начале XX в. До этого времени на территории проживания тарских татар повсеместно были распространены простые грунтовые дороги.

Небольшие участки искусственно поднятого деревоземляного полотна на таких дорогах присутствовали в виде редких гатей и мостов. Дополнительным элементом проезжей части дорог (обычно проходивших по террасе) могли выступать небольшие водоотводные канавки, прокопанные перпендикулярно направлению дороги в местах большого скопления воды на проезжей части. Подобная канавка зафиксирована у д. Ишеево Тарского района в 2006 г.

Дороги, по которым тарские татары передвигались на телегах, они называли «орба юл», пешие пути – «кеше юл». Грунтовые дороги между населенными пунктами в разное время года проходили по разным местам. Многое зависело от разливов рек (прежде всего Иртыша) и обилия снегопадов. Зимой первый путь торили каждый раз заново и затем его не меняли. Кроме того, от одного до другого населенного пункта нередко существовали две-три дороги, использование которых в каждом конкретном случае определялось природно-климатическими и погодными условиями, а также целью и характером путешествия. Например, между деревнями Атачка и Айткулово Тарского района существуют две дороги. Одна проходит по берегу Иртыша (по низкой пойме), другая – вдоль Айткуловского озера, «по средней гриве», расположенной на высокой пойме.

Зимой татары, проживавшие в населенных пунктах, расположенных на Иртыше, передвигались пешком и на санях по замерзшему льду реки. Летом использование колесного транспорта требовало устройства проезжей части, которая со временем стала представлять собой расчищенную для движения повозок, пешеходов и конников полосу земли, устойчиво закрепленную на местности. Препяду путешественникам составляли леса, болота, реки, что привело к организации здесь участков проезжей части, проложенных в просеках, и участков проезжей части, помещенных на земляное полотно (гати – на болотистых участках).

Исследование путей сообщения невозможно без анализа **транспортных средств** у местного населения, в нашем случае у тарских татар. На близкие расстояния тарские татары ходили пешком, а на отдаленные – передвигались при помощи лошади (*от*). Лошадь для верховой езды использовалась татарами в оседланном состоянии и без седла (*яйтак*). А. Г. и И. А. Селезневые отмечают, что терминология, относящаяся к верховому коневодству, у сибирских татар в основной своей массе общетюркская, а обозначающая средства гужевого транспорта (зимние и летние) – почти сплошь заимствована из русского языка. Эти факты отражают особенности и этапы формирования этого элемента материальной культуры сибирских татар⁵⁶. Несмотря на это верное замечание, вопрос о времени появления колесного транспорта у сибирских татар пока однозначно не решен.

Как отмечал Ф. Т. Валеев, основными зимними экипажами у всех групп татар были сани-дровни (*ат цана*), сани-розвальни (*крэслэ цана*). Зимними легкими экипажами были кошевки (*кашавай*). Как в сани, так и в телеги запрягалась одна лошадь с дугой. Две лошади запрягались преимущественно летом при отправлении в дальнюю дорогу. На свадьбах или при поездках в гости на отдаленные расстояния в кошевки иногда запрягали две лошади (*зусем/кусем*), одна впереди другой⁵⁷.

Возможно, самым ранним колесным транспортом у татар была арба – одноконная телега, состоявшая из стана, оси, двух колес, кузова, двух оглобель (*орыш*). Валеев писал, что в XVII–XIX вв. основным видом летнего экипажа татар была четырехколесная телега (арба) на деревянном ходу, использовавшаяся для перевозки различных грузов. Но в конце XIX – начале XX вв. под влиянием русского населения в хозяйствах татар начинают распространяться телеги на железном ходу (вкл., № 31). В хозяйствах кулаков, торговцев и мулл встречался легкий праздничный экипаж – «*трашманка*» на железном ходу, колеса его были значительно

меньших диаметров, чем у телеги, передние и задние оси соединялись длинными продольными балками диаметром 7–8 см, на которых устанавливался плетеный кузов с козлами⁵⁸.

В XIX–XX вв. сибирские татары самостоятельно изготавливали различные колесные транспортные средства. Развитие способов и средств передвижения татар в указанный период происходило в тесном взаимодействии и взаимовлиянии с другими народами Сибири и, прежде всего, под сильным влиянием окружавшего русского населения.

Таким образом, мы рассмотрели особенности устройства и функционирования элементов сухопутных коммуникаций, расположенных на территории проживания тарских татар. На протяжении XVIII – первой трети XX вв. сибирские татары хорошо знали и использовали для передвижения все имевшиеся энергетически ценные участки ландшафта и естественные коридоры (броды, спуски с террасы в пойму). Для ориентировки в пути, несомненно, были значимы и постоянные ориентиры (выдающиеся участки микроландшафта), сезонные ориентиры (например вехи на зимних переправах). Временные дорожные знаки чаще всего устанавливали для обозначения тех дорог, проход или проезд по которым был по какой-то причине затруднен.

Большинство дорожных искусственных сооружений появилось у татар после начала использования колесного транспорта. До этого времени большинство транспортных коммуникаций между населенными пунктами осуществлялось в зимний период, когда устойчивый снежный покров и лед на реках позволял трассировать дороги для санного транспорта практически в любых необходимых направлениях по энергетически ценным участкам ландшафта и естественным коридорам.

Для летних вьючных перевозок такие дорожные искусственные сооружения, как просеки, мосты, не требовались. Переправа через Тару, Уй, Шиш осуществлялась на лошади вплавь или по имевшемуся броду. Места летних и зимних переправ в основном совпадали и были постоянными, поскольку определялись наличием удобного спуска к реке.

Элементами, необходимость в которых существовала у тарских татар с очень ранних времен, являлись взвозы для вьючного транспорта и летние перевозки через Иртыш. Весельные паромы тарских татар имели лодочную и катамаранную конструкции, традиционные для населения Западной Сибири.

¹ Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб., 1882.

² The atlas of Siberia by Semyon Remezov / Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. – (’s-Gravenhage), 1958; *Матвеев А. В., Яворская Л. Я.* Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова 1697–1711 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2003. – № 10. – С. 158.

³ Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. – Новосибирск, 1982.

⁴ *Большаник П. В.* Природные условия Тарского приречного района // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар; *Кутузова Г. И., Большаник П. В.* Ландшафтная обусловленность процессов освоения и историко-географическое районирование Омского Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1997; Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск, 2001. – С. 51–77.

⁵ Атлас Омской области. – М., 1996; Омская область. Краткий картографический очерк. – Омск, 1994.

⁶ Описание Тобольского наместничества. – С. 71.

⁷ Там же. С. 71, 276.

⁸ Там же. С. 82, 278, 279.

⁹ Там же. С. 281–282.

¹⁰ Там же. С. 285.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Там же. С. 294.

¹³ Там же. С. 295.

¹⁴ Там же. С. 282.

¹⁵ Там же. С. 285.

¹⁶ *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев. – СПб., 1911. – Т. II : Тобольская, Томская, Енисейская губернии. – С. 72. – (Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики ; Вып. 2, т. 11).

¹⁷ *Тихомиров К. Н., Гайко В. В.* Комплексные работы в Знаменском районе Омской области // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2003. – С. 253.

¹⁸ *Здор М. Ю., Тихомиров К. Н.*, Обследование местности в Знаменском и Таврическом районах Омской области // Археологические открытия 2001 года. – М., 2002. – С. 412.

¹⁹ Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск, 2001.

²⁰ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – М., 1999. – Т. 1. – С. 251.

²¹ *Валеев Ф. Т., Томилов Н. А.* Татары Западной Сибири: история и культура. – Новосибирск, 1996. – С. 88.

²² *Зияев Х. З.* Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI–XIX вв.). – Ташкент, 1964; *Вилков О. Н.* : 1) Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII веке // Вопросы истории социально-экономической жизни Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1968. – Вып. 2; 2) Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в. // Торговля городов Сибири конца XVI – начала XX вв. – Новосибирск, 1987; *Соболев В. И.* История Сибирских ханств (по археологическим материалам). – Омск, 2008. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; Т. 10).

²³ *Бояришинова З. Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск, 1960. – С. 41.

²⁴ *Файзрахманов Г. Л.* История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань, 2002. – С. 152–153.

²⁵ *Холостых Г. В.* Торговые связи Западной Сибири со Средней Азией и странами востока XVII–XVIII вв. как традиционное явление // Очерки истории обмена и торговли на территории Западной Сибири. – Омск, 1995. – Ч. II. – С. 173.

²⁶ *Зияев Х. З.* Указ. соч. – С. 26.

²⁷ *Мельников Б. В., Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Пути и возможности миграций в условиях таежной зоны // Экспериментальная археология. – Тобольск, 1992. – Вып. 2; *Матвеев А. В., Трофимов Ю. В.* Поиск «Угуйского волока» – одной из главных широтных магистралей северо-западной Барабы XVII – первой половины XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2005; *Матвеев А. В.* История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековье – Новое время). – Омск, 2014.

²⁸ *Шлик К. К.* Влияние природных условий на выбор трасс древних транспортных путей // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. – М., 1981. – С. 179–180.

²⁹ *Болтрик Ю. В.* Об одном из вероятных трактов Скифии // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР : тез. докл. Респ. конф. молодых ученых. – Киев, 1981; *Котович В. Г.* Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии II : сб. ст. в память профессора М. И. Артамонова. – Л., 1978. –

С. 54. *Мугуревич Э. С.* Торговые пути на территории ливов и латгалов в IX–XIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Рига, 1961. – С. 10;

³⁰ *Мельников Б. В., Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Пути и возможности миграций в условиях таежной зоны. – С. 112; *Шилик К. К.* О реконструкции древних транспортных путей // Основные проблемы исторической географии России на современном этапе : тез. докл. и сообщ. II Всесоюз. конф. по ист. географии. – М., 1980. – С. 179.

³¹ *Валеев Ф. Т., Томилов Н. А.* Татары Западной Сибири. – С. 201–202.

³² Там же. С. 166–167.

³³ *Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Система путей сообщения в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар. – С. 110–111.

³⁴ Музей археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (МАЭ ОмГУ). Ф. I. Д. 107-3. Л. 28.

³⁵ Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. Приложение к смете доходов, расходов и специальных средств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1914 г. – СПб., 1913. – С. 240.

³⁶ Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. и отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. – СПб., 1911. – С. 390.

³⁷ Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. – С. 244.

³⁸ *Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Указ. соч. – С. 110.

³⁹ Там же.

⁴⁰ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 113-1. Л. 113.

⁴¹ Там же. Д. 94-3. Л. 54–55, рис.

⁴² Там же. Л. 55–56, рис.

⁴³ Там же. Д. 84-4. Л. 111.

⁴⁴ См., например: Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 270.

⁴⁵ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 94-3. Л. 52–53, рис.

⁴⁶ *Валеев Ф. Т.* К вопросу о способах и средствах передвижения сибирских татар в XIX – начале XX вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий : тез. докл. обл. науч. конф. по этнографии. – Омск, 1984. – С. 152.

⁴⁷ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 2-10. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Д. 94-3. Л. 58–59, рис.

⁴⁹ *Кызласов Л. Р.* Паромные переправы в средневековой Хакасии (Из истории средств передвижения) // Вопросы археологии Хакасии. – Абакан, 1980.

⁵⁰ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 113-1. Л. 1, рис.; Д. 90-3. Л. 43.

⁵¹ Там же. Л. 107.

⁵² *Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Указ. соч. – С. 111.

⁵³ МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 5-11. Л. 90.

⁵⁴ Там же. Д. 92-2. Л. 9; Д. 107-3. Л. 13, 25.

⁵⁵ Там же. Д. 113-1. Л. 113; Д. 2-10. Л. 33.

⁵⁶ *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Предметы хозяйства и средств передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета // Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Новосибирск, 1999.

⁵⁷ *Валеев Ф. Т.* Указ. соч. – С. 150–153.

⁵⁸ Там же.

ГЛАВА 3

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ И ИЗМЕНЕНИЙ В ЕГО ЭТНИЧЕСКОМ И ЭТНОСОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ В КОНЦЕ XVI–XX ВЕКЕ

Правда так скучна!
Чарли Чаплин

§ 1. Этносоциальная структура: современные теоретические подходы и история изучения вопроса

Как уже указывалось, основной район наших работ по изучению этнографо-археологического комплекса – северные лесостепные и южнотаежные районы Омской области: Большереченский, Муромцевский, Седельниковский, Тарский. Эту территорию иногда называют Тарским Прииртышьем, включая в нее не только правобережные, но и левобережные поселения вокруг г. Тары. Здесь, по берегам Иртыша и его притоков (Тара, Уй, Оша), проживает тюркоязычное население, относящееся к тарской группе тоболо-иртышских татар – одного из самых крупных этнических подразделений татар Западной Сибири. В этих же районах мы изучаем и ЭАК русских. Однако в некоторых случаях мы выходим за пределы этой территории, изучая этнографию и археологию татар и русских в таежных (Знаменском, Усть-Ишимском) и лесостепных районах Прииртышья (Нижеомском).

В этой главе рассматриваются процессы формирования этнического облика и этносоциального состава двух основных групп населения – тюркской и славянской, проживающих в правобережной части Тарского Прииртышья от низовьев р. Тары вниз по Иртышу до устья Шиша.

Этнический состав населения в исторической динамике выявить очень сложно. До XX в. он не фиксировался ни в одном документе. В настоящее время считается, что практически любой народ имеет внутреннюю структуру, которая может быть представлена как совокупность субэтнических и этнографических групп. Субэтнические группы отличаются не только своеобразием культуры и языка, но и наличием у их членов определенного самосознания, как правило двойного: члены таких групп считают себя одновременно представителями и субэтноса, и этноса. Этнографические группы выделяются по признаку своеобразия культуры и языка (диалекта), но при этом у группы не существует никакого особого самосознания¹.

Теория этноса, фактически лежащая в основе этноисторических исследований российских ученых до сегодняшнего дня, не дает ответа на вопрос о механизме формирования этнических сообществ, подменяя его определением типа этнической общности. Часты обвинения ученых этого круга в том, что они полагают этнические сообщества «изначальными», т. е. существовавшими устойчиво и долго – «всегда». Противопоставление людей по признаку происхождения и культуры

оказывается в этом свете одной из коренных оппозиций человеческого сознания. Представители конкурирующей концепции – конструктивизма – склонны ведущую роль в формировании этнических общностей отдать государству, так как по их мнению, только оно способно сконструировать границы, которые позволяют осознать деление людей, в том числе и по признакам этнического характера.

Исторические материалы, довольно скудно рассказывающие о существовании этнических (в современном понимании слова) страт в обществах прошлого, тем не менее позволяют выдвинуть иной тезис: формирование этнических сообществ, особенно на субэтническом уровне, во многом связано с существованием в различные исторические периоды тех или иных социальных групп. Даже уходя в прошлое, эти группы порождают противостояния человеческих коллективов, которые со временем начинают осознаваться как исконные, т. е. идущие из прошлого, потомственные, т. е. завещанные предками, традиционные, т. е. культурно закреплённые. Так появляется понятие «этносоциальная структура населения» – совокупность этносоциальных сообществ, проживающих в границах общей территории. Эта структура изменяется во времени под влиянием этнических и социально-этнических процессов, прежде всего укажем на влияние межэтнической интеграции и внутриэтнической консолидации.

Опыт показывает, что современные люди часто называют этническую принадлежность своих предков, перенося собственный опыт в глубь времени. Документы официального делопроизводства, как уже указывалось, прямых сведений не содержат. Соответственно, изучение динамической этносоциальной структуры требует особой источниковой базы. Мы предлагаем при рассмотрении этнической и этносоциальной истории населения Тарского Прииртышья ориентироваться на волостную и поселенческую структуру, которая, как будет показано ниже, отражает этнические и этносоциальные границы в обществе. Основными источниками для рассмотрения социального и этнического состава населения являются материалы переписей населения – Дозорной книгой Тарского уезда 1701 г., Тарской дозорной книги 1701 г., первичные материалы ревизского учета населения и Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., а также различные делопроизводственные документы, в которых отражались те или иные процессы в этносоциальной структуре тюркоязычного общества.

Несмотря на то что в современной науке выработан свой взгляд на проблему, попытки изучения вопроса предпринимались и раньше. Рассмотрим это на материалах, важных для изучения этносоциальной истории Тарского Прииртышья.

Группы тюркоязычного населения юга Западной Сибири выделил Б. О. Долгих, изучавший родоплеменной состав населения Сибири в XVII в. в целом². Именно он обратил внимание на то, что волости образовывались с учетом общности происхождения как в этническом, так и в социальном плане, а также ряда других факторов (в частности общинного землевладения и т. д.).

Дальнейшее исследование этнической истории данного населения связано с именем Н. А. Томилова, который на основе огромного количества источников (материалы ревизий населения, полевые этнографические материалы и т. д.) предложил схему дифференциации территориально-этнических групп сибирских татар с выделением локальных групп этнографического характера³. Им же были выявлены, насколько это представилось возможным, этнические компоненты в составе как территориально-этнических, так и локальных групп. В целом, необходимо отметить, что сложение как этнотерриториальных, так и локальных групп тюркоязычного населения юга Западной Сибири продолжалось на протяжении XVII–XIX вв. И дифференциация групп, предложенная Н. А. Томиловым, отра-

жает, скорее всего, современную ситуацию, потому что сибирские татары в настоящее время так и не представляют собой единую этническую общность, каждая группа сибирских татар отличается спецификой этнического развития.

Что касается русских, то интерес к проблемам их этнической истории характерен только для науки конца XX в. Однако уже среди авторов второй половины XIX в. была популярна тема об особенностях быта разных групп русского сибирского населения⁴. В то время как особые группы русского населения Сибири рассматривались старообрядцы разных толков, казаки и переселенцы. Во многих дореволюционных публикациях по этнографии русских сибиряков отражены особенности культуры локальных групп русских сибиряков.

Н. М. Ядринцев, опираясь на литературные источники, писал в обобщающем труде «Сибирь как колония» о сложении «областного типа русской народности в Сибири» под влиянием местных «инородцев». Для обозначения всех русских жителей Сибири он употреблял термин *сибиряки*. Однако Ядринцев характеризовал и отдельные группы русских сибиряков. В частности, описывая разнообразие русской сибирской жизни, ученый использовал широко распространенные в то время термины, которые тогда применялись для обозначения жителей разных районов Сибири, ссылаясь при этом на работы А. П. Шапова, П. А. Ровинского, М. В. Загоскина, А. Принца и других исследователей: (коренные) *сибиряки, казаки, переселенцы, российскийские, лапотники, семейские, каменщики, «затундренные»* (русские), *карымы, маганье*. Он приводил также территориальные названия групп – *туруханцы, барабинцы*⁵.

Вопросы этногруппового деления русских сибиряков поднимались в трудах П. М. Головачева. Он считал, что не у всех сибиряков есть смешение с инородцами и выделял «чистый русский тип в Сибири» – семейских и поляков. Головачев делил крестьян на группы по степени зажиточности. Эта схема у него получилась довольно условной, потому что, доказывая именно такое деление, он обращался к истории сложения групп. Всего он выделил три группы: старожилы, состоявшие из крестьян и казаков; новоселы, ссыльные⁶.

В конце 1910–1920-х гг. Г. С. Виноградов использовал термин *старожилое (старожильческое) население*⁷. В 1930 г. в Ленинграде была опубликована книга «Бухтарминские старообрядцы», в которой население долины р. Бухтармы рассматривалось как особая группа населения.

В 1930–1940-х гг. исследования по этнографии русских сибиряков практически не проводились. Только в конце 1950-х гг. начались этнографические исследования среди русских Восточной Сибири. Описывая методику работ, Г. С. Маслова и Л. М. Сабурова отмечали, что необходимо учитывать, с представителем какой группы населения (старожилом или переселенцем) имеет дело этнограф⁸.

В 1970-х гг. начинается бурное развитие исследований по этнографии русских сибиряков. В настоящее время сложилась схема, которая принимается практически всеми исследователями. Русское население в Сибири обычно подразделяют на старожилы и переселенцев второй половины XIX – начала XX вв. Среди старожилы выделяют казаков и старообрядцев. Кроме того, среди русских старожилы можно выделить группы, члены которых осознавали или осознают свое единство по территориальному признаку, – это так называемые территориальные или локальные группы русских.

Говоря о переселенцах, обычно подразумевают тех людей, которые стали прибывать в Сибирь во второй половине XIX в., а также их потомков. Границей, разделяющей старожилы и поздних переселенцев, считают в основном конец 1840-х гг., когда в соответствии с реформой П. Д. Киселева резко увеличился поток

переселенцев в Сибирь. Понятие «поздний переселенец» условно, потому что во второй половине XIX в. в Сибирь переселялись и казаки, и старообрядцы, и представители многих нерусских народов. Но чаще всего отношение к ним ко всем определялось тем фактом, что они недавно приехали в Сибирь и были соответственно новоселами.

§ 2. Тюркские группы

В этом разделе рассматривается этносоциальная структура татар Тарского Прииртышья*, которые в современной научной литературе называются тарскими татарами. Основное же внимание будет уделено аялынской подгруппе тарских татар, расселенных на правобережье Иртыша.

В конце XVI – начале XVII вв., т. е. во время начального освоения Сибири Русским государством, южную часть Западно-Сибирской равнины заселяло тюркоязычное население. Основную часть тюркоязычных групп Западно-Сибирской равнины составляли различные родоплеменные образования. Осваивая территорию Сибири и включая местное население в систему налогообложения, административные органы Русского государства создавали волостные единицы для централизации сборов налогов.

К XVI в. тарские татары входили в состав Сибирского ханства. Территория их расселения – часть Среднего Прииртышья примерно от р. Оши и до устья р. Оми. Часть тарских татар проживала тогда и в бассейнах Тары, Уя и Оши, постепенно осваивая всё более широкую территорию. В южных и юго-западных районах своего ареала расселения тарские татары граничили с кочевническим миром различных тюркских, а затем и монгольских племен¹⁰. На востоке тарские татары уже в тот период жили на землях, прилегавших к территории барабинских татар (см. вкл., № 29).

В составе тарских татар исследователями были выделены две локальные группы: аялы и туралы. Как отмечает Н. А. Томилов, изучение степени замкнутости указанных групп позволило выяснить, что аялынская группа территориально смыкается, а кое-где пересекается с туралинскими татарами, что она имеет низкую степень эндогамной замкнутости (65 % внутригрупповых браков по материалам ревизии населения 1795 г.) и тесно связана с туралинцами. Таким образом, аялынские и туралинские татары, по существу, представляли собой по крайней мере с XVI в. одну группу. С ней и следует связывать название «тарские татары», поскольку основная их территория простирается вокруг и южнее г. Тары, а сами себя местные татары нередко именуют этнонимом «тарлык (тарлик)»¹¹.

До нас дошло немного письменных сведений о населенных пунктах тарских татар, которые были у них до появления в этих местах русского населения. Это Малый городок у оз. Большие Мурлы и Каратура – Черный город, стоявший, по одним данным, между устьями Тары и Оми, близ большого озера (тогда это тоже оз. Большие Мурлы, раньше называвшееся Улыкуль), по другим – на Иртыше, ниже будущей Чернолуцкой слободы, в 40 км от нее. С. В. Бахрушин предполагает, что г. Каратура был основан сыном Кучума Али¹².

* Под Тарским Прииртышьем понимают районы, прилегающие к р. Таре (правый приток Иртыша) и г. Таре. Сейчас они входят в Тарский, Большереченский, Муромцевский и отчасти Седельниковский районы Омской области. Это понятие уже устоялось в сибиреведении и часто используется в работах отечественных историков⁹.

Основные сведения о населении данного региона встречаются уже в документах русской администрации. Так, по материалам ясачных книг, Б. О. Долгих перечислил населенные пункты Аялынской волости (1625 г.), в которой значилось 15 деревень (в скобках он указал число плательщиков ясака): Верхний Тунус (6), Кетешева (3), Кошбахтина (17), Бергамак (28), Абай-томак (11), Сеиткулова (16), Чеплярева (31), Тар-Томак (23), Рухлель (13), Буксунова (13), Буян (8), Большая (23), Байгильдеева (15), Уй-томак (6), Ашут (3). Общее количество плательщиков ясака – 216 чел. (используя коэффициент перевода, предложенный Б. О. Долгих – 4, это 864 чел.)¹³. Основная часть аялынцев была расселена тогда на правобережье Иртыша, начиная от устья Тары до устья Шиша. Помимо ясачных татар, здесь проживали и другие этносоциальные категории населения – служилые татары и их захребетники, бухарцы, калмыки. На протяжении XVII в. происходило увеличение служилых татар, а также бухарцев.

К началу XVIII в. на территории Тарского Прииртышья сложилась довольно устойчивая этносоциальная структура тюркоязычного населения, которая подробно представлена в двух источниках того времени – Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. (не переписаны бухарцы Тарского уезда) и Тарской дозорной книге 1701 г. (переписаны бухарцы)¹⁴. В книгах переписано по поселениям (внутри – по дворам) всё мужское население, принадлежавшие им пашни, сенокосные и другие угодья, определяются местонахождения поселений и угодий, формы владения ими как у местного (татары), так и у пришлого населения, содержатся сведения по социальной стратификации населения. Одним из интересных моментов является описание споров по поводу угодий между местным и пришлым населением.

Дозорные книги – ценный источник для выявления этносоциальных категорий тюркоязычного населения, так как для периода XVII–XIX вв. в исторических источниках отмечается не этническая, а социальная и/или сословная принадлежность. В то же время социальные границы не совпадали с этническими.

Цель создания Дозорной книги Тарского уезда обозначена во введении:

«А в 7206 (1698) году 4 января по указу Великого государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича, всей Великой, Малой и Белой России самодержца, велено дворянину Ивану Родионовичу Качанову в Сибири Тобольского разряда на Таре и в уездах Великого государя волости, слободы, села, деревни, митрополичьи, монастырские и церковные [владения], и у детей боярских, служилых людей, пашенных и оброчных крестьян, бобылей, захребетников, татар и у всяких чинов людей описать земли. И в тех волостях, слободах, селах, деревнях, митрополичьих и монастырских [владениях], у детей боярских, служилых людей, крестьян переписать всяких чинов людей и пришлых из русских и поморских городов: имена, отчества и прозвища; из которого города уроженцы и за кем жили; как давно в Сибирь пришли; сколько у них детей, братьев, племянников, внучат и пасынков; в котором году и по какому указу поселились и на каких землях; [сколько] пашут крестьяне Великого государя десятинной пашни и [сколько] платят денежного, хлебного, с мельниц, кузниц, рыбных ловель и всяких угодий оброков, а ясачные татары в казну Великого государя – ясаку. А переписав, велено в соответствии с пожитками, семьями и пахотными [землями] прибавить на крестьян Великого государя десятинной пашни, денежного и хлебного оброков, [а] также на бобылей, захребетников и на пришлых из русских и поморских городов людей десятинную пашню, хлебный и денежный оброк, за мельницы, кузницы, рыбные и птичьи ловли и всякие угодья вновь положить и прибавить»¹⁵.

При рассмотрении двух дозорных книг у местного тюркоязычного населения условно можно выделить четыре основные этносоциальные категории: ясачные, служилые, захребетные татары и бухарцы. Помимо этого, в материалах Дозорной книги Тарского уезда есть сведения о казанцах и калмыках.

Ясачные татары

Первая и наиболее многочисленная группа – ясачные татары. Ее основу составляло местное тюркоязычное население. Как известно, в России существовала социальная категория – ясачные люди, обязанные платить в казну Великого государя ясак. С другой стороны, ясачные волости формировались по этническому, а точнее по родоплеменному признаку. Например, Аялынская волость была названа по родоплеменному объединению *аялы*, на основе которого впоследствии сформировалась этническая группа в составе тарских татар. В Дозорной книге Тарского уезда при описании деревень, заселенных ясачными татарами, всегда указывалась волость. Далее шло перечисление имен ясачных определенной деревни, указывались дети и количество скота. Пашни, сенокосные и другие угодья были общими, и обычно эти сведения даны в конце описания каждого населенного пункта:

«Деревня Инцисских юрт Абайтомак Сеиткулова та ж. Живут Аялынской волости татаровя.

Ясашные

Илчейко Кочашев, скота у него лошадь.

Тохтагулко Илчеев сказал, скота у него лошадь.

Тогушко Илчеев сказал, скота у него лошадь.

Кутамейко Койгачаков сказал, скота у него лошадь, рогатого то ж.

Багышичко Кутайметев.

Аптыкучучко Тюлючанов.

Лобашко Кормагулов.

Карабашко Аллагулов, у него сын Кушайко пятнадцати лет. Скота – лошадь, две коровы.

Кангайко Бакшеняев сказал, скота у него три лошади, рогатого то ж.

Урлаганко Кутайшугуров.

Тлевка Урлаганов сказал, скота у него лошадь да корова.

Кармышачко Бекшенев.

Пашни у них паханые у всех вообще пятнадцать десятин в поле, а в дву потому ж. Да непаханой залежной и лесом порослой земли и пустоши на сто десятин. Сенных у них покосов подле Иртыш реки около зимних и летних юрт на устье Инцыса речки на тысячу копен. У них же рыбная ловля речка Аптатак под Кайгашевым Красным яром, а пала та речка из озер. Владеют исстари...»¹⁶.

В описаниях ряда деревень встречаются *князцы*, по своему социальному и имущественному положению выделявшиеся среди рядовых общинников:

«Деревня Устьтарская, Тартамак та ж на устье Тары реки. Живут ясашные татаровя.

Князец Иткучук Бучкаков сказал: скота у него пять лошадей, рогатого то ж, двадцать овец.

Ясашные татары

Токмашко Чатаев...»¹⁷.

По мнению С. В. Бахрушина, во времена Сибирского ханства князцы выполняли функцию сборщиков ясака с «черных людей», за что были освобождены от его уплаты¹⁸. Для конца XVII – начала XVIII вв. эта функция видоизменяется.

В Дозорной книге князцы выступают в качестве выразителей интересов общины при подаче челобитных, связанных в основном с поземельными спорами:

«...Да в нынешнем же 1701 году 22 августа били челом Великому Государю... тарские ясашные татары князец Иткучук Бучкаков с товарищами... что с прошлых-де давних лет исстари владели деды и отцы их, и они владеют на прокормление рыбными ловлями, речками и озерами, для ясашного промысла... и на лугах санными покосами и скотскими выгонами... И в тех-де их угодьях... русские всяких чинов люди наезжают, с неводами рыбу вылавливают... и по лугам лучшие места насильством косят, и всякие обиды и тесноту чинят... И по указу Великого Государя велено Аялынской волости ясашным татарам... вышеписанными... (угодьями. – С. К.) владеть, по которым межам и урочищам владели они исстари... И впредь для владенья дана ему, Иткучуку с товарищами, на те их... (угодья. – С. К.) выпись»¹⁹.

Этот отрывок челобитной является одним из множества свидетельств особенности сибирского землевладения и землепользования. Дозорная книга Тарского уезда показывает, что абсолютное большинство прошений татар удовлетворялось, причем это было лишь документальным закреплением «исстари» существовавшего положения вещей.

Часть ясачных татар, возможно, приняла крещение, о чем свидетельствуют уже имена татар:

«...Бечик Булунбаев сказал, у него дети Данилко, Аничко...

...Балкачко Тимирчурин сказал, у него сын Мишка двадцати лет...»²⁰.

В целом, на протяжении XVIII – начала XIX вв. категория ясачных людей оставалась более или менее стабильной.

Служилые и захребетные татары

Данные социальные категории невозможно рассматривать по отдельности, так как они взаимосвязаны: только в тех деревнях, где переписаны служилые татары, идет описание и захребетных татар. С. В. Бахрушин выводит происхождение татарского служилого сословия от прежних феодалов – «тарханов», куда он включает туземных князей (беков), мурз, племенных князцов и отчасти духовную знать. Звание служилого татарина было наследственным. Служилые татары несли разнообразные воинские повинности наравне с русскими служилыми людьми, участвовали в ямской гоньбе, использовались для различных поручений, требовавших знания местных условий и связей с населением²¹. Представители этой социальной группы были освобождены от уплаты ясака. Б. О. Долгих предположил, что в составе служилых татар Тарского уезда было значительное количество местного тюркоязычного населения и, прежде всего, аялынцев²². Н. А. Томилов отмечает, что, как и тобольские и тюменские татары, они совершали ежегодные походы на юг к Ямышеву озеру за солью, посылались на службу в Тару, Томск и некоторые другие города и острожки, участвовали в военных походах. Постоянным местом их жительства были деревни, расположенные около г. Тары²³. По материалам Дозорной книги, это такие деревни, как Киргап, Айткулово, Атак, Речапово, Большие Туралы, Сеитово, Себеляково*. Из них только Туралы расположена на левом берегу Иртыша, остальные – на правом вдоль берега. Это подтверждает мнение Долгих о местном компоненте служилых татар, так как при изучении населения автохтонного тюркоязычного населения был сделан вывод о том, что основные их земельные владения, а также поселения были расположены вдоль

* Приведены современные названия деревень.

правого берега Иртыша²⁴. Таким образом, служилые татары, несмотря на прохождение службы, оставались на своих землях.

В то же время в среде служилых татар встречались и «иноземные» представители. Так, при описании д. Иткучуковой («она же Атацкая Усеинова») упоминается челобитная следующего содержания:

«Да в нынешнем 1701 году 5 сентября бил челом Великому государю, царю и Великому князю Петру Алексеевичу, всей Великой, и Малой, и Белой России самодержцу, *служилый иноземец* (здесь и далее выделено мной. – С. К.) Иткучук Чолбаров, сын Зайсанов. А в Таре на съезжем дворе переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову подал он, Иткучук, челобитную. А в челобитной его написано: с прошлого, 1663 году владел отец его – *выезжий юртовский служилый татарин*. Чолбар Кочашев, сын Зайсан по челобитью и по отводу городничего Алексея Гойского пашенным местом и рыбными ловлями, которыми с прошлых же давних лет владел его дед, Кочаш Зайсан, а после деда и отца своего владеет он, Иткучук. А то пашенное и непашенное место [расположено] вверх по Иртышу реке на Изюке озере на этой же стороне (правый берег Иртыша. – С. К.). А межи тому пашенному и непашенному месту от Колбыша возле Чистого болота до Иртыша да по заимку пешего казака Ивашки Евгаштина, а на лугу [, где пашет Ивашка Евгаштин,] – в межах с ясачными татарами возле Аллагула да промеж Бегея. А рыбные угодья [делит] с ясачными татарами Аялынской волости, Аллагулкой с товарищами, – в Изюке озере [имеет] пай во всякой ловле. А та пашенная и непашенная земля и рыбные ловли в писцовых книгах писца Льва Поскочина за ним, Иткучуком, и за отцом его, Чолбаром, не написаны потому, что, когда писец Лев Поскочин был в Таре, отец его – Чолбар Кочашев – был в Тобольске и в Тобольске умер, а он, Иткучук, был малолетним. И [просит он, Иткучук,] чтоб Великий государь велел челобитную его и отводную отца его Чолбара на пашенную и непашенную землю, и на луговое место, и на рыбные ловли в Таре на съезжем дворе переписчику московскому дворянину Ивану Родионовичу Качанову принять и по отводу его, Иткучука, владенья по межам и урочищам – пашенную и непашенную землю, и луговое место, и рыбные ловли – записать в переписные книги и дать ему, Иткучуку, с переписных книг впредь для владенья выпись. И приложил он, Иткучук, к челобитной своей на пашенные и непашенные свои земли и на рыбные ловли в вышеописанных межах отводную на имя отца своего, Чолбара Кочашева, 1663 года 11 апреля, подписанную городничим Алексеем Гойским. А в той отводной пашенным и непашенным землям и рыбным ловлям межи и урочища написаны те же, что написаны в челобитной Иткучука.

И в нынешнем 1701 году 7 сентября по указу Великого государя велено челобитчику и *иноземцу* Иткучуку Чолбарову, сыну Зайсанову, по вышеупомянутым межам и урочищам прежних его, Иткучука, владений по отводу городничего Алексея Гойского пашенными и непашенными землями и рыбными ловлями владеть по-прежнему, так как спору и челобитья о тех его, Иткучуковых землях и о рыбных ловлях в Таре на съезжем дворе ни от кого не было и крепости никто на те его земли и на рыбные ловли не предъявил. И дана ему, Иткучуку, на те земли и на рыбные ловли впредь для владенья выпись»²⁵.

Данный отрывок не предоставляет нам сведений о месте выезда, но, по крайней мере, дает представление о примерном времени поступления предков

Иткучука Чолбарова в службу к «Великому государю» – первая половина XVII в. С. В. Бахрушин писал об этом семействе: «В Таре в 60-х гг. XVIII в. служил “выезжий юртовский служилый татарин Чолбар Кочашов, сын зайсан”, т. е. калмыцкого дворянина, а после него его сын Иткучук Чолбаров сын Зайсанов»²⁶. В ранее представленном отрывке из Дозорной книги Тарского уезда говорится также о первом представителе этого рода Кочаше Зайсане, который и приобрел первым земли в этих местах.

В XVII в. начинается перевод служилого населения на землю. Пожалуй, наиболее подробно этот вопрос освещен в работе Н. Г. Аполловой, касающейся именно территории Прииртышья, куда входил и Тарский уезд. Автор рассматривает этот процесс касательно русского служилого населения. Она отмечает, что начало оседания на землю служилого населения на данной территории происходило в первой четверти XVII в., приводя в пример материалы «Дозорной книги Тарского уезда 1624 г.», где переписаны селения служилых людей, представлявшие в большинстве своем деревни-однодворки²⁷. На протяжении XVII в. служилые люди постепенно осваивали всё новые земельные угодья. Описывая политику правительства по отношению к служилым людям в XVII в., Аполлова отмечает, что она «была в какой-то мере двойственной. Добиваясь “государевых прибылей” и экономии в хлебе, оно стремилось урезать хлебное жалованье служилых или совсем не выдавать его, переводя их на службу с пашни. С другой стороны, не желая отрывать их от своих служебных обязанностей, особенно казаков от разъездной службы, правительство пыталось установить норму земельного держания»²⁸.

Можно предположить, что служилые татары владели земельными угодьями до оседания на землю русских служилых людей, так как в состав служилых татар, как уже упоминалось выше, по мнению Бахрушина, вошли туземные князья, мурзы, племенные князцы и отчасти духовная знать. В ясачных книгах, где переписано ясачное население Аялынской волости, о них нет сведений, потому что они не платили ясак. В то же время в деревнях Аялынской волости, помимо ясачных татар, были зафиксированы захребетные люди (о них см. далее, с. 82–83). На этом основании можно сделать предположение, что у служилых татар имелись собственные земельные наделы и населенные пункты, сведений о которых по понятным причинам нет в ясачных книгах. Но, учитывая тот факт, что основной деятельностью служилого сословия являлось, естественно, выполнение разнообразных воинских повинностей, можно достаточно уверенно утверждать, что представители этой социальной категории должны были использовать для обслуживания своих земель захребетников.

К концу XVII – началу XVIII вв. ситуация на территории Тарского уезда становится стабильной: русские продвинулись уже далеко вверх по Иртышу, прекратились набеги калмыков и т. д. Поэтому именно в это время произошло увеличение количества «оседлых» служилых людей, приписанных к различным деревням и имевших в своем распоряжении значительное количество земельных угодий. Таким образом, нам представляется, что начиная со второй четверти XVII в. шел процесс оседания служилых татар на землю. В результате массового перевода категории служилых людей на «службу с пашни» во второй половине XVII в. земли служилых татар были закреплены за ними юридически.

В материалах Дозорной книги на данной территории (вокруг г. Тары) зафиксировано 59 дворов служилых и 61 двор захребетных татар. Описание населенных пунктов, где они были расселены, выглядит следующим образом:

«Деревня Кыргаских юрт над рекою Иртышем.

Живут в тех юртах служилые и захребетные татары.

Служилые

Кузейко Богаев сказал: скота у него лошадь, а оклад ему, Кузейку, Великого государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые, десятина в поле, а в дву потому ж, сенных покосов на пятьдесят копен.

Талайко Кучуков сказал: у него сын Айтышко пяти лет. Скота – лошадь да корова. А оклад ему, Талайку, Великого государя жалованья денег десять рублей. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые две десятины в поле, а в дву потому ж. Сенных покосов на пятьдесят копен.

Купландычко Чуручеев сказал: скота у него лошадь да корова. А оклад ему, Купландычку, Великого государя жалованья денег три рубля. А за хлебный полный оклад служит с пашни. А пашни у него паханые полторы десятины в поле, а в дву потому ж. <...>

Захребетные

Кучучко Усеимов сказал: у него дети Тохтагулко двадцати семи лет, Байгундучко двадцати лет. Скота лошадь, две коровы. А пашни у него паханые за рекою Иртышем две десятины в поле, а в дву потому ж. Сенных покосов на сто копен.

Изметко Мулла сказал: у него сын Раимгулко двадцати лет. А пашни не пашет. <...>

Тевлетдычко Бакбавлин сказал: скота у него нет, и пашни не пашет...»²⁹.

Захребетники были в услужении у служилых татар. Это «обедневшие сородичи, которые по тем или иным причинам не вошли в разряд служилых» и «живя “за хребтом” более состоятельных своих соплеменников... были обязаны своим хозяевам известными повинностями»³⁰. В количественном отношении служилых и захребетных татар было немного по сравнению с общей массой ясачных людей. С. В. Бахрушин отмечает, что основную массу захребетников составляли чужеродцы. Но анализ сведений Дозорной книги Тарского уезда позволяет усомниться в слишком большом количестве «чужеродцев».

Часть захребетных (21 двор) не имели как пашенных, так и сенокосных угодий. Например, в д. Туралинской: «Захребетный Атыгулко Кобнин сказал: пашни и сенных покосов у него нет. *Кормится работою* (выделено мной. – С. К.)»³¹.

В то же время большинство захребетных (40 дворов) владели как пашенными, так и сенокосными угодьями. Это является косвенным подтверждением того, что они были выходцами из местных родоплеменных групп. Об этом свидетельствует и тот факт, что имеются указания на «старинное владение» этими землями. Например, в д. Айткуловой к захребетным приписан Аиткулов:

«Кармышачко Аиткулов сказал: у него сын Аиткулко четырех лет, брат Атычко двадцати лет. Скота – две лошади, рогатого столько же. А пашни паханые – полторы десятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на полтора ста копен. В межах та его пашня вверх по Ибейке речке возле озера и возле глухого березняка и возле речки Ичкитовки да за Ибейкою поскотинное место. *Владеет исстари* (выделено мной. – С. К.)»³², а в д. Бабиной записан захребетник Тауков:

«Захребетный Ишкиня Тауков сказал: скота у него – две лошади, рогатого столько же. А пашни у него паханые у юрт под поскотинной – полдесятины в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен. *Владеет исстари*»³³.

И таких описаний встречается довольно много, что позволяет сделать вывод о том, что большая часть захребетных всё же происходила из автохтонного тюркоязычного населения данного региона. Мало того, при сплошном прочтении текста Дозорной книги Тарского уезда возникает мысль о наличии родственных связей между служилыми и захребетными татарами. Как известно, до XX в. как таковых фамилий у местного тюркоязычного населения не было, за исключением нескольких семей. В качестве фамилии в документах записывалось отчество. Если посмотреть фамильный состав (по отчеству) конкретного поселения, то в ряде случаев одинаковые фамилии встречаются в категории и служилых, и захребетных татар. Например, среди служилых в Кыргапских юртах числился Ачичко Усеинов, среди захребетных – Кучучко Усеинов; в Айткуловых юртах указаны служилый Себейко Аиткулов и захребетный Кармышачко Аиткулов, который к тому же «исстари» владел пашенными и непашенными землями; в д. Сеитовой – служилый Тохта Бугутаев и захребетный Етыш Бугутаев (также владевший землями) и т. п.

В то же время, возможно, часть захребетных, владевших земельными наделами, не являлась местным компонентом. При описании д. Байтугановой (в настоящее время – Себеляково) мы читаем:

«Захребетный Кутлумерген Чуваев сказал: у него сын Бабазан пятнадцати лет. Скота – четыре лошади, три коровы, четыре овцы. А пашни у него паханые – десятина в поле, а в двух по столько же. Сенных покосов на сто копен. Владеет пашней и санными покосами *по купчей ясачных татар* (выделено мной. – С. К.) Ирленячки Изентуганова с товарищами с 1680 года. А оброк не платит. И по указу Великого государя наложен на него, Кутлумергена с сыном, за владенье ясачной землей и санными покосами вновь Великого государя денежный оброк десять алтын»³⁴.

Данный факт говорит не только о возможном «чужеродном» происхождении Кутлумергена Чуваева, но и о наличии у него определенных возможностей и средств для покупки земли. Это опровергает мнение ряда исследователей о материальной несостоятельности и бедственном положении представителей данной категории в Тарском Прииртышье.

Надо отметить и еще один момент. Во всех деревнях, в которых проживали служилые, захребетные (в ряде случаев еще и ясачные татары), помимо отдельных наделов, имелись земли и в общинном пользовании:

«У них же, служилых, и у захребетных, и у ясачных татар, под пашню земли и пустоши на триста десятин. Да под скотский выпуск земли сто десятин. А санные покосы писаны под их именем. А межа санным покосам и скотскому выпуску от устья речки Янгачика да вверх по Оше реке до межи Тергаучи речки, а по третью сторону – большое болото алап, а по четвертую сторону – сосновое болото, а от соснового болота – узкое болотце, другое узкое долгое болотце с частыми малыми таловыми кустами к Оше реке, в конце – большой таловый черный куст к Оше реке. В тех же урочищах березовый остров, что пахал татарин Бинейко. Владеют исстари и по выписи 1698 года»³⁵.

Бухарцы

Еще одна категория, встречающаяся на страницах Дозорной книги, – бухарцы, о которых есть упоминания в различных земельных спорах. В 1701 г. была создана отдельная Тарская дозорная книга, которая полностью была посвящена описанию земель бухарцев. Сибирские бухарцы – один из значительных этнических компонентов татар Западной Сибири, оказавший влияние на культуру

местного тюркоязычного населения. «“Бухарцы” – это обобщающее название узбеков, таджиков, уйгуров и некоторых других народов, переселившихся из Средней Азии в районы Западной Сибири в XVI–XVIII вв. <...> Сибирские бухарцы называли себя бухарлык (бухарцы), сартами, а часть тарских и тюменских бухарцев – узбеками», – читаем у Ф. Т. Валеева³⁶.

Начало формирования данной группы относится к концу XVI – началу XVII вв. Небольшая часть жителей Прииртышья и сейчас относит себя к бухарцам, но в переписи 2002 г. назвали себя татарами, так как в список национальностей (национальных групп) бухарцев после переписи 1926 г. не включали. Однако при определении времени формирования сибирских бухарцев периодом начального освоения русскими Сибири могут возникнуть возражения, потому что в научной среде уже давно известно о более ранних переселениях в Сибирь жителей Средней Азии, связанных с торговой и миссионерской деятельностью. Но в данном случае говорится о бухарцах как об *этносословной группе*, формирование которой было обусловлено целенаправленной деятельностью правительства России. И здесь уместно воспроизвести цитату из работы Г. Ф. Миллера: «Приезд с Кучумом и Ахмет-Гиреем многих бухарцев (1570-е гг. – С. К.), как надо думать, положил начало поселению в Сибири этого народа. Но от этих первых пришельцев осталось очень мало потомков. Большинство бухарцев, живущих в городах Тобольске, Таре, Тюмени и Томске, рассказывают, что их предки перебрались в Сибирь много позднее, только в русское время. И только в одной сеитской семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанакowych и Тадзымовых юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род от времен Кучума»³⁷. В настоящее время известно уже о нескольких бухарских родах, ведущих свое начало в Сибири «от времен Кучума»³⁸, но всё же большинство выходцев из Средней Азии действительно стали селиться в Сибири уже после освоения ее русскими.

Толчком к формированию бухарцев как этносословной группы стал «наказ» 1595 г. царя Федора Ивановича князю Федору Елецкому и Василию Хлопову, назначенным в г. Тару воеводой и головой. Данный указ фактически закрепил существовавшие еще до прихода русских торговые отношения Средней Азии и Сибирских ханств. Однако численность бухарцев на протяжении первой половины XVII в. оставалась ничтожной. Так, в Тарском уезде в 1622 г. был 21 трудоспособный мужчина, т. е. всего 80* чел.³⁹

Увеличению численности бухарцев и дальнейшей их групповой консолидации способствовала грамота царя Михаила Федоровича 1645 г., согласно которой выехавших в Тобольск бухарцев «не приписывали в тягло», а кроме того, им разрешалось торговать «по всем русским городам». При этом к суду их могли привлечь только за уголовные и долговые дела. К 1672 г., согласно обнаруженным Б. О. Долгих данным, в Тарском уезде было уже 53 двора бухарцев⁴⁰.

В ранний период своего пребывания в Сибири бухарцы царским правительством рассматривались как иностранцы, добровольно принявшие российское подданство. Поэтому они пользовались определенными привилегиями (например, в области торговли, передвижения), предоставленными им царскими указами.

Создание Тарской дозорной книги 1701 г. связано с тем, что бухарцы «хотели вернуться к своему прежнему положению, оформленному указом 1645 г.,

* Для перевода количества ясачных и других групп населения Сибири в число всего (мужского и женского) населения Б. О. Долгих вывел коэффициент 4, за исключением южных скотоводческих групп (См.: Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – С. 13–14).

когда они не платили никаких оброков»⁴¹, и просили государя освободить их от дачи «выдельного хлеба» с пашен и денежного оброка с сенокосов. В свою очередь, «правительство отказало им и только заменило “выдельной хлеб” с пашен “денежным оброком”, для чего и предписано было Ивану Качанову описать бухарские земли в Тобольском, Тарском и Тюменском уездах»⁴².

Н. Н. Оглоблин пишет: «Любопытны мотивы обложения: правительство внушает бухарцам, что “во всех странах христианских и бусурманских государств никаково чину не токмо пришлой иноземец, но и того государства природной человек безоборочно и безданно никакими землями и угодыями не владеют...” (л. 3), взимаемые же с бухарцев (как и с других подданных) оброки идут на жалованье ратным людям, которые-де “и их бусурман от разорения оберегают...” (л. 3 об.). Бухарцы же “ничего больши 50 лет не платили” (л. 4 об.) в государеву казну. Указ же 153 г. (1645 г.) объясняется тем, что тогда “в Тобольску бухарцев было немного, а на Таре и на Тюмени никого не было” (л. 4). Теперь же количество бухарцев так увеличилось, что правительство считает необходимым запретить впредь бухарцам покупать земли и угоды “у русских людей и у служилых и яшашных татар” (л. 5)»⁴³.

Проблемы, связанные с бухарскими землями, интересовали правительство и раньше. Как отмечает Н. Н. Оглоблин, «вообще, бухарцы были людьми со средствами и охотно занимались скупкою земель у служилых и других русских людей. Такая деятельность их нередко нарушала установленный порядок русского землевладения и доходила до злоупотреблений, так что в 197 г. (1689 г.) был произведен по Тарскому уезду специальный осмотр всех земель и угодий, проданных или заложенных служилыми людьми местным бухарцам. Перепись как этих, “спорных земель”, так и всех вообще бухарских земель уезда производил и составил Дозорную книгу “ротмистр Литовского списка Яков Чередов с товарищи” (Кн. 925. Л. 59)»⁴⁴. Н. Г. Аполлова отмечает, что, «купив землю у служилых людей, бухарцы считали, что таким образом они перешли в разряд служилых, которые вправе требовать хлебное жалованье и освобождение от оброка»⁴⁵.

Анализ Тарской дозорной книги 1701 г. позволяет выявить различные характеристики бухарцев (территориальные, демографические, экономические и т. п.), а также истоки формирования и дальнейшего развития их земельных наделов. Данный источник предоставляет нам ряд статистических сведений. В нем имеются описания 82 дворов, в которых переписаны 161 бухарец (включая детей и братьев) и 26 дворовых людей из «калмык». В описаниях присутствует определенный набор сведений, которые можно формализовать следующим образом: 1) глава семьи (в значении двор); 2) где родился; 3) где родился отец; 4) дети, братья и дворовые люди; 5) количество скота; 6) наличие торгов и промыслов; 7) количество земли (пашенные, свободные земли и сенные покосы); 8) место расположения земли с границами и привязкой к географическим объектам; 9) право владения землей; 10) денежный оброк. Описания привязаны к населенным пунктам, что дает представление о месте приписки, но, как выясняется при сплошном прочтении текста, необязательно о месте фактического проживания.

Первым пунктом, который указан в книге, является г. Тара. К Таре приписано 11 дворов. Главы трех дворов земли не имеют и «кормятся работой». У остальных глав семей есть земельные владения, в том числе значительные, которые расположены не только на левобережье Иртыша (г. Тара – на левобережье), но и на правобережье, на довольно значительном расстоянии от города, вниз и вверх по Иртышу. Для обработки земель и в период сенокоса в ряде мест возникали заимки, часть из них в дальнейшем становилась стационарными поселениями. Так, возможно предположить, что на землях, принадлежавших жителю Тары

Абдрахману Тохтину, возникла в дальнейшем д. Казатово. Абдрахман Тохтин владел значительным количеством земли, но не один, а вместе с родными братьями и двоюродным братом, которые приписаны (и проживали?) в Киргапских юртах. Также указано, что его дети Шагазан и Шаяхмет живут в особых юртах без указания таковых. Можно предположить, что это Казатово, так как принадлежавшие им на оз. Казатово и по р. Ибейке земли расположены на значительном расстоянии от г. Тары и для их обработки необходимо постоянное присутствие на месте. Также Тохтиным была приобретена земля в Евгащинской луке, на правобережье Иртыша выше устья р. Тары.

Следующим населенным пунктом указаны юрты Киргапские, расположенные на правом берегу Иртыша недалеко от устья р. Тары. Из пяти переписанных дворов главы трех – вышеуказанные братья Абдрахмана Тохтина, основные земли которых расположены на левобережье Иртыша. Интересно происхождение еще одного главы – Идейко Яргулова, отец которого «родом был калмык», что позволяет говорить о пестром этническом составе бухарцев. Он и еще один бухарец земли не имеют. Один бухарец – Казы Кулаев был приписан к Аиткуловым юртам и имел только сенные покосы с «татарами в межах».

В Атацких юртах переписано 14 дворов бухарцев, из которых главы семи дворов имели земельные наделы, расположенные, судя по описанию, в основном на левобережье – по р. Нюхаловке, на озерах Казатово и Кошкуль. В то же время сам населенный пункт располагался на правом берегу Иртыша. В книге описывается еще один населенный пункт с похожим названием – «деревня Иткучукова, Атацкая и Усеинова та ж, над рекою Иртышом», к которой приписаны также 14 дворов бухарцев. Название «Иткучукова» связано с основным владельцем земель – служилым татаринном Иткучуком Чолбаровым, сыном Зайсановым (этимология записанного фамильного определения связана с происхождением отца его⁴⁶), описания земель которого, расположенных по обоим берегам Иртыша, имеются в опубликованном отрывке Дозорной книги Тарского уезда⁴⁷. У глав восьми семей были земельные наделы, расположенные «против деревни за рекой», «на городской стороне», т. е. опять на левобережье Иртыша.

Из всех переписанных деревень количеством бухарских дворов отличается «деревня Шиховых юрт» – 23 двора, главы 17 из них имели земельные наделы. Сейчас это д. Речапово (правый берег Иртыша), являющаяся составной частью пос. Междуречье. Из материалов Тарской дозорной книги становится понятным и современное название деревни, закрепившееся в официальной документации с XVIII в. Понятно и еще одно название этого населенного пункта, приведенное в описаниях Миллера, – Речап- или Бахмурат-аул⁴⁸. Основные земельные владения были закреплены за Бахмуратом Речаповым, у которого было 144 десятины с четвертью земли и сенных покосов на 1700 копен. Даже употребив название «Шиховых юрт», переписчик в конце описания деревни написал: «Поскотина деревни Речаповы ниже их деревни...». В отличие от описаний земель бухарцев предыдущих населенных пунктов, за бухарцами Шиховых юрт закреплены земли на правом берегу, за исключением некоторых наделов сенных покосов, расположенных на другом берегу Иртыша напротив деревни. Основные земельные наделы находились вдоль рек Уразай и Обросимовки (правобережье Иртыша). Часть сенных покосов – вверх по р. Ибейке (левобережье Иртыша).

Описанные деревни расположены вверх по Иртышу от г. Тары. Две деревни, которые существуют и в настоящее время, расположены от г. Тары ниже по течению Иртыша на правобережье – это Сеитово и Себеляково. В д. «Сеитова, Апталова та ж» в 1701 г. было переписано 13 дворов бухарцев, главы семи из них владели зем-

лей. За исключением одной семьи – Маменяка Кучукова, у которого земельные владения находились на Оше (левобережье Иртыша), все остальные земельные владения – на правом берегу возле рек Угаты, Уя. Выделяются земельные наделы Атыходжи Аксеитова, которые в результате данного дозора были зафиксированы, и на эти земли выданы документы об их принадлежности этому лицу, что способствовало наследственной передаче земель представителям этого рода (в дальнейшем – род Имьяминовых), а его потомки обосновывали свои права на землю в XIX в. выписями из дозорной книги. И в последней деревне «Байтугановых юрт» (она же Себеляково 49) переписана всего одна семья. Количество бухарцев в Себеляково увеличилось уже на протяжении XVIII–XIX вв.

Таким образом, из 82 семей 26 (имеются в виду дворы) не имели ни пашни, ни сенных покосов, еще девять семей, не имея пашен, владело незначительными покосами. Ряд семей имел небольшое количество пашни и сенных покосов. И только около трети семей – 32 (а часть из них можно объединить в семейные кланы) владело довольно большими земельными владениями, включавшими пашни, покосы, пустоши. Из этого количества можно выделить только четыре семьи с действительно огромными землями. Их главы – Бехмет Кулаев и Мирали-Сеит Сеит Магомет Ходжа из Тары, Бахмурат Речапов из д. «Шиховых юрт» и Аты Ходжа Аксеитов из Сеитово. В данном случае нами взят такой показатель, как количество принадлежавших главе семьи пустоши и лесов (свыше 20 десятин, у других семей в среднем – от трех до 15 десяти), так как количество десятин засеянной и использовавшейся под пашню земли примерно одинаково. Понимаем, что это довольно условный показатель, но в сравнении с другими данными он более точно отражает земельные владения. Генеалогические исследования показали, что Мир-Али Сеит Ходжа и Аты Ходжа – это выходцы из знатного рода, являвшиеся двоюродными братьями⁵⁰.

Ранее уже отмечалось совместное проживание ясачных, служилых и захребетных татар и бухарцев в населенных пунктах, расположенных вокруг Тары⁵¹. Сравнение двух источников – Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. и Тарской дозорной книги 1701 г. подтверждает это предположение. В то же время сравнительный анализ позволяет вычлениить «бухарские» поселения (см.: табл. 2, с. 89–90).

«Казанцы» и калмыки

На страницах Дозорной книги Тарского уезда, помимо ясачных (местных) татар и бухарцев, встречаются представители пришлого тюркоязычного населения, а именно казанцы (см. табл. 2, с. 89–90).

Так, в д. «Иткучукова Атацкая Усеинова та ж» жил захребетный Ишметко Утаймешев родом из Казани.

«В Сибирь пришел в 1697 году и живет в Атацких юртах у вдовы бухарской Мурзабайковой. А пашни и сенных покосов у него нет, кормится работою, а оброк не платит. И по указу Великого государя наложено на него, Ишметко, вновь Великого государя денежного оброку тринадцать алтын две деньги»⁵².

Еще один казанец был зафиксирован в д. Чиплярово, которая на тот момент была заселена исключительно ясачными татарами:

«Казанец Бехметко Кучуметев сказал: *родом он, Бехметко, Казанского уезда* (выделено мной. – С. К.), был ясачный, жил за Великим государем, в Сибирь пришел в 1697 году и живет в деревне Чипляровых юрт своим двором. У него сын Кучучко восьми лет. А пашни и сенных покосов нет. Кормится работою. А оброк не платит. И по указу Великого государя наложено

на него, Бехметка с сыном, вновь Великого Государя денежного оброка шестнадцать алтын четыре деньги»⁵³.

Наконец, в г. Таре зафиксировано еще два переселенца из-за Урала:

«Казанцы живут в городе, Бехметко Баймурзин сказал: родом он, Бехметко, *свияженин* (выделено мной. – С. К.), жил за Великим государем, платил денежный оброк. В Сибирь пришел в 1692 году и живет у бухарца Баянки Тохтина. А пашни и сенных покосов нет. Кормится работой, а оброк не платит. И по Указу Великого государя наложено на него, Бехметку, вновь Великого государя денежного оброку шестнадцать алтын четыре деньги.

Богдашка Янахтаев сказал: родом он, Богдашка, *казанец* (выделено мной. – С. К.), жил за Великим государем, платил ясак. В Сибирь пришел в 1662 году и живет у бухарца ЛетипкиТозметева. А пашни и сенных покосов нет. Кормится работой, а оброк не платит. И по указу Великого государя наложено на него, Богдашку, вновь Великого государя денежного оброку шестнадцать алтын четыре деньги»⁵⁴.

Если рассматривать в целом территорию Тарского уезда, а не районов вокруг г. Тары, то в Дозорной книге зафиксировано десять казанцев, из которых четыре осели на территории Тарского Прииртышья, а восемь – в более северных местах (на территории расселения курдакско-саргатских татар). Эти данные свидетельствуют о том, что в Тарском уезде в начале XVIII в. проживало небольшое число татар из районов Центральной России, что противоречит данным некоторых исследователей о значительном «казанском» компоненте в составе сибирских татар в XVII–XVIII вв.⁵⁵

Хотя калмыков нельзя отнести к тюркоязычному населению*, но отдельные представители их влились в состав сибирских татар. В течение XVII в. происходили постоянные конфликты с калмыками, которые продвинулись к этому времени в южные районы Западной Сибири. Калмыки стали теснить аялынецов, грабили и брали в плен татар⁵⁶. В свою очередь аялыньские татары наносили иногда ответные удары – нападали на калмыков, «брали пленных и обращали их в рабов»⁵⁷. Этот момент можно проследить и по материалам дозорных книг. Всего на территории Тарского Прииртышья при описании татарских деревень есть четыре упоминания о калмыках в Дозорной книге Тарского уезда, все они являются дворовыми людьми**, причем именно служилых татар, что подтверждает факт взятия их в плен в результате военных столкновений:

«Деревня Аиткуловых юрт над рекою Иртышом.

Служилые

Себейко Аиткулов сказал: у него сын Сараваличко в службе, дворовые люди – калмыки Чуначко тридцати лет, Баянко шестнадцати лет... (л. 354).

Тлевко Бугаев сказал: у него дети – Сюундук двадцати пяти лет, Урайско пятнадцати лет, Итышгачко десяти лет, дворовый человек Талкычко калмык тридцати лет... (л. 354 об.)

Деревня Атацких юрт над рекою Иртышом.

Служилые

Тохтагулко Бугаев сказал: у него дети – Бехмет восьми лет, Кутачичко шести лет да дворовый человек калмык Бугайко... (л. 358).

Служильный Глеумет Енеев сказал: у него дети – Абрасимко двадцати пяти лет, Аптык – в службе, Раимгул пятнадцати лет, Абышка девяти лет,

* Калмыки – монголоязычный народ.

** Довольно много калмыков, тоже в качестве дворовых людей, встречается при описании русских поселений.

у Абрасимки сын Мамурза двух лет, (л. 385 об.) дворовый человек Рускулко калмык».

Наибольшее количество калмыков было отмечено при описании дворов бухарцев (Тарская дозорная книга), где зафиксировано 26 дворовых людей из «калмык», например:

«(л. 18 об.) Юрты Киргапские над рекой Иртышом

Бухаретин Баян Тохтин сказал: родился-де он, Баян, на Таре, а отец его родом был приезжий бухаретин и в прошлых годах умре. У него, Баяна, дети: Абды-Баки восемнадцати лет, Абраим пятнадцати лет; дворовые люди, калмыки, Кочембердейко двадцати пяти лет, Баигыт двадцати лет»⁵⁸.

В этих же юртах Киргапских записан бухарец Идейко Яргулов, который сказал, что «родился-де он, Идейко, на Таре, а отец его родом был калмык и умре»⁵⁹.

Таблица 2

Сведения о поселениях тарских татар в начале XVIII в.*

Название населенного пункта	Географическое положение	Этнословные группы (количество семей)
Деревня Кыргапских юрт	Над рекою Иртышем	Служилые (13), захребетные (17), бухарцы (5)
Деревня Аиткуловых юрт	Над рекою Иртышем	Служилые (12), захребетные (18), ясачные (1), бухарцы (1)
Деревня Атацких юрт	Над рекою Иртышем	Служилые (3), захребетные (3), бухарцы (14)
Деревня Иткучукова Атацкая Усеинова та ж	Над рекою Иртышем	Служилые (6), захребетные (1), казанец (1), бухарцы (14)
Деревня Шиховых юрт	Над рекою Иртышем на Красном Яру	Служилые (1), бухарцы (23)
Деревня Усть-Тарская Тартамак та ж	На устье Тары реки	Князец (1), ясачные (22)
Деревня Чипляровых юрт**	–	Ясачные (25), казанец (1)
Деревня Инцыский юрт Абайтамак Сеиткулова та ж**	–	Ясачные (13)
Деревня Биргамацкий юрт**	–	Ясачные (19)
Деревня Кожбахта Сарыбаева Чертанлинская та ж**	–	Ясачные (22)
Деревня Темшенякова Мантабарова Кукунова та ж**	–	Ясачные (6)
Деревня Сабанчеева Алменева та ж**	–	Ясачные (15)
Деревня Рухляева**	Над рекою Иртышем	Ясачные (15)
Деревня Туралинских юрт	Над рекою Ошею	Служилые (7), захребетные (10), ясачные (1)
Деревня Бугенских юрт**	Над рекою Ошею	Ясачные (4)
Деревня Енгачаковых юрт**	Над рекою Ошею	Ясачные (4)
Деревня Темшенякова**	Над рекою Иртышем	Ясачные (3)
Деревня Буянова**	Над рекою Иртышем	Ясачные (9)
Деревня Большая**	Над рекою Иртышем	Ясачные (6)
Деревня Верхняя**	Над рекою Иртышем	Князец (1), ясачные (7)
Деревня Бабина	Над рекою Иртышем	Служилые (5), захребетные (4)

Название населенного пункта	Географическое положение	Этносоловные группы (количество семей)
Деревня Сеитова Булунбаева Апталова та ж	Над рекою Иртышем	Служилые (6), захребетные (2), бухарцы (13)
Деревня Байтуганова	Над рекою Иртышем	Служилые (6), захребетные (5), ясачные (7), бухарцы (1)
Деревня Утамацкий юрт**	Над рекою Иртышем	Ясачные (2)
Деревня Красноярская**	–	Ясачные (4)

* Составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 348 об. – 391; Кн. 1199.

** Аялынской волости.

Таким образом, в количественном отношении население исследуемого региона (правобережья Иртыша от устья Тары до устья Шиша) распределяется по следующим группам: ясачные, служилые, захребетные, бухарцы, казанцы, калмыки (табл. 3).

Таблица 3

Численность тюркоязычного населения Тарского Прииртышья (правый берег) в начале XVIII в.*

Этносоловная группа	Кол-во глав семей	Численность группы, чел. **	Удельный вес группы, %	Примечания
Ясачные	176	704	49,2	Еще девять глав семей приписаны к трем населенным пунктам, расположенным на левобережье Иртыша на р. Оше
Служилые	52	208	14,5	Еще семь глав семей приписаны к Туралинским юртам, которые расположены на р. Оше
Захребетные	50	200	14,0	Еще 10 глав семей приписаны к Туралинским юртам, расположенным на р. Оше
Бухарцы	71	284	19,8	–
Казанцы	–	3	0,2	–
Калмыки	–	33	2,3	–
<i>Итого</i>	349	1432	100	–

* Составлено по: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 348 об. – 391; Кн. 1199. 69 л.).

** Для перевода числа ясачных и других групп населения Сибири в число всего населения Б. О. Долгих вывел коэффициент 4, за исключением южных скотоводческих групп. Данный коэффициент не всегда отражает реальную численность, для ряда групп Западной Сибири Н. А. Томиловым были рассмотрены разные коэффициенты, но нами использован коэффициент Долгих хотя бы для примерного рассмотрения численности и соотношения разных групп тюркоязычного населения изучаемого региона.

Таким образом, при подробном анализе материалов Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. и Тарской дозорной книги 1701 г., можно сделать следующие *выводы*:

а) социальная структура тюркоязычного населения Тарского Прииртышья во второй половине XVII – начале XVIII вв. была подчинена фискальной политике Русского государства;

б) социальные категории еще окончательно не оформились, о чем свидетельствуют следующие факты:

- существование общего землепользования у ясачных и служилых татар,
- неоднозначность имущественного и социального положения захребетных татар и бухарцев,
- выявление жителей Тарского уезда, не плативших податей до проведения этого дозора и т. д.;

в) в определении этносоциальных категорий тюркоязычного населения в ракурсе этнической принадлежности можно рассматривать следующие группы:

- бухарцы,
- автохтонное тюркоязычное население (ясачные татары – *аялы*),
- пришедшие тюркоязычные компоненты (казанцы),
- проживавшие на этой территории калмыки, которые в дальнейшем вошли в состав татар данной группы.

Такая ситуация сохраняется на протяжении первой половины XVIII столетия. И это хорошо демонстрирует следующий источник, дающий нам сведения о населении изучаемого региона, – это путевые описания Г. Ф. Миллера о путешествии по Иртышу в 1734 г. (см. табл. 4 на с. 92). Здесь, конечно, имеются сведения далеко не обо всех поселениях тарских татар, а только о тех населенных пунктах, которые расположены вдоль Иртыша (общим числом 20), включая зимники и летники. Поселения, расположенные по берегам рек Оши и Тары, не упомянуты в описании. Данные описания важны для нас с точки зрения перечисления этносоциальных категорий местного населения.

Месторасположение поселений тарских татар, описанных Г. Ф. Миллером в путевых заметках*, попытался определить С. С. Тихонов, который на современных крупномасштабных картах локализовал эти поселения⁶⁰. По сравнению с дозорными книгами, есть часть несовпадений в названиях ряда поселений или поселения указаны раздельно, а в дозорных книгах это одно поселение. Но в основном здесь достаточно четко представлены сведения о категориях населения, в целом совпадающие с основными этносоциальными группами тюркоязычного населения данного региона в начале XVIII в., – это ясачные, бухарцы, служилые и захребетные татары (Таксай аул). Здесь же впервые появляется такая социальная группа, как порушные (Таксай аул). Перечисленные в таблице населенные пункты после Тар-тамак аула были расположены выше устья Тары по Иртышу, однако часть из них – летние деревни татар, проживавших на р. Таре.

* В § 2 главы 4, посвященном археологическим источникам изучения Тарского Прииртышья, названы пять тарских юрт (Urukbar-aul, Retschap-aul, Itkul-aul, Kirgap-aul (летний) и Kirgap-aul (зимний)), расположение которых подробно было описано академиком Герардом Фридрихом Миллером в путевых заметках, и дана их привязка к современным населенным пунктам и другим топонимам изучаемого региона (см. с. 139–140 настоящего издания). – *Примеч. ред.*

Сведения о поселениях тарских татар в путевых описаниях Г. Ф. Миллера*

Название населенных пунктов	Географическое положение; когда заселяется (время года)	Примечания (социальные группы населения, дополнительные сведения)
Сибеляк аул	Восточный берег Иртыша	Служилые, ясачные, бухарцы
Ходжа аул (Сеидовьюрты)	Восточный берег Иртыша	Служилые, ясачные, бухарцы
Изинбай аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Аптал аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные, служилые, бухарцы
Ишлирим аул (Буяновы юрты)	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Тимшенек аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Уруклар или Руклар аул (Верхние юрты)	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Речап или Бахмурат аул	Восточный берег Иртыша	Бухарцы
Аптиш аул	Восточный берег Иртыша	Бухарцы, захребетные татары – называют себя туралинцами
Атак аул	Восточный берег Иртыша	Бухарцы, захребетные татары
Иткул или Кизилкаш аул (Иткулевые или Красноярские юрты)	Восточный берег Иртыша	Бухарцы, служилые и захребетные татары
Киргап аул (2 деревни)	Восточный берег Иртыша; 1 – летняя (верхняя деревня); 2 – зимняя (нижняя деревня)	Бухарцы, служилые и захребетные татары
Тар-тамак аул (или деревня Усть-Тарская)	Восточный берег Иртыша, рядом с устьем р. Тары	Частично русские, частично ясачные татары
Улу-Китшей аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Булунбай или Отрау аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Чупляр аул	Восточный берег Иртыша, бывшая летняя деревня, сейчас никто не живет, а живут в зимней деревне Чупляр аул на р. Тары	Ясачные
Барют аул	Восточный берег Иртыша, напротив устья Нюхаловки, летняя деревня; зимой живут в д. Чипляр аул на р. Таре	Ясачные
Кулук аул	Восточный берег Иртыша	Ясачные
Изюк аул (на озере)	Летняя деревня, зимой живут в д. Инцис на р. Таре	Ясачные
Таксай аул	Восточный берег Иртыша	Порушные

* Составлено по: Миллер Г. Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 75–99.

На протяжении XVIII столетия значительно изменяется этносоциальный состав тюркоязычного населения исследуемого региона. В целом можно говорить об увеличении количества ясачного населения, исчезновении категорий служилых и захребетных татар, а также об изменении в расселении и численности бухарцев. Источником для изучения ситуации для последней четверти XVIII в. служат первичные материалы Четвертой (1782 г.) и Пятой (1795 г.) ревизий населения, в которых впервые начали переписывать аборигенное население Сибири, включая и группы населения, вливавшиеся в его состав.

В начале XVIII столетия на данной территории существовала одна волость – Аялынская, к которой были приписаны ясачные татары. Административно-управленческие преобразования второй половины XVIII в. показывают нам, что созданная в это время волостная структура фактически отразила изменения, произошедшие в отношении тюркоязычного населения изучаемого региона. Начнем с того, что в Тарском округе исчезли категории служилых и захребетных татар. Как пишет З. А. Тычинских, «тарские татары к концу XVIII в. практически все вышли из казачьего сословия и перестали нести службу»⁶¹, жили же они подобно ясачным татарам. Автор видит причину этого, ссылаясь на тобольского татарского казачьего голову, в том, что тарские татары не имели своего начальника. Возможно, это – одна из причин. В материалах 4-й ревизии 1782 г. волостная структура выглядит следующим образом – Аялынская, Подгородная и Бухарская волости. Несколько ясачных татар оказались приписаны к Остяцкой волости, что отражает процесс тюркизации угорского населения. Если к Аялынской волости были приписаны ясачные татары, к Бухарской – бухарцы, которые окончательно сложились к этому времени в этносословную группу, то к Подгородной волости были приписаны ясачные – объясаченные потомки служилых и захребетных татар. Первоначально при переводе их в ясаки было сделано некоторое послабление в уплате налогов, именно поэтому их и приписали к отдельной волости.

Создание отдельной Бухарской волости привело к тому, что и к Подгородной, и к Бухарской волостям было приписано население одних и тех же населенных пунктов, так как, судя по сведениям, приведенным в таблице 2 (см. с. 89–90), в начале XVIII в. довольно четко выявляются поселения ясачных татар и круг поселений, в которых совместно проживали служилые татары и бухарцы (например, деревни «Кыргапских юрт», «Аиткуловых юрт», «Атацких юрт»). В конце XVIII столетия в них проживали уже ясачные татары и бухарцы.

В течение XVIII в. в Тарском Прииртышье постоянно увеличивалось количество бухарцев. Так, по сведениям Г. Н. Потанина, в первое десятилетие XVIII в. на территорию Тарского Прииртышья переселились более сорока бухарцев⁶². Большое количество бухарцев появилось в Сибири после разгрома Джунгарии. Так, в материалах 4-й ревизии в д. Себеляково переписано 34 мужчин и 44 женщин – бухарцев, вывезенных из «Зенгорской земли», появившихся здесь в промежутке между 3-й (1763 г.) и 4-й (1782 г.) ревизиями⁶³. Первоначально прибывшие в XVIII в. бухарцы стали селиться в уже заселенных «старинными» бухарцами поселениях на правобережье Иртыша, в то же время приобретаемая земля на левобережье. И в последней четверти XVIII в. именно бухарцами из деревень Речапово, Себеляково, Аптишево и других был основан куст поселений, который расположен на территории современного Большереченского района Омской области, на левобережной его части.

Этносоциальный состав тюркоязычного населения изучаемой территории в XVIII в. представлен в таблице 5 (см. с. 94).

Этносоциальный состав тюркоязычного населения Тарского Прииртышья
(правобережная часть) в конце XVIII в.*

Деревня	Ясачные татары		Бухарцы	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Себеляково	117	29,2	284	70,8
Сеитова	168	45,8	199	54,2
Апталовы юрты	53	100	–	–
Иткулова	229	83,3	46	16,7
Кыргап	162	72,6	61	27,4
Речаповская	35	11,3	276	88,7
Атацкая	42	32,1	89	67,9
Аптишева	56	19,7	228	80,3
Устьгарская	133	88,7	17	11,3
Чиплярова	104	100	–	–
Черталинская	67	100	–	–
Кузенево	72	100	–	–
Ельменево	103	100	–	–
Чертанлинская	67	100	–	–
Бергамацкая	70	100	–	–
Таксанская	26	100	–	–
Ацвина	52	100	–	–
Буянова	23	100	–	–
Боксянская	23	100	–	–
Байтуганова	8	100	–	–
<i>Всего</i>	1610	57,3	1200	42,7

* Составлено по: Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1980. – С. 150–151.

Таким образом, к концу XVIII в. в два раза увеличилось численность тюркоязычного населения изучаемого региона: значительно увеличилось количество бухарцев на левобережье Тарского Прииртышья, а из числа ясачных татар около половины оказалось приписано к Подгородной волости, (это потомки служилых и захребетных татар, а также, скорее всего, тех ясачных, которые в незначительном количестве зафиксированы в данных населенных пунктах в начале XVIII в.). Именно в материалах 4-й и 5-й ревизий появляются такие понятия, как «старинная ясачная дочь», «старинная бухарская дочь», когда описывается, чья жена (в материалах только этих ревизий имеются сведения о том, куда выдана дочь замуж и откуда взята жена, а также их сословная принадлежность). Эти понятия связаны с тем, что состав как ясачных татар, так и бухарцев значительно изменился. «Старинная ясачная дочь» происходила из семьи изначально ясачных татар, а не потомков служилых и захребетных, а «старинная бухарская дочь» происходила из семей потомков самых первых бухарцев, переселившихся сюда еще в XVII–XVIII вв. В материалах данных ревизий имеются также сведения о новокрещеных татарах и дворовых людях киргиз-кайсацкой породы и из каракалпаков. Однако количество их слишком незначительно, чтобы повлиять на этническую ситуацию в регионе. Частично потомки новокрещеных татар в дальнейшем вошли в состав русских крестьян, а частично остались в мусульманской вере⁶⁴.

Внутри различных категорий населения существовала социальная стратификация. Так, ясачных нельзя рассматривать как нечто однородное, поскольку среди них выделялись князцы, о которых имеются указания в материалах ревизи-

зий, а также «лучшие люди», являвшиеся по сути элитой общества. Среди бухарцев, например, выделялись торговые роды, землевладельцы, мусульманское духовенство. Землевладельцы были и среди ясачного населения. В документах середины XIX в. и в дальнейшем в материалах межевых комиссий 1880-х гг. присутствуют указания на существование родовых наследственных владений как бухарцев, так и местных татар, предки которых закрепили за собой в конце XVII – первой половине XVIII вв. значительное количество земель (например, земельные владения бухарских родов Имяминовых, Айтикиных, Шиховых), инородцев Князевых и др.

Социальная структура тюркоязычного населения Западной Сибири претерпела изменения в связи с принятием «Устава об управлении инородцев» (1822 г.). Ясачные татары были отнесены к категории оседлых инородцев и приравнены в обязанностях к государственным крестьянам. Данный процесс не был одномоментным актом. В ответ на причисление татар к категории оседлых инородцев и уравнение их в податях с государственными крестьянами, основным занятием которых было земледелие, в центр пошли «жалобы староясачных татар, от кучумовичей происшедших, на то, что их отнесли к оседлым инородцам и отменили ясак»⁶⁵. В конце 1827 г. была организована ясачная комиссия для определения правомерности таких действий. В результате работы комиссии большая часть татар была отнесена к оседлым инородцам, несмотря на то что земледелие не являлось их основным занятием. Переходное состояние от ясачных к инородцам хорошо прослеживается по материалам 8-й ревизии населения (1834 г.), в которых указываются то инородцы, то инородцы из ясачных татар, то ясачные инородцы и т. п. Параллельно предполагалось укрупнить волости: по Уставу 1822 г. в Сибири предусматривалось причисление «оседлых инородцев», «прежде рассеянных между россиянами», к русским деревням. «Инородческие» селения, если число душ в них не оказывалось достаточным для составления «особенной волости», полагалось включать в состав русских волостей⁶⁶. Но местные татар забросали власти жалобами, и данная попытка не увенчалась успехом. Результатом преобразований 1820-х гг. стал тот факт, что вплоть до начала XX в. местные татары в документах обозначались как инородцы. Мало того, дальнейшая унификация населения привела к тому, что были упразднены волости, созданные в связи с особым статусом или особым податным обложением населения (например, в 1860-х гг. были упразднены Подгородная и Порушная волости в Тарском округе Тобольской губернии, а их население приписано к Аялынской инородческой волости).

С бухарцами ситуация складывалась иначе. Бухарцами Тобольского, Тюменского и Тарского округов было подано прошение в Сибирский комитет об оставлении им всех их привилегий, в котором перечислялись указы всех предыдущих правителей, начиная с грамоты царя Михаила Федоровича от 1645 г. «По рассмотрении всех сих сведений Сибирский комитет рассуждал, что по роду промышленности бухарцы могут быть разделены на два разряда: одни занимают земледелием, другие же торговлею. Состояние первых ясно определено вышеприведенным докладом Правительствующего сената, т. е. сравнением их в податях с государственными крестьянами, а потому и надлежит распространить на них во всей силе правила относительно оседлых земледельцев, в Уставе о сибирских инородцах изложенные»⁶⁷. Бухарцы, занимавшиеся торговлей, были отнесены к купечеству. Они по-прежнему имели собственное управление, что выделяло их и способствовало сохранению определенных групповых границ (Бухарская волость в Тарском округе просуществовала вплоть до 1926 г.).

В середине XIX в. на территорию Тарского Прииртышья начинают прибывать татары из Европейской России, сначала это единичные переселения (табл. 6). Начавшиеся же в 1880-х гг. массовые переселения поволжско-приуральских татар совершенно изменили этносоциальную структуру тюркоязычного населения исследуемой территории к концу XIX в. Если местные татары были приписаны к инородцам, то пришлых татар записывали государственными крестьянами.

Таблица 6

Этносоциальный состав тюркоязычного населения
Тарского Прииртышья (правобережная часть) по материалам
10-й ревизии населения 1858 г.*

Деревня	Количество		
	Инородцы	Бухарцы	Государственные крестьяне
Себеляково	172	444	–
Сеитова	314	377	–
Апталова	61	–	–
Иткулова	395	52	–
Кыргап	115	136	–
Речапова	127	282	–
Ататская	85	109	–
Аптишева	–	30	–
Усть-Тарская	232	175	20
Чеплярова	85	–	11
Черталинская	45	–	18
Кузенево	102	–	2
Альменево	107	–	–
Бергамакская	104	–	–
Таксайская	35	107	–
Инциская	102	–	–
Темшенякова	28	–	–
Уйская	8	–	–
<i>Всего</i>	2117 (54,6 %)	1712 (44,1 %)	51 (1,3 %)

* Составлено по: ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 877, 885, 886, 891.

Увеличение численности тюркоязычного населения на данной территории связано в большей степени с естественным приростом, хотя те же бухарцы в незначительном количестве продолжали прибывать в Сибирь на протяжении первой половины XIX в. Несмотря на то что в конце XVIII – начале XIX вв. произошел отток бухарского населения на левобережную часть Тарского Прииртышья во «вновь заведенные деревни» Черталинскую, Аубатканскую, Тусказанскую, количество бухарцев на правобережье всё еще остается значительным (свыше 40 %, как и в конце XVIII в.), особенно в деревнях Себеляковой, Сеитовой, Речаповой, Ататской, Кыргапской, т. е. в тех, где бухарцы были переписаны еще в Тарской дозорной книге 1701 г. (см. табл. 2 на с. 89–90).

Еще в материалах 5-й ревизии 1795 г. появляются сведения о «вновь заведенных» поселениях. Судя по тому, что в архивных материалах имеются многочисленные сведения о «вновь заведенных» поселениях русских и татар, конец XVIII в. – период активного передвижения населения в Среднем Прииртышье. Именно в материалах 5-й ревизии появляются первые сведения о «вновь заведен-

ных» поселениях – Черналинской и Тосказанской (Тусказань), основанных жителями д. Аптишевой, расположенной на Иртыше в 16 верстах от г. Тары, о существовании которой мы узнаем из путевых описаний Г. Ф. Миллера. Причины переселения также указаны в материалах этой ревизии: «по часто бываемому в оной деревне Аптишевой каждый год большого наводнения, неимению хлебопахотных земель и сенных покосов»⁶⁸. Население Аптишевой было приписано к Бухарской волости. Таким образом, Черналы и Тусказань основали бухарцы. Деревня Аптишево просуществовала до 1860-х гг., а численность дворов на протяжении первой половины XIX в. в ней составляла от восьми до 12 (см. табл. 5, с. 94 и табл. 6, с. 96 – численность бухарцев).

Значительное увеличение бухарцев можно отметить в д. Усть-Тарской. Возможно, это связано с тем, что Усть-Тарская в это время являлась центром волостного правления Аялынской волости (заметно в целом увеличение численности населения этой деревни), а возможно, и с тем, что еще в XVII в. бухарцы купили в этих местах земли. Процент пришедших татар еще незначителен, но наличие на данной территории пришлого компонента уже в середине XIX в. (в более северных районах пришлое появилось только в конце XIX столетия) привело к тому, что сюда в дальнейшем стало переселяться большое количество поволжско-приуральских татар.

Уже в этот период наблюдается некоторое сокращение количества поселений. Так, в материалах 10-й ревизии нет деревень Байтугановой, Буяновой, Боксянской. На примере Байтугановой можно предположить, что эти деревни были небольшим ответвлением других населенных пунктов, а их выделение в свое время было связано с разной этносоциальной принадлежностью. Байтуганова выделялась из Себеляковой тем, что там проживали местные татары, а в Себеляковой – бухарцы и потомки служилых и захребетных татар. В ряде делопроизводственных документах XVIII–XIX вв. указывается, что это одна деревня.

Вторая половина XIX в. характеризуется, прежде всего, началом массовых переселений, с одной стороны, русского населения, с другой – поволжско-приуральских татар, которые не только качественно, но и количественно оказали влияние на расселение татар Тарского Прииртышья. Первые поволжско-приуральские татары, записанные государственными крестьянами, фиксируются в поселениях аялынских татар еще в материалах 10-й ревизии. На протяжении второй половины XIX в. их количество значительно увеличивается. Расселялись они в основном в поселениях аялынцев. Если в конце XVIII в. – первой половине XIX в. тюркское население Тарского Прииртышья было приписано к Аялынской, Бухарской, Порушной и Подгородной волостям, то в 1863–1864 гг. эти волости были преобразованы, но не по территориальному, а по этносоциальному принципу. Бухарская волость (по числу поселений) в основном осталась в прежнем составе, а к Аялынской волости отнесли теперь поселения, которые входили как в Аялынскую, так и в Подгородную и Порушную волости. Соответственно увеличилось количество поселений этой волости.

Поволжско-приуральские татары чаще всего подселялись к местным татарам, но бывали случаи и образования новых деревень. Так, например, в низовьях р. Тары были образованы деревни Молодцова и Малые Мурлы. Образование новых поселений можно проследить на примере возникновения д. Малые Мурлы, которая была расположена в низовьях р. Тары – одним из интереснейших по процессу заселения мест. Издавна здесь живут тюрки – аялынская подгруппа тарских татар. Наиболее древние поселения, сохранившиеся до настоящего времени или недавно прекратившие свое существование, – это деревни Берняжка (Тартамак

или Усть-Тарская) и Чеплярово Большереченского района; Инцисс, Юрт-Бергамак и Черталы Муромцевского района Омской области. Сведения о них имеются в архивных документах конца XVI – начала XVII вв. и, прежде всего, в ясачных книгах. Однако расположенные в бассейне р. Тары татарские поселения могли существовать и ранее.

О возникновении и перемене места расположения ряда поселений в народе сохранились предания – прежде всего, о д. Юрт-Бергамак (юрты Бергамацкие) и д. Берняжка (Усть-Тарская). Несколько слов необходимо сказать и об этносоциальном составе населения, изменение которого можно проследить по первичным материалам ревизий (4-я – 10-я ревизии) и Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Если в конце XVIII в. основная часть населения была причислена к ясачным татарам (за исключением д. Усть-Тарской, где уже в то время проживало незначительное количество бухарцев), то в середине, а особенно в конце XIX в. в этих поселениях зафиксировано большое количество пришлых поволжско-приуральских татар. Переселенческие процессы в Сибирь второй половины XIX в. как татар, так и представителей других этнических образований (прежде всего групп восточнославянского населения) не могли не отразиться на системе землепользования коренного населения. И в этом плане интересна история возникновения д. Новомурлинской, впоследствии Малые Мурлы.

Сведения об этой, ныне не существующей деревне были получены во время экспедиционной поездки в 1995 г. в д. Чеплярово Большереченского района Омской области. Малые Мурлы расположены примерно в 10–12 км от д. Чеплярово на противоположном берегу р. Тары (3 км от ее устья). В настоящее время на месте жилых строений остались только всхолмления, поросшие крапивой, по которым можно проследить планировку деревни. На краю деревни сохранилось кладбище, на котором, по сведениям информаторов, еще несколько лет назад хоронили бывших жителей этой деревни. Последние жители деревни разъехались около 25 лет назад, т. е. в начале 1970-х гг., и основная часть их осела в с. Усть-Тарском, расположенном в трех километрах при слиянии Тары и Иртыша.

Первое упоминание о существовании д. Ново-Мурлинской имеется в первичных материалах Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.⁶⁹ В дальнейшем эта деревня называлась Малые Мурлы. С чем это связано? Дело в том, что на другом берегу Иртыша расположена д. Большие Мурлы – одно из наиболее ранних поселений тарских татар, которое в материалах ревизий населения XVIII–XIX вв. значилось как Мурлинская. Эти две деревни в конце XIX в. входили в одну волость – Аялыньскую, и, чтобы не возникло путаницы, вновь образованная деревня получила название Ново-Мурлинской. Название обеих деревень происходит от татарского слова «мур» – белая глина. Действительно, в этих местах и в настоящее время производится ее добыча для хозяйственных нужд.

Вопрос о времени возникновения и об этносоциальном составе населения может быть выяснен благодаря сопоставлению рассказов жителей близлежащих деревень и материалов переписей населения XIX в. В этом плане прежде всего интерес представляет предание о происхождении современной д. Берняжка, расположенной по другую сторону Иртыша от д. Малые Мурлы. Расстояние в этом месте между Тарой и Иртышом очень незначительно, поэтому, например, д. Чеплярово расположена с одной стороны на левом берегу р. Тары, а с другой – на правом берегу Иртыша, фактически в двух километрах от берега.

Вот что гласит предание: «В семи километрах от нынешней территории д. Берняжки располагалась д. Усть-Тара... Жили одни татары... Во время похода Ермака в Сибирь у д. Усть-Тара (по-татарски Тар-Тамак) произошло крупное

сражение русских с татарами... Русские победили. Собрали у татар скот, разорили деревню и окрестности... Очень страдали татары, и, наконец, нашелся один татарин, который вызвался ехать к русскому царю. Звали его Алишак Пучканов... Царь хорошо принял Алишака и дал ему княжеское имя, золотую медаль. Уехал Алишак и увез с собой грамоту царя тарскому губернатору. В грамоте царь приказывал губернатору давать землю князю там, где тот пожелает и сколько пожелает... Княжеское звание передаваться стало по наследству. Алишак поехал к тарскому губернатору с картой, на которой были обозначены земли, которые хотел иметь князь. Губернатор дал князю 70 км урмана (лес) вокруг деревни, все луга на протяжении 25 км...»⁷⁰ и т. д. Имя Алишак в разных звучаниях (Алимтык, Алимшык) присутствует во всех рассказах, связанных с историей возникновения фамилии Князев. Далее рассказывают, что после смерти Пучканова его потомки получили фамилию Князевы. В свою очередь их тугум (родственная группа) стал называться Князлэр – князи. Рассказывают, что это был богатый тугум. У Князевых были свои магазины, маслозавод. Жили они в двухэтажных домах, имели прислугу и наемных работников.

А теперь рассмотрим реконструированную по материалам переписей населения конца XVIII–XIX вв. генеалогическую схему Князевых. Имя Алимшак (Алимтык, Алимшык), так же как и фамилия Пучканов, не встречаются среди предков современных Князевых. Однако это имя связано с одним из знатных бухарских родов – Шиховых, основателем которого был Авазбақы-шейх, а один из его сыновей был Алим-шейх. Часть потомков Алим-шейха в середине XIX в. зафиксирована в материалах 10-й ревизии по д. Усть-Тарской (современная – Берняжка). По реконструированной генеалогии оказалось возможным определить во времени первую официально зафиксированную фамилию Князев. Она обнаружена в материалах переписи 1897 г., где главой одной из семей являлся Ташбулат Князев. Необходимо учитывать также тот факт, что семья, где главой в материалах 1858 г. был записан Маметей Иткучуков и к которой относился Ташбулат сын Абдулназыра (в дальнейшем Князев), во второй половине XIX в. разделилась на три семьи, только в одной главой записан Князев, в двух же других главами записаны Абдул-Аптрахман Катыров и Абшакир-Абдул Катыров. Сравнив же материалы 1897 г. и современные родословные, мы обнаружили, что потомки всех трех семей в дальнейшем, уже в XX в., стали носить фамилию Князевых. В то же время в ясачной книге по д. Усть-Тарской упоминается князец Иткучук Бучканов. Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что во многом это историческое предание является достоверным. С другой стороны, в этом предании смещены хронологические рамки исторических фактов. Сведения о богатстве Князевых подтверждаются материалами переписи населения 1897 г., где указано, что Князевы имели несколько двухэтажных и трехэтажный дома.

Таким образом, д. Усть-Тарская сменила как место своего расположения, так и название. При изучении этносоциального и количественного состава населения этой деревни по материалам переписей населения конца XVIII–XIX вв. осталось непонятным, почему к концу XIX в. существенно сократилось количество жителей и связано ли это с изменением места расположения деревни. Прояснить это обстоятельство удалось, исследовав материалы переписи населения 1897 г. по д. Ново-Мурлинской.

В 1897 г. в д. Ново-Мурлинской переписано 26 семей, из них 16 семей – «инородцы», девять – «государственные крестьяне» или «крестьяне из ссыльных» и одна семья «бухарцев». В результате сопоставления архивных материалов по д. Усть-Тарской (1850, 1858 гг.) и д. Ново-Мурлинской (1897 г.) выяснено, что

11 семей из 26 – это бывшие жители д. Усть-Тарской (как написано в материалах переписи – «старой Тартомак»). Из них три семьи Князевых, две семьи Аскарковых и четыре семьи Диниповых. Сведения о предках последних впервые появляются в материалах 9-й ревизии населения (1850 г.), из которых следует, что это были переселенцы из Европейской России. Предки Князевых и Аскарковых прослеживаются по материалам 4-й ревизии населения (1782 г.). Далее, пять семей – это семьи «государственных крестьян» и «крестьян из ссыльных», приехавших из Казанской (четыре семьи) и Самарской (одна семья) губерний. Появление инородческих семей Ниясова и вдовы Аррабаевой проследить не удалось. Загадкой остается появление родственного клана Катумовых (восемь семей), записанных инородцами. Возможно, материалы переписей населения XVIII–XIX вв. по соседним деревням помогут определить место жительства предков этого семейного клана.

Сопоставив даты и место рождения, можно с определенной долей уверенности сказать, что образование д. Ново-Мурлинской относится к началу 1870-х гг. Таким образом, и д. Усть-Тарская сменила свое место расположения в это время. Связано это было прежде всего с землеустроительной политикой государства в период массовой миграции населения в Сибирь из европейской части России.

Деревня Ново-Мурлинка (затем Малые Мурлы) просуществовала около ста лет. Она прекратила существование в начале 1970-х гг. в период укрупнения колхозов. Причиной этого стало не очень удобное расположение деревни вдали от основных дорог и наличие в 3 км от нее старого русского с. Усть-Тарское (не путать с татарской д. Усть-Тарской), расположенного на слиянии рек Тары и Иртыша.

На этом примере мы рассмотрели, как прибывшие из Европейской России татары оказывали влияние на этносоциальную структуру и изменение системы расселения местных татар. Всего же к концу XIX в., по материалам переписи 1897 г.⁷¹, в Тарском Прииртышье на правобережной его части было 21 татарское поселение, население трех из них (Себеякова, Сеитова, Усть-Тарская) числилось и в Аялынской, и в Бухарской волостях (табл. 7).

Таблица 7

Этносоциальный состав тюркоязычного населения Тарского Прииртышья (правобережная часть) по материалам переписи населения 1897 г.*

Населенный пункт	Количество			
	Бухарцы	Иногородцы	Государственные крестьяне	Русские
Себеяково (Курманово)	188 + 84**	2 + 185	14	
Сеитова	234	4 + 214		4
Усть-Тарская (Берняжка)	94 + 7	2 + 151	1 + 14	6
Заимки Усть-Тарской			15	1
Речапова	216		1	
Атакская	102			4
Уйские	198	6		
Таксай	66	22	1	
Темшенякова		10	193	41
Ишеева	7	91		1
Апталовский выселок		17		4

Населенный пункт	Количество			
	Бухарцы	Инородцы	Государственные крестьяне	Русские
Айткулово	70	163	40	46
Кыргап	83	87	1	
Ново-Мурлинская	5	85	49	1
Чипляровская	7	80	47	1
Молодцова заимка	2	21	186	27
Гузенева (Кузенева)		131	3	
Альменева		55	41	2
Черталы		109	167	5
Бергамак		124	50	
Инцыс	4	87	226	6
<i>Всего</i>	1367 (32,5 %)	1646 (39,1 %)	1049 (24,9 %)	148 (3,5 %)

* Составлено по: Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. – СПб., 1911. – Т. II. – С. 70–72.

** Первое число – приписанные к Бухарской волости, второе – к Аялынской.

§ 3. Восточнославянское население

Так же как в предыдущем параграфе была рассмотрена этносоциальная структура татар Тарского Прииртышья, можно рассмотреть этническую и этносоциальную структуру сообщества русских сибиряков. Система расселения в Тарском Прииртышье сегодня известна очень хорошо. Этому способствовали труды географов и историков, созданные в 1950–1980-е гг.⁷², а также исследования археологов и этнографов⁷³. Немалый вклад в изучение этой проблемы внесли исследователи, объединенные в омскую группу этноархеологов⁷⁴.

Расселение русских в Тарском Прииртышье шло из г. Тары, который возник в 1594 г. В XVI–XVII вв. русское население этих мест было очень немногочисленным, что историки объясняют удаленностью Тарского уезда от основного ареала расселения русских в Западной Сибири и тем, что район лежал в стороне от главных путей сообщения. Кроме того, окрестности Тары периодически подвергались набегам с юга⁷⁵.

Русских жителей в Притарье стало больше в начале XVII в., когда началось строительство Тобольско-Тарского участка Московского тракта. В 1623 г. на этой дороге в границах Тарского уезда насчитывалось шесть деревень. Ближе к Иртышу располагались однодворные деревни, часть из которых находилась на правом берегу Иртыша⁷⁶. Первым русским поселением на берегах р. Тары была Бергамацкая слобода (1668 г.), чуть позже в 15 км от нее появилась д. Муромцева (около 1690 г.).

В целом к началу XVIII в. в Тарском Прииртышье (на территории современных Тарского, Муромцевского, Колосовского районов Омской области) существовало 18 русских населенных пунктов (табл. 8, с. 102).

Из таблицы видно, что русские предпочитали селиться на реках, причем не только на большой – на Иртыше, но и по берегам неширокой и не особенно полноводной Оши. Только пять русских поселений возникло на правобережье Иртыша,

остальные находились на так называемой «городовой» стороне. Только одно поселение имело смешанное население – Усть-Тара, но чересполосное расселение русских и татар очевидно.

Таблица 8

Населенные пункты Тарского Прииртышья,
существовавшие к началу XVIII в.

Время возникновения	Населенный пункт	Население	Где расположен	Современный район
XVII в.	Усть-Тара	Русские и татары	В устье Тары и Иртыша	Тарский
XVII в.	Чекрушево	Русские	Малая речка Степановка	Тарский
XVII в.	Черняево	Русские	В 1 км от Иртыша	Тарский
1668 г.	Бергамак	Русские	На р. Таре	Муромцевский
1680–1690-е гг.	Большая Терехина (Большетерехино)	Русские	На р. Оше	Колосовский
1690-е гг.	Муромцево	Русские	На р. Таре и тракте	Муромцевский
1690-е гг.	Сетуловка	Русские	На Иртыше	Муромцевский
1690-е гг.	Танатово	Русские	На Иртыше	Муромцевский
1690–1700 гг.	Кокшеново	Русские	На р. Таре	Муромцевский
До 1700 г.	Большие Кучки	Русские	На р. Оше	Тарский
До 1700 г.	Большие Туралы	Татары	На р. Оше	Тарский
До 1700 г.	Вставское	Русские	На р. Оше	Тарский
До 1700 г.	Коновалово	Русские	На р. Оше	Тарский
До 1700 г.	Кубрино	Русские	На р. Оше	Тарский
До 1700 г.	Ложниково	Русские	На р. Оше	Тарский
До 1700 г.	Поморцево	Русские	На р. Оше, на тракте	Тарский
До 1700 г.	Свидерск	Русские	На р. Оше, на тракте	Тарский
До 1700 г.	Скатово	Русские	На р. Оше, на тракте	Тарский

Составлено по: Сизутов П. Т. К вопросу о датировке сел Омской области // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1994. – № 3. – С. 201–206.

С постройкой Омской крепости в 1716 г. начался новый этап в заселении Прииртышья. Защищенный с юга Тарский уезд начал заселяться более интенсивно. К 1719 г. число русских поселений в Тарском Прииртышье увеличилось. Переписной книгой 1719 г. зарегистрированы следующие деревни: Ильина (Ильиных) на Артыне (8 душ мужского пола), Семена Шипицина (13 душ мужского пола) и Епанчина (Епанчинцева), а также деревня, приписанная к Бергамацкой слободе, – Кокшенева (8 душ мужского пола). Деревни, названные по именам и фамилиям их основателей, строились и в районе Татмыцкой слободы на р. Бызовке: Максимовка Максима Шипицина и Мельникова.

Поселение в порубежном районе, подверженном опасности набегов со стороны степи, не было заманчивым. К тому же здесь приходилось нести особые повинности. Крестьянам вменялось в обязанность караулить свои деревни по ночам. Местная администрация не разрешала отлучаться поодиночке. Даже на работы

в поле крестьяне должны были выходить только группами и с оружием. В поисках более спокойной жизни и хорошей земли старожилы, естественно, стремились переселиться на другие места.

И всё же крестьянское население постепенно увеличивалось. К 1744 г. в Тарском Прииртышье насчитывалось 49 деревень (табл. 9). Разные источники дают противоречивые сведения об этих деревнях, но в целом они могут быть сведены в такую таблицу:

Таблица 9

Русские поселения Тарского Прииртышья в 1744–1745 гг.

Населенный пункт*	Время возникновения**	Число жителей и их состав*
<i>Слобода Бергамацкая</i>	1627/1668 гг.	Разночинцев – 75
Резина (Окунево)	Начало XVIII в./1770 г.	Разночинцев – 37; крестьян – 125
Муромцева	1790-е гг./1717/около 1730 г.	Крестьян – 29
Сетуловская	Конец XVII в.	Разночинцев – 10; крестьян – 69
Танатовская	Около 1690 г.	
Кокшенева	На рубеже XVII–XVIII вв./около 1770 г.	В «Перписной книге» не значится
<i>Погост Логиновский</i>	До 1700 г.	Разночинцев – 60
Заливина	1700–1734 гг.	Разночинцев – 20
Коренева	1700–1734 гг.	Разночинцев – 3
Бородихина	1700–1734 гг.	Разночинцев – 2
Устарская	До 1700 г.	Разночинцев – 95
Нюхаловская	?	Разночинцев – 50
Шуева	?	Разночинцев – 62
Колбышн(ск)ая	1701 г.	Разночинцев – 57
Евгаштина	1650–1660 / ок. 1685 г.	Разночинцев – 95
Мешкова	1701	Разночинцев – 51
Танатова	Около 1690 г.	Разночинцев – 35
Каигашева	?	Разночинцев – 9
Решетникова	?	Разночинцев – 63
Кривое озеро	?	Разночинцев – 14
Ананьинская	?	Разночинцев – 65
Черняева	До 1700 г.	В «Перписной книге» не значится
<i>Погост Ложниковский</i>	1668 / до 1770 г.	Разночинцев – 199
Саусканова	1700–1734 гг.	Разночинцев – 6
Шадрина	?	Разночинцев – 5
Кубрина	1627 / до 1700 г.	Разночинцев – 28
Ставыкова (Ставская)	До 1700 г.	Разночинцев – 99
Шкунова	Ок. 1690 г. / 1727	Разночинцев – 13
Коновалова	До 1700 г.	Разночинцев – 11
Нагаева	1727 г.	Разночинцев – 17

Населенный пункт*	Время возникновения**	Число жителей и их состав*
Солдатова	?	Разночинцев – 12
Кучковская	До 1700 г.	Разночинцев – 28
Любимова	1719–1734 гг.	Разночинцев – 17
Кузнецова	?	Разночинцев – 9
Носкова	?	Разночинцев – 72
Зубова	?	Разночинцев – 40
Поморцова	1680 / до 1700 г.	Разночинцев – 26
Скатова	1626 / ок. 1680 г. / до 1700 г.	Разночинцев – 47
Фирсова	?	Разночинцев – 5, крестьян – 1
Корсина	1585 / 1719–1744 гг.	Разночинцев – 17
Зубова	?	Разночинцев – 15
Бражникова	Около 1740 г.	Разночинцев – 16
Одноворская	?	Разночинцев – 7
Уйская	?	Разночинцев – 26
Самсонова	1719–1734 гг.	Разночинцев – 11
Над озером Чичикулем	?	Разночинцев – 8
Над речкой Чекрушем	1600 / 1660 гг.	Разночинцев – 5
Петровская	1719–1734 гг.	Монастырских крестьян – 34
По р. Оше Ложникова погоста		Разночинцев – 59

Составлено по: * РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3520. Л. 1–2 об. (Книга переписная посадских людей, цеховых, разночинцев, государственных крестьян г. Тары, разночинцев, монастырских, государственных крестьян Тарского уезда за 1748 г.);

**Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М., 1976. – С. 126; Яшин В. В., Маишарин М. И. С днем рождения, родной край: к истокам основания поселений Омского Прииртышья. – Омск, 1999. – С. 14–20, 176–189; Сигутов П. Т. К вопросу о датировке сел Омской области // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1994. – № 3. – С. 201–206.

Из таблицы видно, что сеть русских поселений в XVIII в. изменилась. Наиболее плотно заселены в это время оказываются берега Оши, на которой были расположены деревни Ложникова погоста. Увеличилось число русских деревень Логинова погоста на Иртыше, но их по-прежнему было немного. По берегам р. Тары, вдоль которой стояли татарские поселения, русских деревень Бергамакской слободы до начала последней трети XVIII в. было мало – только четыре. В окрестностях Логиновского погоста русские деревни Ананьинская, Евгаштина, Нюхаловская перемежались с татарскими. Деревня Усть-Тара (Устарская) была уникальной: в ней соседствовали в этот период русские и татары. Известно, что совместное проживание усть-тарцев не было мирным, но тем не менее решение властей по челобитным местных татар в начале XVIII в. было половинным: несмотря на требования татар выселить русских из Усть-Тары, они в ней остались, но, в свою очередь, были ограничены в использовании местных покосов и пастбищ, лесных угодий, ограничивалась также рыбная ловля⁷⁷.

Из таблицы видно, что в это время в Тарском Прииртышье были распространены разные типы сельских поселений: погосты, слободы и деревни. Считается, что погосты как единица административного деления были характерны для Русского Севера XVI–XVII вв.⁷⁸ В заселенном истари Тарском уезде эта традиция сохранилась,

но новые населенные пункты в Прииртышье группировались вокруг слобод. В Тарском Прииртышье в XVIII в. была только одна слобода – Бергамацкая.

Крестьянское население Тарского уезда увеличивалось за счет естественного прироста незначительно, в большей мере оно увеличивалось путем переселений из соседних районов. Выходцы из Бергамацкой слободы расселялись в районе р. Тары, в районе р. Оши оседали выходцы из более северного Знаменского погоста. Черноземные земли по Оше привлекали и дальних переселенцев⁷⁹.

Осенью 1741 г., совершив нападение на кочевья казахов, джунгары продвинулись к верховьям Оши. В целях обеспечения безопасности к началу зимы 1741 г. была послана из Тары в Зудиловский форпост команда из 25 казаков и направлены казаки «разъезды» к Юйскому форпосту. Но переброска казачьей команды на западный участок Тарской дистанции была опасной для самой Тары. Поэтому взамен посланных казаков было приказано отправить в Тару 40 конных казаков из Тобольска и срочно поставить караулы в Таре. Кроме того, воеводе было приказано поверстать в казаки 200 чел. из числа тарских крестьян и разночинцев, построить еще два форпоста на правой стороне Иртыша и поставить в них караулы из омских казаков, по 50 чел. в каждом, а от д. Качесовой (на правом берегу Иртыша) «иметь всегда непрестанные и частые разъезды»⁸⁰.

В таких условиях приток пришлого населения в Тарский уезд сократился, а те крестьяне, которые издавна поселились здесь, стремились уйти от непрерывной военной тревоги. В 1741 г. в Бергамацкой слободе в числе 62 дворов было 30 крестьянских, 26 дворов разночинцев и остальные – беломестных казаков. Отставные и беломестные казаки жили и в деревнях, расположенных на пути от Бергамацкой слободы к г. Таре, и по левому берегу р. Тары.

В целях усиления обороны сибирский генерал-губернатор И. Киндерман приказал воеводам Тарского, Ишимского, Кузнецкого и других уездов срочно собрать сведения о числе жителей русских населенных пунктов. Полученные им сведения в 1745 г. не могли дать полного представления о численности населения, так как по его приказу учитывалось только мужское население в возрасте от 16 до 50 лет. Однако, удивительно, что в составленных на основании этих документов списках нет большинства населенных мест, известных из переписной книги 1748 г. (см. табл. 9 на с. 103–104 и табл. 10).

Таблица 10

Русские поселения Тарского Прииртышья в 1744–1745 гг.
(по данным И. Киндермана)

В Бергамацкой слободе	В Логиновском погосте	В Ложниковском погосте
Слобода Бергамацкая	Логиновский погост	Ложниковский погост
<i>Деревни:</i>	<i>Деревни:</i>	<i>Деревни:</i>
Муромцева	Заливина	Коновалова
Кокшенева	Евгаштина	Кучковская
Резина	Колбышская	Солдатова
	Нюхаловская	Ставыкова
	Мешкова	
	Решетникова	
	Устарская	
	Черняева	
	Шуева	
<i>Итого поселений (по данным Киндермана / по «Переписной книге»)</i>		
4/5	10/16	5/25

Составлено по: Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М., 1976. – С. 126.

Однако, как бы ни были противоречивы источники, очевидно, что центрами крестьянского заселения были по-прежнему прииртышские слободы и погосты с приписанными к ним деревнями. По сведениям И. Киндермана 1744–1745 гг., в 48 населенных пунктах Тарского уезда (без Омской слободы и деревень Аевской слободы) мужское население в возрасте от 16 до 50 лет составляло 5212 душ. Это противоречит сведениям, которые приводит А. Д. Колесников (1472 душ м. п. в 61 деревне в 1744 г.)⁸¹. Н. Г. Аполлова считает, что разница может быть объяснена двумя факторами: отливом значительной части крестьянского населения в Приобье и тем, что в первые годы после 2-й ревизии (1744 г.) пришлось послать тарских казаков в Верхнеиртышские крепости. С другой стороны, нельзя забывать специфику переписи Киндермана: она производилась более строго, с целью военного учета и по случаю возможной мобилизации населения в тревожные 1740-е гг.⁸²

Первое место по количеству деревень занимал район правобережья среднего Иртыша, связанный в административном отношении с Тарой и Омской крепостью. Однако и в этом районе не было достаточной стабильности населенных пунктов: вместо исчезнувших трех деревень к 1763 г. появилось 12 новых⁸³. По-видимому, произошло укрупнение некоторых деревень, что представляло собой естественный процесс в хозяйственном освоении слабо заселенного края, вызванный необходимостью трудовой помощи в сельском и промысловом хозяйстве. Однако крестьянское население было подвижным и в районе правобережья среднего Иртыша: время от времени крестьяне старых деревень переселялись в новые деревни по Оше и за пределы района.

Вольное крестьянское заселение Среднего Прииртышья не было непрерывно растущим. Оно развивалось более интенсивно в конце XVII в. – 20-х гг. XVIII в. и менее активно в 1730–1740-х гг., когда некоторые слободы и деревни превращались в форпосты, а местные власти усиленно верстали крестьян в казаки. Крайнее положение Тары определяло и состав ее населения. Здесь основную часть населения в первой половине XVIII в. составляли служилые люди. По мере надобности городскими казаками пополнялись линейные казачьи команды. Часть казаков, посланная на Сибирскую линию в 1747 г., оттуда уже не вернулась. Тем не менее к 1730-м гг. русское население Тарского уезда составляло уже 86 %, или около 16 тыс. из всех 18,5 тыс. жителей.

Заселение Тарского Прииртышья во второй половине XVIII в. совершалось путем «переводов» и вольного переселения крестьян. Первые осуществлялись по царскому указу и по распоряжениям воевод. Предписав найти места, удобные для поселения, воеводы посылали служилых людей в необжитые или слабо заселенные районы. Поводы для таких переселений были разные. Переселяя крестьян с «выпаханных» земель, местные власти рассчитывали освоить целинные земли, создать хлебную базу на расширенной площади посевов, ликвидировать недоимки по платежу хлебного оброка, увеличить запасы казенного хлеба.

Во второй половине XVIII в. усилилась самовольная внутренняя миграция населения, вызванная поисками новых земель и промысловых угодий. Самовольными переселенцами были обычно крестьяне ближних районов, которым во время пушного или рыбного промысла удавалось разведать новые места и обзавестись небольшим хозяйством на новой заимке.

К концу XVIII в. в Тарском уезде уже было четыре слободы, девять сел, острог, три погоста, 184 деревни⁸⁴. На основании материалов Тобольского архива А. Д. Колесникову удалось установить, что с 1760 по 1782 гг. в Тарском уезде были заселены 13 деревень ссыльными крестьянами; 11 деревень – выходцами из Ишимского уезда, семь деревень – крестьянами-переселенцами из Ялуторовского

уезда. Кроме того, возникли 58 новых деревень, заселенных крестьянами, переселившимися из северной части Тарского уезда: из слобод Татмыцкой и Бергамацкой, из деревень Сейткуловой и Бызовской, из погостов Знаменского, Ложникова и других, а также из слобод и деревень Омской крепости⁸⁵. Новые деревни возникли в окрестностях г. Тары и по берегам Оши и Тары. Нередко в одной деревне селились выходцы из разных деревень.

И в дальнейшем русское население Тарского уезда увеличивалось путем внутренней миграции населения. Нередко пришлое население только временно оседало на новом месте. Такая подвижность земледельческого населения объясняется возможностями поиска и освоения на огромных пространствах Сибири нетронутых плодородных земель. С продвижением земледелия на юг, в лесостепь, население освобождалось от трудоемкой подсечной системы земледелия. Во второй половине XVIII в. число русских жителей Тарского Прииртышья увеличивалось и за счет поселившихся здесь ссыльных крестьян.

Однако процесс заселения Среднего Прииртышья и формирования здесь русского крестьянского населения был довольно сложным. Порубежное положение Тары и ее округа, соседство с Барабинской степью и осложнения внешнеполитической обстановки тормозили крестьянское заселение края. Специфическая внешняя обстановка окраинного района обусловила на первых порах преобладание военно-служилой, правительственной колонизации. Крестьянское заселение нередко осуществлялось по царскому указу и по распоряжениям местной администрации путем переселения крестьян из районов раннего заселения Сибири.

В первой половине XIX в. приток русских переселенцев в Тарское Прииртышье был невелик. Именно в это время сообщество русских тарчан, как и сибирское общество в целом, имело возможность консолидироваться. Людей объединяли браки, которые понемногу прибывавшие поселенцы заключали и с крестьянами-старожилами из окрестных деревень, и друг с другом, а также общие легенды и предания исторического характера, опыт хозяйствования в здешних местах, даже могилы, появившиеся на сибирской земле⁸⁶. Для детей, родившихся в Сибири, родиной были окружавшие их просторы, а сами они считались *родчими*, т. е. родившимися здесь. Возникшую в результате процесса консолидации группу сибирского населения в научной литературе называют старожилами, а их населенные пункты – старожильческими⁸⁷.

Ситуация с расселением русских в Тарском Прииртышье стала резко меняться в середине XIX столетия. Первый большой поток переселенцев был связан с реформами графа П. Д. Киселева (эти поселенцы расселялись в Притарье в 1850-х гг.). Но еще бóльший поток переселенцев в Сибирь приходится на рубеж XIX–XX вв., что было связано с коренными преобразованиями, происходившими в 1860-е гг. в России, прежде всего, с отменой крепостного права. Масса людей устремилась в Сибирь в поисках лучшей доли. Только с 1864 по 1914 гг. в Сибирь переселилось 3687 тыс. чел., основная масса которых – 80,9 % – были выходцами из южных районов России⁸⁸.

Вновь прибывшие предпочитали селиться отдельно от старожилов, образуя собственные поселки. Например, с 1870 по 1900 гг. на территории современного Муромцевского района Омской области появились переселенческие поселки Лебяжье, Любимовка, Кольцовка, Просяковка, Романовка, Ляпуновка и др.⁸⁹ В Тарском Прииртышье селились в основном выходцы из Центральной России, однако можно было найти и южан. К примеру, пос. Ляпуновский был заселен исключительно переселенцами из Пензенской и Рязанской губерний⁹⁰, а пос. Кольцовский – из Пензенской, Новгородской и Черниговской губерний⁹¹.

Появление в Сибири значительного числа переселенцев изменило в целом систему расселения в Тарском Прииртышье, прежде всего, за счет втягивания в сельскохозяйственный оборот земель, расположенных в урманных (таежных) районах и на заболоченных территориях левобережья Иртыша. Там, где до этого не жили люди, стали появляться переселенческие поселки. Отчасти эта ситуация может быть проиллюстрирована такой выпиской из вводного раздела к сборнику статистических материалов «Волости и населенные места. 1893 г.» (табл. 11)⁹².

Таблица 11

Расселение крестьян-переселенцев в Тарском уезде в 1840–1880 гг.

Округ	Число волостей, в которых водворялись переселенцы	Самостоятельные водворения		Приселения	
		Количество			
		новых селений	семей переселенцев	деревень старожилов	семей переселенцев
Тарский	9	36	1203	28	458

Из приведенных цифр ясен масштаб переселенческого движения в Тарское Прииртышье. Однако можно привести и более конкретные примеры. В 1900–1901 гг. были составлены «Списки населенных обществ по волостям Тарского уезда» с указанием состава населения. В это время бывший Ложниковский погост уже был разбит на несколько волостей, но еще существовали Логиновская и Бергамакская волости, хотя и в новых, меньших границах. Вот что они представляли собой в это время (табл. 12).

Таблица 12

Русские поселения Тарского Прииртышья в 1900 г.

Тип поселения	Волость	
	Бергамакская	Логиновская
Старожильческие поселения, в т. ч.	5	20
села	2	5
деревни	3	15
заимки	–	4
выселки	–	1
Переселенческие поселения, в т. ч.	15	8
деревни, основанные позже 1840 г.	2	–
поселки	13	8
Поселения со смешанным населением	3	–
<i>Всего поселений</i>	23	33

Составлено по: ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 409. Л. 66–69 об.

Из этой таблицы следует, что территории, где соседство с татарами было наиболее тесным, до середины XIX в. осваивались менее интенсивно, чем относительно свободные берега Иртыша в пределах Логиновской волости. Однако к 1850-м гг. на берегах Тары появилось много переселенческих деревень, причем

не только на «русском» – левом берегу, но и на правом, где традиционно были татарские угодья.

Как считает П. Т. Сигутов, «вселение новоселов в некоторой степени ущемляло интересы старожилов и создавало ряд трудностей во взаимоотношениях этих двух групп населения»⁹³. Например, в деревнях Карташевской волости старожилы силой пытались согнать переселенцев с выделенных им участков, так как последние очень часто являлись старожильческими заимками.

Наряду с созданием новых поселений, большое значение имело приселение в существовавшие села. Населенные пункты в это время разрослись, стали многолюдными. В конце XIX в. среди деревень Средней Тары имелось четыре населенных пункта с числом жителей более 1000 чел.⁹⁴ Переселенцы селились отдельными «концами», что отразилось в названиях краев различных деревень. Старожильческие края часто назывались *Сибиряцкими*, а переселенческие – либо *Российскими* (*Россея*), либо по местам выхода переселенцев (Курский край, Рязанский край, Орловка, Вытебщина, Смоленщина и т. д.)⁹⁵.

В целом система расселения русских Тарского Прииртышья на протяжении XVIII–XX вв. определялась тем, что, во-первых, они к концу XIX в. численно преобладали, составляя около 90 % населения⁹⁶, и, во-вторых, тем, что местные жители – и русские, и татары – были неоднородны по своему происхождению. Сейчас в этнографической литературе принято выделять старожильский пласт и у русских, и у татар. Местные старожилы уже с XVII–XIX вв. жили в условиях чересполосного расселения, что предполагало точное определение прав на используемые угодья. Однако массовые переселения из Европейской России конца XIX – начала XX вв. изменили структуру угодий в целом, что ущемляло права всех старожилов.

Возможен и другой путь рассмотрения вопроса об этнической и этносоциальной структуре русских сибиряков. При этом следует допустить, что этническая структура – исторична и складывается как отражение социальной структуры общества в сознании крестьянства.

Слом старой сословной структуры пришелся на XVIII в. Известно, что еще в начале XVIII в. многие сибирские жители числились среди служилого сословия и были приписаны более чем к 30 разным категориям. Только в Тарском уезде по «Дозорной книге» 1701 г.⁹⁷ были учтены ружники (священнослужители – попы, дьячки, пономари), дети боярские, атаман пеших казаков, казаки разных списков (литовского, черкесского, пешие, конные), стрельцы, пушкари, затинщики и т. д. Среди местных жителей были также беломестные казаки, посаженные на пашню, и крестьяне. Всего в этой дозорной книге была указана сословная принадлежность 738 глав семейств. Из них детей боярских было 16 (2,2 %), стрельцов и стрелецких сыновей – 88 (12 %), беломестных казаков – 125 (16,9 %), крестьян – 149 (20,2 %), казаков разных списков, включая 15 отставных, – 299 (40,5 %). Заметим, что состав населения не самый типичный для Сибири и объясняется пограничным характером Тарского уезда. Н. А. Миненко приводит, например, сведения за 1701 г. по Туринскому уезду, сгруппированные по дворам. Из 350 дворов 228 записаны крестьянскими (65,1 %)⁹⁸.

Дозорные книги и другие делопроизводственные документы доказывают, что существовала жесткая иерархия категорий, к которым приписывались сибирские жители. В дозорах список всегда открывали ружники; затем записывались дети боярские, к которым приписывали их дворовых; казаки, сначала литовской сотни, затем – черкесской, потом конные и пешие; стрельцы, казачьи дети, затем другие категории, а завершали списки крестьяне. В Тарском уезде крестьяне жили не во всех поселениях. Они были приписаны к слободам, которых здесь было

только три – Бергамацкая, Татмыцкая и Аевская, но некоторые из них жили в деревнях, расположенных недалеко от слобод, видимо, при своих пашнях.

Отражалась ли «бумажная» иерархия на отношениях людей, сказать трудно. В д. Евгаштиной Тарского уезда, например, в 1701 г. проживало 18 семей, в которых было 45 мужчин. Среди глав семей были три литовской сотни казака, три черкасской сотни казака, один конный казак, три стрельца, четыре пеших казака, четыре казачьих сына. Родственные связи евгаштинцев отражены в «Дозорной книге Тарского уезда», хотя, может быть, и не все. Всего в деревне было распространено девять фамилий. Наиболее часто встречаются фамилии Евгаштиных и Щегловых – по четыре семьи. Среди Евгаштиных были три казака черкасской сотни и конный казак, среди Щегловых – два стрельца и два пеших казака. Из имеющихся записей следует, что главы семей Евгаштиных не состояли в близком родстве, а две из четырех семей Щегловых были основаны, скорее всего, родными братьями. Фамилию Белобородовых носили три семьи, две из них, видимо, были основаны родными братьями, а третья их племянником, что прямо указано в дозорной книге⁹⁹. Н. А. Миненко пишет, что сословная пестрота поселений была связана со степенью освоения разных районов Сибири. Например, в Туринском уезде в 1700 г. из 65 поселений 36 были односословными, причем 28 деревень населяли крестьяне¹⁰⁰.

Все служилые люди вели хозяйство – занималась земледелием, разводили скот, но при этом числились на службе («а за хлебный полный оклад служит с пашни»), как пишется в Дозорной книге) и получали жалованье. В XVIII в., когда шло становление сословия государственных крестьян, все служилые постепенно были переведены в тяглое сословие*. Так, по переписи 1747 г. (2-я ревизия податного населения Российской империи) все жители д. Евгаштиной числились разночинцами¹⁰¹. Начиная с 3-й ревизии (1763 г.) изменилась форма ревизских сказок, которая сохранялась до 5-й ревизии 1795 г. Теперь в переписные документы вносились сведения о женщинах, причем наиболее полные сведения сообщались о сословном происхождении жен; в сказках указывалось, чьи они дочери – разночинские, казачьи, дворянские, ямщицкие. Например, в Евгаштино (по ревизии 1763 г.) было 45 женщин, состоявших в браке¹⁰². Из них 34 записаны как разночинские дочери (75,6 %), восемь – казачьи (17,8 %), две – дворянские**, что составляет 4,4 %, и одна ямщицкая дочь (2,2 %).

Сложно сказать, насколько дорожили своим социальным статусом люди XVIII столетия. В исторической литературе некоторые сведения по этому вопросу встречаются в книге В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня». Этот автор пишет: «Само название или “чин” пашенного крестьянина звучало с достоинством, отмежевывая носителя его от боярских крестьян, помещичьих крестьян, архиерейских

* Постепенность этого процесса заключалась в том, что в середине XVIII в. сибирских земледельцев, бывших служилых, отнесли к категории разночинцев, что указывало на то, что они не были прямыми потомками пашенных и оброчных крестьян. Об этом см.: *Бояришнова З. Я.* О формировании сословия государственных крестьян в Сибири // Труды Томского государственного университета. – Томск, 1964. – Т. 177 : Вопросы истории Сибири. – Вып. I. – С. 47.

** В ревизских сказках указано именно так – «дворянские дочери» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3521. Л. 219). Но, возможно, речь идет о дочерях дворовых людей? Дворовых людей, однако, в Тарском уезде, как и в Сибири в целом, было мало, около 1 % от тяглого населения (См.: *Жеравина А. Н.* Рост крестьянского населения Западной Сибири в XVIII в. // Труды Томского государственного университета. – Томск, 1964. – Т. 177 : Вопросы истории Сибири. – Вып. I. – С. 14).

крестьян, патриарших крестьян, монастырских крестьян предуральской Руси. <...> Можно к этому добавить, что слово “мужик” никогда не прилагалось к пашенным крестьянам Илимского воеводства. <...> Укажем, наконец, что слово “пашенный” не сопрягалось с названиями других групп крестьянства. Говорили: хлебный обротчик, крестьянский сын, не прилагая эпитета “пашенный”. Даже потеряв свое положение... пашенный крестьянин нередко сохранял тень былого состояния и именовался: отставной пашенный крестьянин, прежней пашенный крестьянин или короче – “прежней пашенной”¹⁰³.

Эти сведения относятся к рубежу XVII–XVIII вв. Следует отметить, что Илимское воеводство на 74,5 % состояло из крестьян: по переписи 1722 г. здесь проживало 7871 душ м. п., крестьян из них было 5866¹⁰⁴. Так что, может быть, безусловное доминирование крестьян в обществе способствовало повышению престижа этой категории населения.

Становление сословия государственных крестьян постепенно уравнивало статус всех занимавшихся земледелием. Вероятнее всего, потребность выделить исконных крестьян все-таки была, потому что в ревизиях населения 1782–1795 гг. появилась особая категория, известная через женщин: дочери крестьянские, старинные¹⁰⁵. Это означает, что были и крестьяне старинные. А жили они в старинных деревнях и слободах. В Тарском уезде, например, в документах ревизии 1782 г. старинными были названы Татмыцкая слобода, деревни Качусова, Бызинская, Артынская¹⁰⁶. Если учесть, что потомки служилых людей в середине XVIII в. считались разночинцами и по этому признаку отделялись от потомков крестьян, записанных так еще в документах начала XVIII в., то под крестьянами старинными можно понимать потомков именно крестьян.

Подчеркну, что категория крестьян старинных выявляется только через записи о женщинах, вышедших замуж. Известно об этой категории мало, и вопрос о ее сути остается спорным. Например, В. П. Пушкин полагает, что эта категория связана со временем замужества женщин: выданные замуж ранее 1782 г. – старинные дочери крестьянские, остальные пишутся как «выдана в замужество»¹⁰⁷. Категория крестьян старинных была, однако, была введена в делопроизводство значительно раньше 1782 г. Н. А. Миненко упоминает, что в 1700 г. сын боярский Петр Текутьев имел девять душ мужского пола «старинных крепостных людей русской породы», которые проживали в Тюменском уезде¹⁰⁸. В. И. Шунков опубликовал жалобу крестьян с. Ростесы 1670 г. на «старых крестьян»¹⁰⁹.

Из очень немногочисленных публикаций, упоминающих крестьян старинных XVII–XVIII вв., становится ясно, что это отнюдь не сибирская категория. Известны они и на Урале. Опубликованные В. П. Пушкиным материалы позволяют определить, как много их было. Как пишет этот автор, в Сепычевской волости Пермского наместничества ревизией населения 1795 г. было учтено 1289 чел., в том числе 703 женщины разного возраста; 237 из них (33,7 %) были записаны как дочери крестьянские, старинные¹¹⁰. Провести такие подсчеты по сибирским уездам невозможно, так как в нашем распоряжении нет полных выписок из ревизских сказок. Но и «на глазок» видно, что чем выше был процент крестьян в поселении до начала изменений в сословной структуре, тем больше старинных крестьян обнаруживается там в ревизиях 1782 и 1795 гг.

Думается, что существовали проблемы с адекватным восприятием «крестьян старинных» на бытовом уровне. В Сибири имелось и активно применялось «право старины», отдаленно напоминавшее некоторые из привилегий старинных крестьян «Соборного уложения». В. И. Шунков убедительно доказывает, что старина (давность проживания на одном месте) позволяла закреплять за собой земли

в Сибири уже с XVII столетия, несмотря на то что она «в сибирских условиях была значительно менее старинной, чем в Европейской России. “Старина” имела преимущественное, решающее значение, являясь часто единственным основанием владения, если отсутствовали крепости»¹¹¹. Мы уже упоминали жалобу, поданную на «старых крестьян» еще в 1670 г. Суть ее заключалась в том, что они могли позволить себе «сена ставить по 1000 и 1500 копен на человека», в то время как у «новых оброчных крестьян» не было даже покосов¹¹². Дозорные книги рубежа XVII–XVIII вв. включают множество материалов о том, как сибирские старожилы доказывали свое право владения землей и испрашивали у властей «выписи» и «крепости», закреплявшие его. И многие из них не были крестьянами, а числились служилыми людьми.

Итак, с одной стороны, в XVII–XVIII вв. существовала категория старинных жителей Сибири, имевших право на преимущественное пользование землей и угодьями по праву длительного проживания в Сибири. С другой стороны, были и потомственные, «старинные» крестьяне, названные так, потому что они из поколения в поколение числились крестьянами. Вероятно, чтобы не путать эти две категории сибиряков, в разговорной речи их называли по-разному, а используемые слова были далеки от номинаций, принятых в «канцелярском» языке. Вероятно, давно жившие на одном месте могли получить наименование «родчих», а крестьяне, как группа со сниженным статусом, получила название «челдонов».

Эта система по инерции, присущей социальным структурам, дошла до наших дней. Современное русское население Тарского Прииртышья может быть описано как совокупность ряда групп: старожилов (челдонов), российских разных групп (тамбы, резаны, лопотоны и др.), а также «просто русских». Результаты опроса по теме «Этническое самосознание русских сибиряков» отражены в таблице 13.

Таблица 13

Группы русских сибиряков в зависимости от места и времени сбора материалов

Назвали себя	По данным опросов, проведенных в следующие годы:					
	1998–2002		2004–2006		Всего за 1998–2006 гг., включая опрос 2003 г.	
	Старожильческие поселения		Переселенческие поселения			
	1*	2**	1	2	1	2
Только русскими	150	25,0	33	23,2	191	25,1
Челдонами	183	30,4	14	9,9	199	26,2
Сибиряками	119	19,8	45	31,7	166	21,9
Российскими	79	13,1	26	18,3	106	14,0
Другими именами	70	11,6	24	16,9	97	12,8
<i>Итого</i>	601	100	142	100	759	100

* Количество человек, которые отнесли себя к этой группе.

** В % к общему числу опрошенных за указанный период.

В основе этногрупповой структуры, как представляется, лежала необходимость определить главенство одних групп над другими, установить преимущественные права на ресурсы – земли, покосы, общественные угодья. Обладание подобными правами в общественном сознании было увязано с фактом рождения на сибирской земле, длительностью обладания ею, мифологизацией пространства как земли предков, что отражается в коллективной исторической памяти. Соот-

ветственно, помимо старожилов (родчих, чалдонов/челдонов), были в общественном сознании выделены и переселенцы (российские), а также стоявшие особняком казаки и кержаки.

Один раз выработанная и выраженная в этногрупповых названиях идентичность является для членов группы, объединенных этим самосознанием, завещанием предков, поскольку, как убеждены многие респонденты, передается от отца (или обоих родителей) детям. В этом, очевидно, заключается и причина длительного сохранения в сознании русских сибиряков реликтовой по отношению к нашим дням этногрупповой структуры их сообщества.

Характеристика населения Тарского Прииртышья важна еще и потому, что современной научной традицией стало рассмотрение культурных явлений исходя (или: с учетом) этногрупповой структуры изучаемого народа. Нигде в этих местах мы не нашли бы поселения, жизнь в котором протекала бы в замкнутом коллективе, без притоков людей извне. А это значит, что и местная культура постоянно изменялась под давлением традиций и привычек новых поселенцев.

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М., 1983. – С. 81–82; Этнические процессы в современном мире / Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, С. А. Арутюнов [и др.]. – М., 1987. – С. 6.

² Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – С. 49–55 (в данном разделе рассматривается территория Тарского уезда).

³ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981. – С. 246–247.

⁴ Краткий обзор вопроса см.: Бережнова М. Л. Группы русских сибиряков (к вопросу об их выделении в отечественной истории и этнографии) // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 2005.

⁵ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1892.

⁶ Головачев П. М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. – М., 1902. – С. 142–169.

⁷ Виноградов Г. С. : 1) Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири : Восточная Сибирь. Тулуновская волость. Нижнеудинский уезд. Иркутская губерния // Записки Тулуновского отделения Общества изучения Сибири. – Иркутск, 1918. – Кн. 1; 2) Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожильского населения Сибири // Сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. – Иркутск, 1923. – Вып. V.

⁸ Маслова Г. С., Сабурова Л. М. Этнографическое изучение русского населения Восточной Сибири // Советская этнография. – 1958. – № 3.

⁹ См., например: Тихонов С. С., Томилов Н. А. Этнографо-археологические комплексы: проблемы конструирования и изучения (по материалам культуры татар и русских Тарского Прииртышья XVI–XX вв.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2; Тамауров С. Ф. Русские в Тарском Прииртышье // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002 и др.

¹⁰ Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск, 1981. – С. 114.

¹¹ Там же.

¹² Бахрушин С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVII и XVIII веках // Научные труды. – М., 1959. – Т. IV. – С. 196.

¹³ Долгих Б. О. Указ. соч.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1182. Л. 348–391; Кн. 1199.

¹⁵ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁶ Там же. Л. 370 об. – 371.

¹⁷ Там же. Л. 365.

¹⁸ Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. – М., 1955. – Т. III, ч. 2. – С. 157.

- ¹⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 367, 367 об., 368.
- ²⁰ Там же. Л. 365.
- ²¹ *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. – С. 153–175.
- ²² *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – С. 49.
- ²³ *Томилов Н. А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины... – С. 145.
- ²⁴ См., например: *Корусенко С. Н.* Расселение татар Тарского Прииртышья (XVII–XX века) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 9. – Омск, 2006. – С. 229; *Тихонов С. С.* : 1) Система расселения аборигенов и проблемы ее изучения // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Владивосток, 2003; 2) Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г. Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 8. – Омск, 2004.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 361 об. – 362 об.
- ²⁶ *Бахрушин С. В.* Служилые сибирские татары в XVII в. – С. 165.
- ²⁷ *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М., 1976. – С. 84.
- ²⁸ Там же. С. 87.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 348 об., 349, 352 об.
- ³⁰ *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. – С. 170.
- ³¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 377 об.
- ³² Там же. Л. 357.
- ³³ Там же. Л. 384.
- ³⁴ Там же. Л. 388 об.
- ³⁵ Там же. Л. 377 об. – 378.
- ³⁶ *Валеев Ф. Т.* Сибирские татары: культура и быт. – Казань, 1992. – С. 29.
- ³⁷ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – М., 1999. – Т. 1. – С. 196.
- ³⁸ *Бустанов А. К., Корусенко С. Н.* Родословные сибирских бухарцев: Имяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2 (42). – С. 99.
- ³⁹ *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – С. 54.
- ⁴⁰ Там же. С. 53.
- ⁴¹ *Аполлова Н. Г.* Указ. соч. – С. 102.
- ⁴² *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – М., 1895. – Ч. 1. – С. 66.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 56.
- ⁴⁵ *Аполлова Н. Г.* Указ. соч. – С. 102.
- ⁴⁶ См.: *Бахрушин С. В.* Сибирские служилые татары в XVII в. – М., 1955. – С. 165.
- ⁴⁷ *Корусенко С. Н.* Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск, 2006. – С. 110–112.
- ⁴⁸ Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 92.
- ⁴⁹ *Корусенко С. Н.* Указ. соч. – С. 43.
- ⁵⁰ *Бустанов А. К., Корусенко С. Н.* Указ. соч.
- ⁵¹ *Корусенко С. Н.* Указ. соч. – С. 45.
- ⁵² РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 364–364 об.
- ⁵³ Там же. Л. 369 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 348–348 об.
- ⁵⁵ *Сатлыкова Р. К.* Хозяйственный уклад и семейный быт тарских татар // Проблемы истории СССР. – М., 1976. – Вып. V.
- ⁵⁶ *Томилов Н. А.* Указ. соч. – С. 143.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1199. Л. 18 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 21.

⁶⁰ Тихонов С. С. Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г. Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8.

⁶¹ Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). – Казань, 2010. – С. 96.

⁶² Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в обществе истории и древностей российских. – М., 1868. – Кн. 2. Оттиск. – С. 71.

⁶³ ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 1168 об.

⁶⁴ Подробнее о новокрещенных татарах см.: Крих А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). – Омск, 2012.

⁶⁵ Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 620. Л. 451.

⁶⁶ Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.): сборник правовых актов и документов. – Тюмень, 1999. – С. 155.

⁶⁷ ГИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620. Л. 30.

⁶⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 138. Л. 183.

⁶⁹ Там же. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2167.

⁷⁰ Лосева З. К., Томилов Н. А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири. – Томск, 1980. – С. 24.

⁷¹ ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2.

⁷² Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – М., 1976; Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Омск, 1973; Миненко Н. А. Освоение русскими Среднего Прииртышья на рубеже XVII–XVIII вв. // Исторический опыт освоения Сибири : Бахрушинские чтения 1985 г. – Новосибирск, 1986.

⁷³ Курилов В. Н. : 1) Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия : дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002; 2) Система расселения в Юго-Западной Сибири в середине XIX в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск, 1989.

⁷⁴ Обзор работ по этой теме см.: Томилов Н. А. : 1) Этноархеология: понятие, объектно-предметная и проблемная сфера // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2002. – Т. 5; 2) Археолого-этнографическое направление в российской науке конца XVII–XX вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 6.

⁷⁵ Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – С. 17.

⁷⁶ Аполлова Н. Г. Указ. соч. – С. 47.

⁷⁷ Бережнова М. Л., Корусенко С. Н. Евгашина, она же Елгашина, она же Изюк: ранний период истории старинного сибирского села // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск ; Ханты-Мансийск, 2002.

⁷⁸ Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. – М., 1973. – С. 103–104.

⁷⁹ Колесников А. Д. Указ. соч. – С. 210.

⁸⁰ Аполлова Н. Г. Указ. соч. – С. 124.

⁸¹ Колесников А. Д. Указ. соч. – С. 209–210, 213.

⁸² Аполлова Н. Г. Указ. соч. – С. 127.

⁸³ Колесников А. Д. Указ. соч. – С. 212.

⁸⁴ Колесников А. Д. Омский и Тарский уезд в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 г. – Омск, 2002. – С. 27.

⁸⁵ Колесников А. Д. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в. // Известия Омского отделения Географического общества СССР. – Омск, 1964. – С. 79.

⁸⁶ Шелегина О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX вв. – М., 2001. – Вып. 2. – С. 21.

- ⁸⁷ *Бережнова М. Л.* История поселъги в Сибири, или Как чужая земля стала родиной // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире. – М., 2003. – С. 133.
- ⁸⁸ *Бардина П. Е.* Быт русских сибиряков Томского края. – Томск, 1995. – С. 18.
- ⁸⁹ *Сизутов П. Т.* Типы сельского расселения в бассейне р. Тары (Омская область) // Материалы по географии населения. – Л., 1963. – Вып. 2. – С. 83.
- ⁹⁰ ГУТО ГАТ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2193. Л. 1–13.
- ⁹¹ Там же. Д. 2485. Л. 6–45.
- ⁹² Волости и населенные места. 1893 г. – СПб., 1894. – Вып. 10 : Тобольская губ. – С. 74.
- ⁹³ *Сизутов П. Т.* Указ. соч. – С. 83–84.
- ⁹⁴ Там же. С. 84.
- ⁹⁵ Материалы этнографической экспедиции (далее – МЭЭ) ОмГУ 2001 г. Полевая опись (далее – П. о.) 11. Л. 11 об.; П. о. 6. Л. 24 об.; П. о. 5. Л. 11.
- ⁹⁶ *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – СПб., 1891. – С. 268.
- ⁹⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 1–425.
- ⁹⁸ Подсчитано по: *Миненко Н. А.* Источники пополнения и сословный состав населения западносибирской деревни в начале XVIII в. // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1987. – С. 22.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 208 об. – 214 об.
- ¹⁰⁰ *Миненко Н. А.* Указ. соч. – С. 21.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3520. Л. 91–96.
- ¹⁰² Там же. Д. 3521. Л. 215 об. – 221 об.
- ¹⁰³ *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. – Иркутск, 1949. – Т. I : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – С. 230–231.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 117.
- ¹⁰⁵ См., например, ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31 : Ревизские сказки 1782 г. Тарского округа Тобольского наместничества; Д. 63 : Ревизские сказки 1795 г. Тарского округа Тобольского наместничества и др.
- ¹⁰⁶ ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 31. Л. 143, 189, 207 об., 211.
- ¹⁰⁷ *Пушков В. П.* Ревизская сказка 1795 г. по сельцу Сепыч как источник по истории старообрядцев Верхокамья // Мир старообрядчества. История и современность. – М., 1999. – Вып. 5.
- ¹⁰⁸ *Миненко Н. А.* Указ. соч. – С. 24.
- ¹⁰⁹ *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. – М. ; Л., 1946. – С. 88.
- ¹¹⁰ Подсчитано по: *Пушков В. П.* Указ. соч. – С. 66, 68–70.
- ¹¹¹ *Шунков В. И.* Указ. соч. – С. 85.
- ¹¹² Там же. С. 88.

ГЛАВА 4

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И СОЦИУМА НАСЕЛЕНИЯ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

§ 1. Проблемы выделения и классификации археологических и этнографических источников

В этой главе рассматриваются источники этноархеологических исследований. Сложившаяся в современном источниковедении ситуация требует объяснения авторских подходов к написанию этой главы.

В современной науке существует ряд подходов к анализу источников и их классификации. Существенным является то, что всё чаще источниковедение ставит вопрос о познаваемости исторического прошлого. В связи с этим сохраняется предложенное еще в XIX в. деление источников на предания (исторические факты в истолковании современников или людей более позднего времени или, по другому толкованию, придуманные специально) и остатки (всё сохранившееся от самих исторических явлений, начиная от физических останков людей до документов)¹. Актуальность этого принципа деления источников заключается в разнице отношения современных историков к сведениям, которые можно почерпнуть из этих источников. Остатки обычно считаются более достоверными, чем предания, сама цель создания которых так или иначе влияла на содержание. Этот принцип особенно ярко проявляется при сравнении так называемых «археологических» и «этнографических» источников: первые в основном – остатки, вторые по большей части – предания.

Позже стали создаваться классификации источников, где источники делились по разным признакам. Несмотря на интерес к этой проблеме в отечественной науке, сложившийся еще в 1930-х гг., единый подход к классификации источников не был выработан ни тогда, ни позже. Тем не менее стало закрепляться деление, согласно которому источники могут быть отнесены к вещественным, письменным, устным, этнографическим, данным языка, а также к фоническим (звуковым), изобразительным и многим другим видам². В советской исторической науке и в 1960–1980-х гг. предпринимались исследования, направленные на классификацию исторических источников, обосновывались принципы такого деления. В результате появились работы, в которых группы источников получили название и общую характеристику. Особенно хорошо описаны и классифицированы письменные источники.

Между тем другие группы источников также требуют источниковедческой характеристики, дальнейшего деления по типам и т. д. В этом отношении археологические и этнографические источники находятся в схожем положении: работ по этой проблематике мало (хотя археологические источники изучены лучше), их авторы зачастую высказывают мало согласующиеся между собой идеи. Археологи и этнографы, изучающие конкретно-историческую проблематику, вообще характеризуют источники достаточно скупо, полагая, что если их работы посвящены анализу конкретных памятников или этнографических феноменов, то основная

часть работы является по сути источниковедческим анализом. Рассмотрим высказанные положения подробнее.

Определение понятий «Археологические/этнографические источники»

Существует ряд определений понятия «археологические источники». Сам термин относительно редко трактуется в научной литературе, но является обязательным для упоминания в учебной литературе. При этом с течением времени понятия получают новые трактовки, в ряде случаев сильно измененные даже в разновременных трудах одного автора. В наиболее авторитетных учебных пособиях можем прочесть следующее.

«Археологические источники – это остатки культуры далекого прошлого, отделенного от нас временем и различными традициями. <...> Они по-своему односторонни и неполны, в них содержится различная по уровню историческая информация. <...> Поэтому археологические источники не могут быть безоговорочно историческими»³. «Археологические источники многообразны, но в большинстве своем они предметны. Археологический памятник становится археологическим источником только в результате раскопок, полевых археологических исследований или других исследовательских процедур. Полученный таким образом комплекс материалов представлен чертежами, фото- и видеоматериалами, дневниковыми записками, коллекциями полученных предметов и взятыми на анализ образцами»⁴.

Казалось бы, что одно высказывание продолжает другое, но в действительности эти два определения включены по отдельности в два разновременных учебника одного автора – А. И. Мартынова, и публикации разделены более чем 20-летним промежутком. Подчеркнем, что более позднее из определений устанавливает связь между понятиями «археологический памятник» и «археологический источник» и включает упоминание о форме хранения археологических материалов (чертежи, фото- и видеоматериалы и т. д.).

А. И. Мартынов приводит также определение археологических памятников – «это остатки деятельности людей в ту или иную археологическую эпоху. Будучи органично связанными с природной средой, с ландшафтом, археологические памятники являются недвижимыми. <...> После того как по разным причинам они (археологические памятники. – *Авт.*) перестали быть объектами человеческой деятельности, они подвергались археологизации, т. е. стали омертвленными...»⁵.

В учебнике «Археология» под редакцией В. Л. Янина понятие источника встречается только в определении самой науки: «Археология – отрасль исторической науки, изучающая прошлое человечества преимущественно на основе вещественных исторических источников, или археологических памятников в широком смысле слова»⁶. Здесь декларируется синонимичность понятий «вещественные исторические источники» и «археологические памятники», а понятие «археологические источники» отсутствует совсем. Обращает на себя внимание и утверждение о том, что вещественные источники – разновидность исторических источников, что идет вразрез с определением А. И. Мартынова 1982 г. и противоречит положениям Л. С. Клейна, изложенным в книге «Археологические источники» – одной из самых авторитетных работ на эту тему до сих пор.

По мнению Л. С. Клейна, в 1930-е гг. в советской науке археологические памятники стали превращаться в исторические источники как маркер «историзации» археологии. Позже, уже в 1950-е гг., понятия «исторические источники» и «археологические памятники» были совмещены в термине «археологические источники»⁷. Само слово «источник» связало представление об исторических источниках и археологических материалах, что, по мнению Клейна, неверно, так как историки са-

мостоятельно не в силах провести квалифицированный анализ вещественных источников⁸. По выражению этого автора, для перевода с «языка вещей» на общенаучный язык требуются специальные знания и особая методика, специальная наука – археология⁹. Определение археологического источника было сформулировано так: «Древние вещественные источники... принято называть археологическими»⁹.

В развернутой форме определение археологического источника Л. С. Клейн включил в раздел «Терминологический словарь» книги «Археологическая типология»: «Источник археологический – древний вещественный (т. е. культурный материальный) источник информации; вещественный объект, относительно которого информация о его функциях и связях в культуре, о близко родственных ему объектах утрачена или сильно пострадала и трудно поддается восстановлению»¹⁰. Таким образом, по Клейну, археологический источник – это особый случай археологических материалов. Термин «археологические материалы» этот автор также не использует, вводя понятие «археологический объект» – «обособленный объект, подлежащий ведению археологии»¹¹. Определение исторического источника, данное Л. С. Клейном, сильно отличается от предлагаемых другими авторами. Очевидно, что единства по этому вопросу среди археологов нет, но есть обозначенные позиции и понимание, пусть неоднозначное, исследуемого феномена.

С понятием этнографического источника дело обстоит хуже^{**}. Уже с первого учебника по этнографии на русском языке сложилась традиция смешивать понятие этнографических источников с историей их сбора (фактически – с историей науки или, уже, с историей полевой этнографии)¹². Такая же традиция сохранилась и во второй половине XX в., хотя появились и вариации на эту тему. Так, в малоизвестном, но для своего времени едва ли не единственном учебнике «История первобытного общества и основы этнографии» использовался термин «этнографические источники», который не получил никакой дефиниции: этнографические источники отождествлялись с любыми данными этнографической науки. Синонимом к термину «этнографические источники» выступало слово «этнография». И только в одной фразе было упомянуто, что этнографические, как и археологические, источники – это источники вещественные¹³.

Понятие «этнографические источники» в ряде работ подменялось вопросом о сборе этнографических данных¹⁴, описывалось через перечисление видов источников, которые можно использовать в этнографических исследованиях¹⁵. В учебниках, подготовленных на кафедре этнологии Московского государственного университета в 1994 и 2007 гг., источниковедческий очерк, по сравнению с предыдущими изданиями, был расширен. В нем излагается представление об источниках как остатках и преданиях (меморатах) с уточнением, что речь идет об этнологических источниках, вводится понятие критики источника с целью установления, содержит ли он этнологическую информацию, и дается определение

* Сравните с утверждением М. Н. Тихомирова: «Область этнографических источников очень велика. Она требует особого подхода и не всегда доступна для историков без предварительного изучения этнографии» (*Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века.* – М., 1940. – С. 9). Это положение автор не включил в переиздание книги, состоявшееся в 1962 г.

** Здесь не будет рассматриваться вопрос о соотношении этнографии и этнологии, так как этнографы омской школы полагают, что разница между этими дисциплинами заключается только в выборе названия науки. Понятия «этнографический» и «этнологический» источник признаются тождественными, а выбор термина в каждом конкретном случае зависит от того, какая точка зрения других авторов анализируется. Авторский вариант термина – «этнографические источники».

этнологического источника – это «всякое явление, которое может быть использовано для извлечения сведений об этнических объектах»¹⁶. Очевидно, что эта формулировка – калька с определения исторического источника.

Вообще сложилось устойчивое мнение, что едва ли не единственной специальной работой об этнографических источниках являются тезисы доклада Н. В. Лукиной на V Западносибирском археолого-этнографическом совещании, опубликованные более 30 лет назад¹⁷. В этой работе признается, что определение этнографического источника не дано, но исследователи «плодотворно разрабатывают два аспекта этнографического источниковедения: 1) использование в качестве этнографического источника данных других наук и «косвенных» данных; 2) использование этнографических данных в качестве исторического источника».

Н. В. Лукина отметила и то, что, пока этнографы не особенно заинтересованы в определении понятия «этнографический источник», анализ этнографических источников проводят специалисты-источниковеды. В источниковедческой литературе не сложилось единой точки зрения по этому вопросу, а высказанные соображения можно свести к трем основным положениям, так определяющим понятие «этнографический источник»:

- это источник по преимуществу вещественный;
- это поведенческий источник;
- это комплексный источник, суть которого раскрывается при характеристике разнообразных источников, дающих информацию по этнографии.

Самая аморфная из этих точек зрения – последняя, но она же и является самой популярной, фактически совпадая с приведенным определением этнологического источника. Эта точка зрения отражена и в одном из самых пространственных текстов, посвященных характеристике этнографических источников, – в разделе «Типы исторических источников» монографии Л. Н. Пушкарева¹⁸. С точки зрения современных исследовательских практик, наиболее экзотическим является определение этнографического источника как поведенческого, под которым понимают «визуально наблюдаемые обычаи и обряды – коллективные и индивидуальные действия»¹⁹. Считается, что мнение о вещественности этнографического источника устарело*, сейчас вещественные источники понимаются как часть используемых в этнографических исследованиях источников. Среди устаревших точек зрения еще памятно представление о пережитках как этнографическом источнике²⁰. Особняком стоит определение В. А. Козьмина, который считает, что этнографический источник – это «определенная информация, полученная методом непосредственного наблюдения и характеризующая реально бытующую традиционную бытовую культуру этнической общности»²¹.

Методика археологического/этнографического исследования

«В археологических исследованиях разработаны не теоретические проблемы археологического источниковедения, а методика исследований», – писал несколько десятилетий назад Л. С. Клейн²², ссылаясь при этом на работу «Анализ археологических источников»²³. Действительно, в этой монографии говорится о структу-

* Но такую точку зрения можно встретить и в современных работах: «...в существующих классификациях этнографические источники обобщенно выделены в самостоятельный вид. Однако в данном случае теория подразумевает под этнографическими источниками материальные артефакты жизнедеятельности и культуры этноса» (Якупов Р. И., Кузеев И. Э. Этнология, источниковедение, архивоведение: актуальный альянс // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. – Уфа, 2010. – № 6. – С. 54).

ре археологического исследования и методах работы с археологическими материалами. Уже на первых страницах ее авторы (И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, А. Я. Шер) переходят от понятия «археологический источник» (ими не определенный) к понятию «вещественный источник», а затем на первый план выходит проблема «языка» вещественных источников, который, как пишут авторы, «понятен археологу». Отсюда следует, что «первую внутриархеологическую проблему, требующую формализованного анализа, можно сформулировать как проблему точного описания археологических фактов и наблюдений, т. е. “языка” вещественных источников (дескриптивный анализ)»²⁴.

В отечественной этнографической науке до сих пор популярно и фактически не заменено более поздними работами пособие Г. Г. Громова «Методика этнографических экспедиций»²⁵. Автор декларирует, что в книге изложена именно «методика этнографических экспедиций» (с. 3), но уже на следующей, четвертой, странице указывает, что «этнографы используют самые разнообразные исторические источники... <...> Однако одним из основных источников этнографии являются материалы, которые этнографы собирают, непосредственно наблюдая живую действительность, что и отличает этнографию от многих других исторических дисциплин». В дальнейшем автор развивает эту мысль и пишет: «Нельзя также забывать, что работа в поле, в экспедиции – это лишь часть научной работы этнографа. И эту работу нельзя противопоставлять или отделять от изучения других этнографических источников: письменных, архивных, музейных и т. п.» (с. 9).

При сопоставлении приведенных цитат видим, что в археологии один шаг от «археологического источника» к методике работы, в этнографии – наоборот: от методики сбора материалов к «этнографическим источникам». До сих пор легитимна подмена понятий «археологический/этнографический источник» и «методика археологического/этнографического исследования (сбора материалов)».

Способы классификации археологического/этнографического источника

Определив содержание археологических/этнографических источников, авторы учебных пособий переходят к вопросам их классификации.

Л. С. Клейн подходит к вопросу с исторической точки зрения. Он начинает рассмотрение группировок с традиции объединять находки по материалу: «1) кремль (и другие кварцевые породы); 2) камень (мягкие породы); 3) кость и рог; 4) керамика; 5) металл: медь, сплавы на медной основе (бронза, латунь и т. п.), благородные металлы, железо; 6) дерево (древесина); 7) прочие органические вещества (кожа, ткани и т. п.)»²⁶. Далее автор приводит еще две схемы распределения материалов (отметим, Л. С. Клейн избегает таких терминов, как «классификация» или «типология»): по разделам социокультурной активности – собирательство, охота, рыболовство и т. д. (А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, 1935) и по функциональным блокам прошлой культуры, некогда живой, – пища, одежда, социальная организация, религия и т. д. (У. Тейлор, 1948)²⁷.

В учебной литературе последнего времени студентов знакомят с мнением, что археологические источники представлены несколькими группами: орудия труда, оружие (вооружение), предметы быта, материалы духовной культуры, украшения²⁸. В свою очередь среди археологических памятников выделяют поселения, погребальные комплексы (включая кладбища, грунтовые могильники, курганные могильники и т. д.), памятники производственной деятельности, клады, архитектурные памятники, изобразительные памятники, каменные изваяния и петроглифы, а также подводные памятники²⁹.

В учебной этнографической литературе также сложились традиции классификации источников, наиболее четко они выражены в пособии Р. Ф. Итса. Этот автор предлагал деление этнографических источников на материалы полевых этнографических исследований, музейные коллекции, свидетельства исторических памятников, фольклорные записи, археологические комплексы и т. д. Он указывал также на необходимость использования «источников и фактов смежных наук»³⁰. Если рассматривать формально это деление источников, то нетрудно заметить отсутствие единого принципа их систематизации. Музейные коллекции выделяются по месту хранения, материалы полевых исследований и археологические комплексы – по методике сбора, свидетельства исторических памятников – по способу фиксирования, фольклорные записи – по содержательному плану. Однако подобное деление было предложено читателям и в учебниках по этнологии 1994 и 2007 гг.³¹

Н. В. Лукина, рассуждая о проблемах этнографического источниковедения и полемизируя со специалистами-источниковедами, предложила свою классификацию этнографических источников: вещественные (совокупность всех предметов, изучаемых этнографами), лингвистические (т. е. терминология, которая собирается этнографами), фольклорные (без пояснения по содержательному плану, но со ссылкой на К. В. Чистова и М. М. Громько), кино-, фото-, фонодокументы, письменные источники (со ссылкой на А. И. Андреева по особенностям использования письменных свидетельств в этнографических исследованиях)³².

Основной недостаток частных классификаций разнотипных исторических источников отметил Л. Н. Пушкарев, который писал, что «основанием деления при классификации источников должно быть самое общее, самое основное, самое существенное свойство (качество) источника... <...> такой наиболее общей, наиболее существенной его чертой как раз и является способ кодирования содержащейся в источнике информации – результата воплощения и отображения действительности. Именно этот способ и должен быть положен в основание деления, результатом которого и будет деление источников на типы. Выбор данного основания деления позволяет наметить не только определенные типы источников, но и, объяснив наличие переходных типов, подчеркнуть непрерывность деления и возможность возникновения новых типов источников». Иллюстрируя это теоретическое положение, Пушкарев писал далее: «Между типами письменных и устных источников фольклористы в последнее время стали выделять особую группу фольклорных источников, имеющих письменную форму бытования. Близость устных (фольклорных) источников к этнографическим настолько очевидна, что многие жанры так называемого обрядового фольклора (песни, заговоры и т. д.) имеют равное значение и как фольклорный, и как этнографический источник. Особенно трудно разграничить фото-, кино- и фонодокументы, ибо зачастую на одной ленте дается синхронная запись и звука, и изображения и т. д.»³³.

Таким образом, все ученые, анализирувавшие феномен этнографического источника, признавали его комплексность, что и было основной трудностью при составлении классификации источников. Ситуация еще осложнилась при введении в широкий научный оборот понятия «устные источники». Характерной особенностью этого источника признают особые методики фиксации материала при сборе рассказов о прошлом. Не особенно дискутируется вопрос о соотношении устно-исторических и этнографических источников, но очевидна родственность этих материалов. В зависимости от направления беседы одно и то же интервью может содержать как сведения об историческом прошлом изучаемой группы людей, так и данные о традиционной (традиционно-бытовой, народной) культуре,

что, по современным представлениям, относится к сфере этнографии. С точки зрения устной истории как научной дисциплины, фольклорно-этнографические источники относятся к устной традиции³⁴.

Эти рассуждения ведут к постановке вопроса (уже в который раз!) о существовании особого «этнографического» источника. Н. В. Лукина считала, что феномен специфического этнографического источника остается малоисследованным, потому что «авторы многих исследований являются прекрасными полевиками... <...> но источниковедческий анализ этого (собранного ими. – *Авт.*) материала бывает неоправданно скуп, а иногда об основных источниках монографии можно больше узнать из рецензии на нее»³⁵.

Между тем за 30 прошедших с той поры лет серьезно вопросы этнографического источниковедения так и не были рассмотрены. В настоящее время в сети Интернет распространено учебное пособие В. А. Козьмина «Полевая этнография», в котором автор ставит ряд проблем этнографического источниковедения*. В частности, автор предлагает в структуре этнографического источника выделять «первичные источники», которые он считает основным видом этнографического источника и понимает под ними «овеществленные явления культуры или этнографические предметы. Они объективны в связи с тем, что созданы самим народом и не предполагают информационного и языкового барьеров между предметом и исследователем историком». Другой тип этнографических источников – «вторичные источники», которые создаются самими исследователями-этнографами в виде полевых записей личных наблюдений и сведений о явлениях культуры, собранных путем опроса. Далее В. А. Козьмин пишет, что этнографический источник по степени объективизации заложенной в нем информации историка отождествляют с «литературными источниками», т. е. понижают его «источниковый ранг», и признает, что «такое отношение к этнографическому источнику со стороны историков вполне объяснимо. Этнографами не создано разработок по определению специфики этнографического источника, анализа процедуры сбора этнографических данных...»³⁶. Отсюда и следует вывод автора, согласно которому историк должен получить этнографический источник в виде доступного исследованию объекта. «Это... предполагает расшифровку и критику информации, заложенной в источнике исследователем, формирующим данный вид исторического источника. Это обстоятельство должно снимать определенный элемент “недоверия” по отношению к информативному качеству этнографического источника со стороны историков»³⁷.

Приведенные сведения показывают, что этнографо-археологические сопоставительные исследования осложняются несходством решения в археологии и этнографии источниковедческих проблем. Тем сложнее было определить пути характеристики источников по этнографии русских и татар в этой работе. Впервые, согласно методике сбора этнографических материалов, все собранные в этнографических экспедициях материалы должны быть зафиксированы, т. е.

* Книгу «Полевая этнография» предваряют следующие слова А. В. Козьмина: «Настоящий текст планировался к изданию в конце 80-х гг. XX столетия в виде учебного пособия, которое типографским способом издать так и не удалось. Он является кратким изложением курса “Методика полевых этнографических исследований”, который в качестве курса специализации преподавался студентам кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета». В сети Интернет текст распространяется в виде файла в формате doc. Книга не датирована. Текст при авторском форматировании насчитывает 225 с. Следует признать, что распространение книги только как электронного ресурса выводит ее из широкого научного оборота.

материалы бесед записаны, данные наблюдений описаны, зарисованы, сфотографированы и т. д. Мы предлагаем такое решение этой дилеммы: существуют разработанные методы сбора материалов в этнографических экспедициях, применяя которые этнографы собирают материалы. По мере фиксации собранные материалы становятся источниками письменными, фото-, фоно-, видеоматериалами, образительными и картографическими источниками. Такое понимание феномена собранных в наши дни источников не выделяет их из обширной среды исторических источников, а, напротив, вводит в нее, облегчая сравнение по сути однородных материалов. Более того, многие документы, доходящие до нас в письменном виде, изначально были устными: со слов записывались (и записываются) сведения по учету населения, современные похозяйственные книги и т. д. Эти соображения позволяют рассматривать этнографические материалы в соответствующих и давно привычных классах исторических источников, отказавшись от выделения особого разряда «этнографического источника», специфическую природу которого, как мы видим, никто объяснить не смог.

В этом кратком введении к разделу об источниках этнографо-археологических исследований рассмотрение вопросов археологического и этнографического источниковедения было предпринято на основе учебной литературы. В настоящее время в историческом сообществе устоялось мнение, что именно учебная литература аккумулирует и обобщает научный опыт для трансляции его научной молодежи в наиболее компактном виде. Эта особенность учебной литературы позволяет считать сформулированные в ней положения своего рода «эталонными». Однако научные практики показывают значительное разнообразие научных процедур, которые используются в конкретных исследованиях. Поэтому завершая обзор подходов к источниковой базе нашего коллективного исследования, проанализируем подходы исследователей к представлению источников в научных исследованиях.

Сложно корректно выбрать те исследования, которые могли бы проиллюстрировать этот вопрос. Поэтому обратимся к серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума», цель которой – знакомить научное сообщество с ходом этноархеологических исследований в новейшее время и которая является предшественницей этой коллективной работы. В ней были опубликованы две монографии, которые могли бы дать материал для освещения поставленного вопроса. В основу этих монографий были положены квалификационные труды, требования к которым достаточно строги. Работа М. А. Корусенко изначально готовилась как диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность – этнография), В. И. Соболева – доктора исторических наук (специальность – археология)³⁸. В обоих исследованиях был декларирован междисциплинарный подход, что, естественно, не могло не отразиться на подборе источниковой базы.

М. А. Корусенко делит источники, использованные в работе, на основные и дополнительные. К основным источникам он относит материалы этнографических экспедиций, которые в работе называются также и этнографическим источником, и «археологические материалы, сведенные в археологические отчеты, и их публикации»³⁹. К дополнительным источникам автор относит лингвистические и письменные источники. Этнографические источники характеризуются в основном через историю сбора материалов и использованные методики полевой работы.

В монографии В. И. Соболева «История сибирских ханств (по археологическим материалам)» источникам по истории сибирских ханств посвящена первая, значительная по объему часть монографии. В ней рассматриваются археологические памятники населения сибирских ханств, причем в отдельные разделы выде-

ляются жилища и хозяйственные постройки, а также погребальные комплексы. Типология и анализ вещественных источников составляют содержание специальной главы с разделами, посвященными керамическим комплексам, орудиям труда, предметам вооружения и т. д. Кроме того, автор дает характеристику «других видов источников» – письменных, этнографических и данных топонимики. Характеризуя этнографические источники, автор приводит короткую справку об истории сбора этнографических материалов, а далее указывает, что эти материалы опубликованы в «обобщающих статьях и монографических изданиях». Далее он называет сибирские музеи, в которых хранятся «остатки материальной культуры тюрко- и угроязычных народов лесостепной полосы Западной Сибири».

В. И. Соболев, обосновывая применение этнографических источников, писал: «Отличие археологических и этнографических источников заключается в основном в месте их “хранения” (культурный слой или социальная среда) и времени, которое они отражают»⁴⁰. Пожалуй, это одно из немногих прямых сопоставлений источников, которые положены в основу этноархеологических исследований. Из него следует, что в авторском понимании этнографические источники – это прежде всего вещественные источники, что, как мы видели, не является ведущей точкой зрения в этнографическом сообществе.

Повторим еще раз, что подходы к источниковедению двух наук, интегрированных в рамках изучения этнографо-археологических комплексов, не совпадают ни в рамках теоретических построений, ни на практике. Преодолеть эту несхожесть оказалось весьма сложно. Именно поэтому каждый последующий раздел этой главы несет на себе отпечаток той науки, которая «ведает» теми или иными источниками. Объединяет разделы стремление авторов показать историю сбора источников. При этом в археологии давно изученные памятники обычно рассматриваются как памятники с недополученной информацией из-за быстро развивающейся методики полевых археологических исследований. В этнографии, напротив, ценность материалов из-за давности сбора нарастает, так как прежде ученые фиксировали такие явления народной жизни, которые до наших дней или не сохранились, или подверглись трансформации. Изучение истории формирования археологических и этнографических коллекций вполне согласуется с теми практиками, что сложились в современной науке.

Вторая часть раздела по археологическим источникам представляет собой характеристику тех археологических памятников, материалы из которых используются для реконструкции этнографо-археологических комплексов. Описывая источники по истории и культуре населения Тарского Прииртышья, авторы характеризовали наиболее используемые в современных исследованиях этого региона исторические источники, следуя разработанным в источниковедении классификационным схемам. Поскольку речь в этом разделе идет о массовых источниках, дается их общая типологическая характеристика.

§ 2. Археологические источники

Археология сибирских татар

В Среднем Прииртышье по историческим источникам – картам С. У. Ремезова, дневникам известного ученого-сибироведа Г. Ф. Миллера – известно некоторое количество городов и городков XIV–XVI вв., связанных с существованием Сибирского ханства (Кызыл-Тура, Куллара, Ташаткан, Тунус, Черный городок и др.). Однако к концу XX в. ни один из этих исторических комплексов не был обнаружен и исследован. И это притом, что довольно большое количество исследователей

(историков, археологов, краеведов – В. П. Левашева, А. Ф. Палашенков, В. Н. Чернецов, В. А. Могильников, В. И. Соболев, Б. А. Конилов, Б. В. Мельников и др.) в разное время занималось изучением культуры населения Среднего Прииртышья периода позднего Средневековья. Пожалуй, первые шаги в этом направлении в конце 1990-х гг. сделал Е. М. Данченко, который на основе многолетних раскопок Красноярского городища в Усть-Ишимском районе Омской области, предположил, что этот памятник и есть легендарная Кызыл-Тура⁴¹.

Главная проблема, которую долгое время не могли решить, – это как связать археологические памятники XV–XVI вв. с конкретным этносом, т. е. сибирскими татарами, и соотнести эти комплексы с историческими источниками. В конце XX в. в западносибирской археологии сложилась парадоксальная ситуация, когда, несмотря на достаточно представительные раскопки многих средневековых археологических памятников, полученные богатые коллекции, в них так и не был выделен комплекс материальной культуры, который был бы соотнесен с титульным этносом ханства – сибирскими татарами.

Можно констатировать, что археологи остановились на уровне исследований М. С. Знаменского и В. П. Левашевой, в своих раскопках Искера и Вознесенского городища выделивших комплекс керамики и инвентаря и соотнесших их с татарским населением, обосновывая это отличием орнамента посуды от керамики конца I тыс. н. э. И тогда, и в настоящее время практически не изученным остается вопрос о материальной культуре этнических групп, участвовавших в сложении сибирских татар. Отсутствуют работы, которые бы анализировали посуду XIII–XIV вв. с памятников, расположенных на сопредельных (с областью расселения сибирских татар в XV–XVI вв.) территориях. Такая ситуация возникла вследствие того, что археологи подходили к татарским древностям через изучение более ранних памятников – времени раннего и развитого Средневековья (конец I – первая треть II тыс. н. э.). Поэтому при наличии на поселениях и городищах керамики XIV–XVI вв. ее формы и орнаментацию выводили как преемственную от более ранних хронологических комплексов, тем самым связывая ее с уграми. Только раскопки памятников XVII–XVIII вв. в Тарском Прииртышье (население, оставившее их, в переписях зарегистрировано как татарское, его потомки проживают на этой территории в настоящее время), предпринятые омскими археологами в последние 20 лет, позволили получить коллекции, которые могут быть использованы как эталонные для памятников сибирских татар более раннего времени. Исследования этих памятников позволили связать некоторые из них с известными по историческим источникам городами и городками Сибирского ханства.

Исследования археологических памятников, связанных с историей Сибирского ханства, начались во второй половине 1920-х гг., когда заведующая археологическим отделением Западно-Сибирского краевого музея В. П. Левашева на территории Барабы осуществила раскопки Вознесенского городища, городищ Игнатьевка, Чиняиха⁴². Несмотря на то что эти раскопки проводились за пределами Среднего Прииртышья, материалы барабинских городков дали артефакты (в том числе и оригинальную керамику) XIV–XV вв., которые стало возможным соотносить с культурой сибирских татар.

В Среднем Прииртышье на протяжении XX столетия археологические памятники XIV–XVI вв. несколько раз становились объектом исследования.

В 1949 г. Обь-Иртышская экспедиция Института истории материальной культуры под руководством В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской провела работы на территории городища Большой Лог в Омском районе Омской области. На ос-

новании раскопок ученые сделали вывод: «Верхний слой городища... к которому с уверенностью можно отнести ров и вал, принадлежит поселению, близкому по своему характеру к Вознесенскому городищу на р. Оми» и датировали его XII–XVI вв.⁴³ В 1961 г. Иртышский отряд Западно-Сибирской археологической экспедиции под руководством В. А. Могильникова осуществил раскопки на городище Новоникольское I (Голая сопка). В культурном слое городища был выделен комплекс XIII–XIV вв. н. э.⁴⁴ В 1962 г. В. А. Могильников исследовал городище Екатерининское V (Ананьевское) в Тарском районе, которое датировал XIII–XVI вв. По материалам раскопок ученым была опубликована статья⁴⁵. В 1965 г. на городище Большой Лог работала экспедиция Уральского государственного университета под руководством В. Ф. Генинга⁴⁶.

Первые попытки скоординировать работу ученых, занимавшихся исследованием археологических комплексов Сибирского ханства, в Омске были предприняты в рамках периодической конференции «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий», работавшей на базе Омского государственного университета в 1980–1990-е гг.

В 1993 г. в Омске под руководством Н. А. Томилова была создана научно-исследовательская археолого-этнографическая группа, задачей которой стало исследование феномена археолого-этнографического комплекса. Полигоном для исследований стало Тарское Прииртышье, где до настоящего времени проживает одна из групп сибирских татар – тарские татары. В 1993–2007 гг. здесь на археологических памятниках XVII–XIX вв. (городища Бергамак XV, поселения Черталы I, Бергамак III, Бергамак IX, Бергамак XI, Бергамак XX, Окунево XV, могильники Бергамак II, Окунево V, Черталы I), оставленных тарскими татарами (что зафиксировано в государственных ревизиях и переписях), состоялись комплексные этнографо-археологические исследования⁴⁷. Одним из важных результатов этих работ стало выделение комплекса посуды, являвшейся этническим маркером сибирских татар, проживавших в Среднем Прииртышье во второй половине II тыс. н. э.⁴⁸ Для ее обозначения стали употребляться термины «татарская керамика», «татарская посуда».

При изучении памятников тарских татар в низовьях р. Тары мы столкнулись с тем, что все (!) исследованные нами археологические комплексы датировались не ранее второй половины XVII в. В 2004–2005 гг. выявление более ранних татарских памятников было проведено... в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея, Музея археологии и этнографии Омского государственного педагогического университета. Здесь среди коллекций средневековых памятников Среднего Прииртышья были обнаружены материалы, сходные с ранее выделенным комплексом «татарской» посуды. «Татарская керамика» была обнаружена в коллекциях городищ Безымянное, Большой Лог, «Городок», «Ермакова крепость», Крапивка II, Новоникольское, Новоягодное II, Красноярское). Сразу стала очевидной причина, по которой большинство из этих памятников до настоящего времени оказались не соотнесенными с городками Сибирского ханства. Дело в том, что все они были многослойными комплексами, изучая которые авторы раскопок не придали значения небольшим комплексам непонятной керамики и инвентаря.

В 2003–2006 гг. А. В. Матвеев и С. Ф. Татауров провели исследования археологических памятников XIV–XVI вв. на реках Иртыш (Екатерининское V (Ананьевское), Уй (Кошкуль IV, Крапивка II) в пределах Тарского района, р. Таре (Надеждинка VII) в Муромцевском районе Омской области. Полученные в ходе изысканий материалы легли в основу настоящей работы, позволив соотнести

археологические памятники с городами, городками, военно-административными и другими центрами ханства Кучума. Перейдем к их рассмотрению.

Города и городки Сибирского ханства. Рассмотрение планиграфии городов и городков Сибирского ханства, анализ мест их расположения в пределах Среднего Прииртышья позволяют разделить всю их совокупность на две группы. Первую составили городки, расположенные в долине Иртыша, – г. Кызыл-Тура (Красноярское городище II), городок Куллара (городище Кип IV), городища Ново-ягодное II, Безмянное II, III, Крапивка II, Екатерининское V, Большой Лог. Каждый из них прикрывал значительный участок поймы Иртыша и приустьевые участки крупных его притоков, где располагались летние, зимние и стационарные поселения татар. Городки первой группы зачастую отличались большими размерами, сложной системой обороны, наличием постоянных жилищ. Вероятно, эту группу городов и городков уместно назвать военно-административными центрами.

Вторая группа укрепленных поселений Сибирского ханства была поставлена на правых притоках Иртыша (Таре, Уе, Шише), на расстоянии около 50–80 км от устья. Они являлись форпостами ханства на территории, которая совсем недавно принадлежала местному (угорскому или угорско-тюркскому) населению (городища Надеждинка VII, Бергамак XV на р. Таре, Кошкуль IV на р. Уй, Большая Пристань I на р. Шиш).

Военно-административные центры. Печально, но до последнего времени военно-административные центры Сибирского ханства целенаправленно как исторические комплексы не изучались, поэтому какая-либо интерпретация их роли в жизни государства фактически отсутствует, в лучшем случае в научных работах даются ссылки на работы Г. Ф. Миллера.

Город Кызыл-Тура вызывал наибольший интерес среди ученых, работавших в Среднем Прииртышье. Г. Ф. Миллер так описывает историю его возникновения: «Вначале на Ишиме правил Он-Сом хан, который близ устья Ишима, при впадении его в Иртыш, на крутом красном яру (по-татарски «кызыль-яру») имел свою резиденцию – укрепленный городок, окруженный тремя валами. Преемником Он-Сомы был Иртышак, после его поражения от тюменского хана Чингиса на реке Ишим стал править Саргачик, по имени которого некоторые ишимские татары называют себя саргачиками»⁴⁹. Л. Р. Кызласов считал, что Кызыл-Тура являлась «центром государства Тайбугидов», одним из военно-административных центров Сибирского юрта⁵⁰.

В настоящее время остатки г. Кызыл-туры соотносятся с городищем Красноярка II, открытым в 1961 г. В. А. Могильниковым во время разведки по Омской области. В отчете, предоставленном в Отдел полевых исследований Академии наук СССР, отмечалось, что площадка городища, укрепленная тремя рядами валов и рвов, имела площадь около 1500 кв. м. Высота валов относительно дна рвов достигала 2 м, а с напольной стороны – 0,75 м. В 1966 г. Могильников продолжил изучение памятника, раскопав около 100 кв. м.

Со второй половины 1990-х гг. исследованием Красноярского городища занимается археологическая экспедиция Омского государственного педагогического университета под руководством Е. М. Данченко, который считает, что Кызыл-Туру можно уверенно соотносить с Красноярским городищем. Одним из доказательств в пользу этого предположения является чертеж С. У. Ремезова, на котором «город царя Иртышака» помещен на правом берегу Иртыша, выше устья Ишима, между местом, обозначенным как «Красный Яр», и устьем небольшой речки. Означенная география совпадает с расположением Красноярского городища, которое находится ниже современной д. Красноярка и выше устья р. Утускун,

протекающей у подножия мыса. Совпадение топонимов «Кызыл-Тура» и «Красный Яр», по мнению Е. М. Данченко, также вряд ли носит случайный характер⁵¹.

В множестве разновременных культурных напластований Красноярского городища Данченко и его коллегам удалось выявить комплекс предметов, соотносимый со временем Сибирского ханства. Коллекция находок эпохи Средневековья включает глиняную и металлическую посуду, железные ножи и наконечники стрел, импортные бронзовые перстни, стеклянные бусы, бронзовые пряжки и обоймы, бронзовые фигурки, пряслица, изделия из кости.

История гибели г. Кызыл-Туры пока всё еще остается загадкой. Вероятно, этот крупный военно-административный центр потерял значение в ходе междоусобной войны Шейбанидов и Тайбугинов, еще до похода в Сибирь отряда Ермака. Согласно Ремезовской летописи, Кызыл-Тура была первым стольным градом Сибири, и в незапамятные времена здесь правил царь Иртышак. Позже тут обособились Шейбаниды – потомки Чингисхана. Тюменские князья Тайбугины были их вассалами и исправно поставляли в Кызыл-Туру ясак из Чимги-Туры (Тюмени). В 1480 г. шейбанид Ибрагим-хан неожиданно нагрянул с войском в Тюмень, убил своего вассала и зятя Мара Тайбугина. Объединив два престола, он перенес ставку из Кызыл-Туры в Тюмень.

В описании последнего похода Ермака вверх по Иртышу в числе упомянутых татарских городков (Ташеткан, Тебендя, Куллара), сведений о Кызыл-туре нет, хотя «при устье реки Ишима казакам пришлось опять встретить сильное сопротивление»⁵². Побывавший на развалинах крепости Кызыл-Туры через полтора столетия историк Иоганн Фальк видел разрушенную башню мечети и остатки каменного дома. В городище к тому времени уже никто не жил.

Городок Куллара описан Г. Ф. Миллером как укрепленное место на западном берегу Иртыша при оз. Аусаклу. «Это место служило для защиты границ от нападения калмыков, а потому на укрепление его уделялось много внимания, и по всему верхнему Иртышу не было лучше укрепленного места»⁵³. Ермак пытался взять этот городок в течение пяти дней, но так и не смог. Так как он торопился навстречу бухарскому каравану, то решил взять городок на обратном пути. Скорее всего, городок Куллара необходимо соотнести с городищем Кип IV, расположенным в 1,5 км к юго-востоку от д. Кип Тевризского района Омской области, в 0,4 км к северо-западу от д. Кипо-Кулары этого же района. Памятник находится на подтреугольном мысу, образованном первой надпойменной террасой левого берега Иртыша и коренным берегом р. Кип. Высота склона мыса 10 м. Примерная площадь городища 3000 кв. м. С напольной – юго-западной стороны городище оконтурено рвом и валом, от которых сохранилась лишь центральная часть. Размеры вала: ширина 4–5 м, высота 1,5 м, длина 32 м; рва: ширина от 2 до 6 м, глубина 0,5–0,6 м. С напольной стороны к городищу примыкает селище площадью около 1500 кв. м. В 1979 г. памятник был исследован раскопом 200 кв. м. В верхнем культурном слое памятника были обнаружены фрагменты лепной керамики, декорированные ямками, прочерченными горизонтальными каннелюрами, оттисками фигурного и гребенчатого штампов, датируемые эпохой Средневековья⁵⁴.

Новонильское городище I (Голая Сопка) находится в 0,23–0,3 км и юго-востоку от с. Никольск Усть-Ишимского района Омской области, в 0,1–0,15 км к северо-северо-востоку от Иртыша. Памятник расположен в юго-западной части останца первой надпойменной террасы правого берега Иртыша. Останец удален от основного берега на 40–70 м. Высота склонов останца от подошвы – 48 м, от уровня Иртыша – 58 м. Городище имеет овальную в плане форму и площадь около 1100 кв. м. С севера городище оконтурено рвом глубиной 5 м от внутренней

площадки городища, шириной до 10 м и валом высотой 2–3,5 м от уровня рва и шириной до 6 м у основания.

В 1913 г. Н. И. Бортвин произвел раскопки памятника площадью 364 кв. м. В 1961 г. В. А. Могильников исследовал городище раскопом площадью 124 кв. м. В многокомпонентном культурном слое городища был выделен керамический комплекс XIII–XIV вв. Это керамика грубой выделки, толстостенная, иногда с лощением с внутренней стороны. Ее орнамент – крупная грубая гребенка вдоль венчика и крупные жемчужины⁵⁵. В. А. Могильниковым на городище были обнаружены остатки наземных жилищ XIII–XIV вв., представленных глинобитными площадками размерами 2,4–3,2 × 2,6 м, толщиной 0,3 м. Исследователь интерпретировал их как остатки полов или очагов⁵⁶. Датировка жилищ была произведена по обнаруженному кресалу, подобному встречающимся в Новгороде и относящимся к первой половине XIV в.

Новоникольское городище IV расположено в северо-восточной части останца первой надпойменной террасы правого берега Иртыша, в 0,35 км к юго-востоку от с. Никольск Усть-Ишимского района. Останец расположен в 50–60 м от основного берега. Высота останца от уровня Иртыша около 67 м. Площадь памятника около 2000 кв. м. Городище имеет трапецевидную в плане форму.

Впервые обследование городища в 1959 г. провел омский краевед А. Ф. Палашенков. В. А. Могильников производил раскопки в 1961 г. Площадь раскопа составила 71 кв. м. Им было полностью раскопано жилище XIV–XV вв. Это четырехугольное столбовое наземное жилище площадью 13 кв. м, с полом, углубленным в материк на 0,2 м. В жилище было обнаружено два открытых очага, несколько смещенных от центра. Было установлено, что пазы между столбами основы промазывались глиной⁵⁷. Среди представительной коллекции находок с территории Новоникольского IV городища, хранящейся в Омском историко-краеведческом музее, значительное количество предметов среднеазиатского происхождения – фрагменты металлической посуды и гончарной керамики.

На правом берегу Иртыша, практически напротив современного г. Тары, в XVI в. располагались два татарских городка, известные нам как городища Безымянное II и III.

Городище Безымянное II было выявлено и обследовано В. Н. Чернецовым в 1945 г. В 1962 г. памятник раскопом площадью 36 кв. м был обследован Иртышским отрядом Западносибирской археологической экспедиции под руководством В. А. Могильникова. Городище находится в 6,4 км к северо-западу от с. Екатерининское Тарского района Омской области. Оно расположено на коренной правобережной террасе Иртыша, возвышающейся над уровнем поймы примерно на 40 м. Общая площадь памятника (площадка и укрепления) около 530 кв. м. С южной стороны площадка городища защищена крутыми склонами террасы, с юго-западной и восточной сторон крутыми склонами оврагов, с остальных сторон валом и рвом. Северо-восточная часть вала имеет длину 15 м, западная – 16 м. Размеры вала: высота 0,3–0,4 м, ширина 1,5–2 м; рва – глубина 2 м, ширина 1,5–5,5 м (высота и глубина даны от уровня поверхности площадки). На площадке городища было зафиксировано пять жилищных западин. Западины № 2–4 подквадратной формы с округлыми углами размером 5–6 × 5–5,5 м и глубиной 0,4–0,6 м. Западина № 4 была исследована В. Н. Чернецовым в 1945 г. Через ее центр он заложил траншею и выявил полуземлянку с очагом в центре и приподнятым полом от очага до задней стенки (земляные нары?).

В 1962 г. В. А. Могильниковым заложен раскоп 6 × 6 м над одной из жилищных западин, однако углубление не было выявлено, возможно, жилище имело

характер временной постройки. Находки: керамика, кости животных, медный нож. Выявлено три группы лепной керамики: 1) эпохи поздней бронзы, 2) эпохи раннего железного века, 3) эпохи Средневековья. Этим же временем предварительно можно датировать городище.

Городище Безымянное III выявлено и обследовано В. Н. Чернецовым в 1945 г., а В. А. Могильниковым в 1962 г. Памятник находится в 6,6 км к северо-западу от с. Екатеринбургское, в 0,25 км к западу от Безымянного ручья, на коренной надпойменной правобережной террасе Иртыша, возвышающейся над уровнем поймы примерно на 40 м. Городище имеет форму пятиугольника с тремя выступами вала по углам (вероятно, это основание бастионов). Общая площадь (вместе с укреплениями) около 1600 кв. м. С юго-юго-запада городище защищено крутым обрывом, а с других сторон валом и рвом. Размеры вала: высота 0,5 м, ширина 1–2,5 м; рва: глубина 0,8 м, ширина 1,5–2,5 м (высота и глубина даны от уровня внутренней площадки). На поверхности городища 13 западин, расположенных без определенного порядка. Впадины № 1–3, 6–10, 13 округлой формы диаметром 2,5–5 м и глубиной 0,3–0,5; впадины № 4, 12 овальной формы размером 4,5 × 3 м и 2,5 × 8 м и глубиной 0,4 м; впадины № 5, 11 подчетырехугольной формы размером 4,5 × 5,5 м и 3,0 × 3,5 м и глубиной 0,7 м и 0,3 м⁵⁸. Коллекции, полученные в ходе раскопок этих памятников В. А. Могильниковым, хранящиеся в Омском государственном историко-краеведческом музее, содержат помимо керамического комплекса значительное количество инвентаря, в том числе и импортного происхождения. Это указывает на то, что городища в конце XVI в. играли роль административного и торгового центра.

Городище Новоягодное II располагается на стрелке коренных террас правого берега Иртыша и левого берега р. Шиш. В последние годы этот комплекс активно исследует К. Н. Тихомиров⁵⁹. Городище прикрывало устье Шиша (известное тем, что располагавшиеся непосредственно в устье юрты Шиш-Тамакские стали конечным пунктом похода Ермака вверх по Иртышу) и широкую пойму Иртыша ниже по течению, где также имеется несколько татарских поселений⁶⁰. На городище в последние годы исследовано несколько жилищных комплексов, получена представительная коллекция керамики и инвентаря, но сложная стратиграфическая ситуация на памятнике пока не позволяет отнести конкретные объекты к интересующему нас периоду.

Городище Крапивка II прикрывало приустьевую территорию р. Уй. Оно располагалось на стрелке коренных террас Иртыша и Уя на северо-северо-западной оконечности мыса. Городище имело мощную систему обороны, состоящую из рва (ширина – 5,3 м, глубина – 1–1,5 м) и вала (ширина – 4,2 м, высота – 1,8–2 м). В средней части вала имеется вход шириной 1,5–2 м. Площадь городища составляет 912 кв. м. С напольной стороны к нему примыкало обширное селище, представленное многочисленными жилищными западинами округлой и овальной формы.

Памятник был открыт в 1938 г. тарским краеведом А. В. Вагановым. В 2006 г. экспедицией Омского музея просвещения на селище под руководством А. В. Матвеева была исследована жилищная западина № 14, в заполнении которой были обнаружены артефакты, отражающие материальную культуру населения Сибирского ханства XIV–XVI столетий. Западина представляет собой подземную часть жилища подпрямоугольной формы площадью 3 кв. м. Камера жилища в западном углу имела коридорообразный выход на улицу, отделенный от пола помещения ступенькой. В жилище располагался очаг подпрямоугольной формы, расположенный в южном секторе ямы, справа от входа.

Керамический комплекс, представлен фрагментами посуды двух групп: татарской керамикой XIV–XVI вв., керамикой усть-ишимской археологической культуры (датируемой IX–XIII вв.)⁶¹. Характер культурного слоя не позволяет выделить в нем два культурно-исторических горизонта. Можно предположить, что население селища в XV–XVI вв. культивировало обе керамические традиции. Материалы городища Крапивка II позволяют говорить о генетической связи усть-ишимской посуды с «татарской» керамикой. Образцы посуды двух разных керамических традиций были найдены и в заполнении жилищной западины.

Индивидуальные находки, обнаруженные в культурном слое селища Крапивка II, были представлены железным черешковым наконечником стрелы, фрагментами кольчуги, точильным камнем и т. д.

Екатерининское V (Ананьевское городище). Памятник находится в Тарском районе Омской области на остром подтреугольном мысу террасы правого берега Иртыша. Площадь – 2200 кв. м. Система укреплений представлена внутренним валом (высота – 1,75 м, ширина – 4–5 м), рвом (глубина до 1 м, ширина – 3–4 м) и внешним валом (высота до 0,4 м, ширина – 3–5 м). Городище было исследовано в 1945 г. В. Н. Чернецовым и в 1962 г. В. А. Могильниковым, который датировал городище XIII–XVI вв. В 2005 г. А. В. Матвеевым было раскопано 120 кв. м. Зафиксированы остатки пяти слабоуглубленных наземных жилищ с печами закрытого типа (чувалами), а также четырех хозяйственных построек.

В ходе выборки культурного слоя были получены две группы керамики. Первая группа – посуда потчевашской археологической культуры VI–IX вв. Она имеет аналогии в материалах Логиновского городища на р. Ишим в Тюменской области и Новоягодного II городища в Знаменском районе Омской области. Вторая группа керамики – «татарская посуда» XV–XVI вв. Кроме фрагментов керамики, на городище были обнаружены немногочисленные кости животных, фрагменты металлургического шлака. Наблюдения за характером общей стратиграфии и закономерностями распределения находок позволяют датировать большинство исследованных сооружений (печей и ям) XV–XVI вв.⁶²

Городище Большой Лог расположено намного южнее Тарского Прииртышья – недалеко от устья р. Оми на ее правом берегу. Памятник занимает пространство между двумя крутыми оврагами, выходящими к Оми. «Городище имеет почти треугольную форму, с основанием к обрыву Оми и вершиной к узкому перешейку между логам. Размеры городища: 80 м по основанию (по обрыву берега реки) и около 80 м от обрыва до перешейка. Площадь городища оказывается не менее 3000 кв. м. На перешейке имеется ров и вал длиной 25 м. Ширина рва в современном состоянии свыше 2 м, при разности высот между вершиной вала и дном рва около 1,5 м. В средней части вал имеет разрыв; видимо, в прошлом здесь находились ворота для въезда на городище. На расстоянии 75 м от рва, между оврагами, можно различить следы еще одного рва, однако менее широкого и глубокого, образующего внешнюю часть городища. Эта внешняя часть, ограниченная с двух сторон оврагами и с двух других – внутренним и наружным рвами, имеет вытянутую трапециевидную форму, с широким (около 40 м) основанием по внешнему рву: площадь не менее 2000 кв. м»⁶³.

В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская в результате раскопок 1949 г. установили, что «верхний слой городища Большой Лог, к которому с уверенностью можно отнести ров и вал, принадлежит поселению, близкому по своему характеру к Вознесенскому городищу на р. Оми, опубликованному В. П. Левашевой в 1928 г. Характерными для оседлых жителей этого поселения жилищами являются наземные и полууглубленные мазанки с очагами типа чувалов»⁶⁴.

В 1965 г. экспедиция Уральского государственного университета под руководством В. Ф. Генинга и Р. Д. Голдиной на городище Большой Лог в раскопе площадью 1625 кв. м вскрыла остатки наземных прямоугольных жилищ с остатками очагов-чувалов на глиняных возвышениях и в обрамлении деревянных рам. Глиняная посуда, по заключению авторов раскопок, характеризуется грубостью изготовления и бедным, небрежно нанесенным орнаментом (ямки и треугольные вдавления, расположенные по всей поверхности сосуда). Кроме горшков, чаш и жаровен, в культурном слое Большого лога были обнаружены костяные наконечники стрел, накладки на лук, проколки, каменные жернова, железные топоры, ножи, обломки стремян, а также чугунных котлов. В. Ф. Генинг и Р. Д. Голдина справедливо отметили, что «поселение Большой Лог было одним из укрепленных городков Кучума в Прииртышье»⁶⁵.

По мнению ряда исследователей, материалы, полученные в верхнем культурном горизонте городища Большой Лог, характеризуют земледельческие занятия его жителей, торговые связи со Средней Азией. Городище играло роль южных торговых ворот в Среднее Прииртышье. Именно этот торговый путь, после того как в 1580-х гг. торговля по Ишиму была перекрыта русскими, стал основной транспортной артерией Сибирского ханства. Именно поэтому, отступая под натиском русских, Кучум до последней возможности держался Иртыша. Именно здесь, используя все оставшиеся ресурсы, сын Кучума – Али основал легендарный Черный городок. Никаких сведений о судьбе городища, известного нам как городище Большой Лог, после разгрома Кучума мы не имеем. Можно предположить, что в начале XVII в. поселение было занято калмыками (джунгарами).

Об истории ряда военно-административных центров Сибирского ханства существуют упоминания в источниках и литературе. Однако отсутствие описаний их точного месторасположения стало причиной того, что эти городки до настоящего времени не обнаружены.

Городок Тебенда, по-татарски *Тювенда*, упоминается Г. Ф. Миллером при описании последнего похода Ермака вверх по Иртышу в августе 1584 г. В городке жил князец Елегай – потомок ишимского хана Саргачика. Войско его было невелико⁶⁶.

Городок Ташаткан упоминается Г. Ф. Миллером несколько раз, главным образом при описании последнего похода Ермака. Так, историк сообщает, что жители городка сдались без боя и принесли, все, что от них требовали. Г. Ф. Миллер соотносит место расположения городка с местом зимних юрт Ташаткан-аул, у оз. Кулачек, на восточном берегу Иртыша⁶⁷.

Особое место в судьбе Сибирского ханства занимал *Черный городок*. Он был основан позже других военно-административных центров, после того как русские вынудили Кучума покинуть Тарское Прииртышье и отступить дальше на юг. «Кучум, узнав о намерении русских построить город на реке Таре, отправил царевича Алея к аялыным татарам, чтобы ввиду наступления русских отвести их в места более безопасные по верхнему Иртышу, где в то время находился сам хан. Алей собрал 150 человек этих татар и повел их на остров, называемый Черным, где они поставили небольшой городок, в котором с ними вместе зазимовали еще 50 человек малгородцев. Самыми видными из этих аялыных татар были два есаула, Мамык и Сейткул, и два князца, Зуяндук и Илгулуй. Из этого городка они ходили на озеро Вуэюково, чтобы ловить там рыбу для хана. Между ханским становищем и городком на острове Черном ежедневно ездили туда и обратно люди»⁶⁸. В декабре 1594 г., указывается в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, русский отряд, состоявший из 276 чел., во главе с письменным головой Борисом Доможировым при первом же нападении взял татарский Черный городок⁶⁹.

В 1734 г. Г. Ф. Миллер, разыскивая этот городок, в 40 верстах ниже по течению Иртыша от «Чернолуцкой слободы» на высоком восточном берегу обнаружил место, где прежде находился татарский городок, остатки которого по-русски называются Черным городищем. На сегодняшний день существует несколько версий расположения Черного городка⁷⁰. Однако ни одна из них не подкреплена находением археологического памятника XVI в.

На л. 94 «Хорографической чертежной книги» С. У. Ремезова (1697–1711) на правом берегу Иртыша, выше Серебряного острова (в районе современного с. Серебряное Горьковского района Омской области) указано «Городище Кучумово»⁷¹ (см. рис. 3, с. 43). В районе с. Серебряное известно несколько городищ, одно из которых (Согра 3) гипотетически может быть соотнесено с легендарным Черным городком. Однако для проверки этой гипотезы необходимы дополнительные археологические изыскания.

Форпосты. К этой группе городков Сибирского ханства мы относим укрепленные поселения, располагавшиеся на правых притоках Иртыша (Таре, Уе, Шише), на расстоянии около 50–80 км от устья этих рек.

Укрепления городищ *Надеждинка VII*, *Бергамак XV*, *Кошкуль IV*, *Большая Пристань I* представлены небольшими валами и рвами. При выборе места под такой городок строители руководствовались, прежде всего, возможностью максимального использования особенностей рельефа для усиления обороноспособности комплекса. Для этого городки основывали на небольших останцах (*Надеждинка VII*, *Большая Пристань I*), мысах коренных террас (*Бергамак XV*, *Кошкуль IV*). Удачный выбор места позволял небольшому отряду защитников городка успешно противостоять значительно превосходившим силам неприятеля, что блестяще подтвердил неудачный штурм отрядом Ермака Кулларовского городка.

Кроме привычных для Средневековья Западной Сибири элементов фортификации (рвов, валов), строители ряда форпостов Сибирского ханства применяли оригинальные инженерные решения. Так, вся внутренняя площадка городища *Кошкуль IV* искусственно приподнята над окружающей местностью почти на метр. Склоны останца, на котором расположено городище *Надеждинка VII* эскарпированы, а у его подножья возведен редут, прикрывавший вход.

Наиболее известным форпостом Сибирского ханства мы считаем *Тунусский городок (городище Надеждинка VII)*, судьба которого отражена в письменных источниках конца XVI в. Вместе с тем именно на территории городища *Надеждинка VII* проведены самые представительные археологические исследования⁷².

Городище *Надеждинка VII* (городок Тунус) располагается в 20 км на восток от районного центра Муромцево на левом берегу правого притока р. Тары Нижней Тунуски. Городище было обнаружено известным омским краеведом А. Ф. Палашенковым. В 2003–2006 гг. на памятнике работала экспедиция под руководством С. Ф. Татаурова. В ходе работ были исследованы система укреплений и несколько объектов в центральной части городка.

Городок был расположен на останце коренной террасы р. Нижней Тунуски высотой 7 м, с крутизной склонов 40–70°. Площадь около 1000 кв м. Глубина рва, проходящего с северо-запада на юго-восток, – 0,5–0,7 м, ширина 3–8 м. Он отделял основную часть городища от площадки, в которой был расположен вход в укрепление. С южной стороны памятника имеется сооружение, определить назначение которого с полной уверенностью пока не представляется возможным. Сооружение представляет собой П-образный вал, боковые стороны которого имеют длину 10 м, а фронтальная 35 м. Высота вала – 0,7 м. Располагается он на подошве (в пойме) и сооружен из грунта, освобожденного в результате эскарпирования

естественных склонов останца. Возможно, данное сооружение было возведено для прикрытия места, где производился забор воды в условиях осады.

Сложно предположить, когда городище начало функционировать, но благодаря «Грамоте царя Федора Ивановича в Тару воеводе князю Федору Елецкому с товарищами по поводу тамошних дел и вестей о Кучуме и нагайцах» от 16 августа 1595 г., переписанной Г. Ф. Миллером, мы можем с уверенностью говорить о времени его гибели. Согласно этому документу, поход в Барабинскую степь или верховья р. Оми по приказу тарского воеводы – князя Андрея Елецкого начался 17 марта 1595 г. и имел целью, силою или добровольно, подчинить татар барабинских волостей Чангула, Лугуй, Люба, Келема, Тураш, Барма и Кирпики. Отряд возглавил письменный голова Борис Доможиров, «а с ним тобольских и тюменских служивых людей, детей боярских, и атаманов, и литвы, и казаков, и стрельцов, и служивых татар, с вогненным боем 239 чел.». Из г. Тары отряд Доможирова вышел в составе 483 чел. на лыжах⁷³. Как только русские подошли к Тунусскому городку, татары сделали вылазку, в результате которой 17 чел. из них погибли, большинство же остальных разбежалось, а мурза Чангула с пятью татарами был взят в плен.

Скорее всего, татары, хорошо зная местность, смогли уйти на лошадях, и русские на лыжах не погнались за ними. Столь дерзкой вылазке может быть два объяснения. Первая версия связана с неспособностью городка выдержать осаду из-за явного несоответствия сил: всего сорок против почти пятисот и из-за отсутствия воды в зимнее время. Вторая версия заключается в том, что целью вылазки было отвлечь силы и внимание русских, дабы эвакуировать из городка хана Кучума.

Тунусский городок был полностью сожжен для того, чтобы не дать возможности татарам находить здесь впредь убежище. Таяние снегов и вскрытие рек сделали невозможным передвижение русского отряда. В г. Тару целыми и невредимыми вернулись все участники похода⁷⁴.

Материалы, полученные в ходе раскопок 2003–2004 гг., в целом подтверждают текст грамоты от 16 августа 1595 г. Все жилища городища Надеждинка VII были уничтожены пожаром, в очагах и рядом с ними зафиксированы целые и разбитые сосуды. Следов восстановления жилищ нет. Самыми многочисленными находками стали железные и костяные наконечники стрел, причем следует отметить, что последние сделаны второпях, без хорошей обработки и из самых различных костей животных, которые обычно не используются для этих целей, – из ребер, небольших трубчатых костей и т. д. Среди комплекса находок отметим небольшой клад кузнечных инструментов, который был обнаружен в углублении внутри жилища № 1. Он состоял из двух молотков и клещей.

Керамический комплекс городища Надеждинка VII неоднороден. Здесь присутствуют группы и фигурно-штампованной, и собственно татарской керамики. В то же время в процессе раскопок в центре одного из жилищ был зафиксирован очаг, а в нем найдены развалы трех сосудов, два из которых орнаментированы продольными линиями и фигурным штампом, а один полностью покрыт горизонтальными рядами наклонных оттисков зубчатого и гладкого штампов. Еще одной интересной находкой стало присутствие в верхних слоях городища человеческих костей, многие из которых обожжены. Это позволяет предположить, что после штурма городка его защитники не были погребены.

В отличие от Тунусского городка другие форпосты Сибирского ханства, к сожалению, не имеют «письменной истории». Эти форпосты были выявлены в ходе археологических изысканий.

Городище Кошкуль IV находится в 2,8 км от д. Кошкуль Тарского района, в 1 км от городища Кошкуль I (XIII–XIV вв.). Памятник расположен на высоком (до 30 м) мысу коренной террасы р. Уй. Площадь – 1100 кв. м. Ров шириной 3–4,2 м, глубиной 0,15–0,35 м и вал шириной 3,9–4,2 м, высотой 1–1,5 м. На территории памятника расположены шесть насыпей подпрямоугольной в плане формы, которые были интерпретированы как остатки жилищ. Культурный слой городища содержит многочисленные фрагменты костей крупных и мелких копытных животных, фрагменты орнаментированной и неорнаментированной керамики, обмазку, металлургический шлак. Керамика делится на две группы: керамика с пережиточными орнаментальными традициями местной лесной усть-ишимской культуры и посуда, имеющая аналогии в памятниках южнотаежного Прииртышья и Барабы XVI–XVIII вв. Характер культурного слоя позволяет предположить его кратковременное существование. На территории городища были расположены наземные жилища подпрямоугольной в плане формы⁷⁵.

Городище Большая Пристань I располагалось в 10 км от с. Новоягодное в устье правого притока Шиша ручья Низянка на останце коренной террасы. Раскопки этого комплекса в 1962–1963 гг. провели В. И. Матющенко и А. С. Чагаева. На городище был вскрыт 121 кв. м, исследована землянка, часть вала и рва. Найдено большое количество фрагментов керамики, железное долото, глиняная льячка, обломок пряслица и т. д. Полученные материалы позволили датировать комплексы авторам работ – X–XIII вв.⁷⁶ Но в настоящее время мы можем говорить о наличии на этом памятнике материалов более позднего времени, соотносимых с материалами других городищ Сибирского ханства.

Суммируя материалы, полученные в ходе археологических исследований городков Сибирского ханства, можно сделать следующие выводы.

Все исследованные комплексы, которые мы идентифицируем как города и городки Сибирского ханства, расположены в труднодоступных местах с максимальным использованием для обороны рельефа местности. Ни одно из них не было построено собственно татарами, на всех имеется комплекс керамики конца I тыс. – начала II тыс. н. э. Вероятно, татары использовали уже имевшиеся городища.

Результаты работ авторов последних лет позволяют по-новому взглянуть на историю вхождения Среднего Прииртышья в состав Сибирского ханства. Исследование небольших укрепленных комплексов-форпостов позволило точно определить границу продвижения ханства на восток и северо-восток. Археологическими маркерами, которые позволяют уверенно выделять такие комплексы, по нашему мнению, являются, прежде всего, керамика, полностью орнаментированная горизонтальными рядами наклонно поставленного гребенчатого или гладкого штампа, а также небольшие размеры форпостов.

Археологические раскопки памятников XVI в. существенно дополнили наши представления о периоде истории Сибирского ханства после падения Искера. Можно с большой определенностью говорить о том, что Кучум за период с середины 80-х до середины 90-х гг. XVI в. сумел сохранить и реорганизовать ханство в новых границах. В этот период ханом было основано несколько новых военно-административных центров (например, Черный городок). Археологические раскопки городков показывают, что все они имеют следы пожаров, которые, вероятно, стали следствием их штурма русскими отрядами. Но только в случае с Тунусским городком мы можем говорить о том, что он действительно был разрушен в результате приступа отрядом под руководством письменного головы Бориса Доможирова в марте 1595 г. На других памятников для подтверждения этого необходимы более значительные археологические исследования.

Археологические находки, обнаруженные в ходе изучения археологических памятников XV–XVI вв., подтверждают наше деление их на две группы: военно-административные центры и форпосты. Раскопки первых – Новоникольского IV, Безымянного II и III и других дали представительный материал, в котором выделяются предметы импортного происхождения: керамическая и металлическая посуда, украшения, оружие. Исследования форпостов показали «аскетичность» их гарнизонов в материальной культуре. Практически все предметы, кроме посуды, связаны с военным делом. Прежде всего, это оружие, в котором выделяется широкий набор железных и костяных стрел от бронебойных (узких трех- и четырехгранных длиной 12–14 см) до листовидных и срезней (шириной до 5 см).

Такая же ситуация наблюдается и при анализе зафиксированных в ходе раскопок жилищ и хозяйственных построек. При раскопках памятников (Безымянное II, III, Екатерининское V, Крапивка II), которые мы считаем военно-административными центрами, зафиксированы долговременные жилища. Как правило, это углубленные в землю (на 20–40 см) полуземлянки. Система их обогрева представлена чувалами. Жилища располагаются внутри укреплений, если городище имеет большие размеры (Екатерининское V), или рядом с укрепленным центром есть селище (Крапивка II). На форпостах сибирские татары строили временные наземные жилища подпрямоугольной (Кошкуль IV) или округлой (Надеждинка VII) формы. Отапливал жилище простой очаг. Вне укреплений объектов не обнаружено.

Принципиально отличаются и системы обороны этих комплексов. Форпосты не были предназначены для длительной обороны, они ограничивали территорию Сибирского ханства и служили базами для его дальнейшего продвижения на восток и северо-восток. Поэтому они имели небольшую площадь и «скромные» укрепления, состоящие из небольшого вала и рва. Для увеличения обороноспособности форпостов максимально использовали особенности природного рельефа – мысы коренных террас, останцы, излучины рек и т. д. Поэтому общая длина оборонительной линии у них не превышала 50–70 м.

По другому принципу строились укрепления долговременных населенных пунктов. Естественно, что при их строительстве старались максимально использовать условия рельефа и ландшафта, но значительные площади поселений и количество жителей, которых было необходимо защищать, требовали более серьезных укреплений. В некоторых случаях удобные для обороны природные ландшафты отсутствовали, но важность конкретной территории требовала основания здесь города. Например, Большой Лог, стоявший на перекрестке нескольких торговых путей. Поэтому, как правило, сооружалось несколько линий обороны из глубоких (до 2–3 м) рвов и валов высотой до 1,5–2 м. Для повышения эффективности стрельбы (возможности вести перекрестный огонь) возводились отдельно стоявшие башни или бастионы (городища Безымянное III, Екатерининское V).

Керамика, полученная в ходе раскопок культурного слоя XIV–XVI вв. на исследованных памятниках, состоит из трех комплексов. Первый – татарский, хорошо известный в Барабе и Прииртышье. Второй комплекс соотносится с фигурно-штампованной керамикой, оставленной угорским населением, проживавшим на этой территории, по мнению В. А. Могильникова, до конца XIV–XV вв. Третий – южный тюркский комплекс, представленный толстостенной неорнаментированной или слабоорнаментированной посудой. Любопытно то, что чем севернее расположен памятник, тем меньше комплекс тюркской керамики и больше посуды первого и второго комплексов. После прихода русских у татар из трех перечисленных комплексов керамики остается один – татарский, а два других примерно в том же соотношении заменяются русской посудой. В керамическом

комплексе каждого городища были обнаружены фрагменты посуды «переходного» облика. В орнаментации присутствуют элементы, характерные для раннего керамического комплекса, однако грубость их исполнения, меньшее разнообразие в рамках орнаментальной композиции, монотонность нанесения четко выделяют ее в керамике городищ. В случае с городищем Кошкуль IV можно предполагать одновременное сосуществование трех керамических групп.

Таким образом, в ходе исследований 1990–2007 гг. в Среднем Прииртышье был получен представительный материал, демонстрирующий материальную культуру населения Сибирского ханства XVI в. Исследования городков и городов Сибирского ханства наглядно показывают развитую структуру военно-административного управления территорией государства.

Закончив с анализом материалов памятников ханства Кучума, перейдем к другим древностям татар, которые можно представить как этнографо-археологические комплексы. Обращаем внимание на тот факт, что они расположены группами, что позволяет вести культурно-хронологический и пространственный анализ, применяя методики исследования археологических микрорайонов.

В течение 1988–2011 гг. археологами Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии (ОФ ОИИФФ) Сибирского отделения Российской академии наук и Омского государственного университета были исследованы **археологические памятники XVII–XVIII вв., располагающиеся по берегам р. Тары и на правом берегу Иртыша к югу от ее устья**. Материалы памятников послужили основой для изучения этнографо-археологических комплексов татар и частично опубликованы⁷⁷. Опишем эти памятники.

Памятники на р. Нижней Тунуски. На мысу коренной террасы правого берега р. Тары расположен курганный могильник Надеждинка IV. В 2003–2004 гг. С. Ф. Татауров раскопал здесь несколько курганов. До него памятник осматривали М. А. Корусенко, Б. В. Мельников, С. Н. Прищенко, М. Ю. Сафаров, которые не обратили внимания на останец в пойме левого берега Нижней Тунуски. Житель пос. Муромцево Н. П. Лиль в 2002 г. нашел на этом останце городище, которое в 2003–2004 гг. изучал С. Ф. Татауров. Материалы городища и могильника содержат предметы XVI–XVII вв. Возможно, городище является Тунусским городком, сведения о котором есть у Г. Ф. Миллера.

Памятники у д. Черталы. Расположены на правом берегу Тары на высокой террасе. В состав комплекса входит Черталинское поселение и Черталинский могильник XVII–XVIII вв. В 1988–1991 гг. здесь археологические работы проводил Б. В. Мельников, раскопавший наземное жилище и часть поселения. Неподалеку от поселения расположен могильник, оставленный жителями этих юрт. Мельников раскопал около сотни могил, но не подготовил полевой отчет, поэтому материалы практически недоступны исследователям. В настоящее время большая часть площади поселения распахана под посадки картофеля. Поэтому наземные жилища, которые были видны в 1988–1991 гг., сейчас не просматриваются. Жители современной д. Черталы, расположенной на левом берегу Тары, помнят о деревне и кладбище предков. В 2010–2011 гг. здесь провел раскопки М. А. Корусенко.

Памятник в устье р. Бергамак. На правом берегу Тары расположены могильник Бергамак II и поселение Бергамак III. С 1989 г. здесь проводили работы Л. В. Татаурова, С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов, К. Н. Тихомиров, В. В. Михалев. На широкой площади исследовано поселение (Тихонов – 1991, 1993 гг., Татауров – 1996 г.), могильник (Тихонов – 1991, 1993, 1996 гг., Тихомиров – 1999 г.). Предварительно изучены городище Бергамак IX (Татаурова – 1990 г., Тихонов – 1991, 2001 гг.), поселение Бергамак XI (Татаурова – 1990 г., Тихонов – 1991 г., Михалев –

1996 г.). Поселение Бергамак XXIII было осмотрено несколько раз, отмечен ряд жилищных западин и всхолмлений, заросших крапивой. Около некоторых жилищ сохранились искусственные посадки деревьев. Была проведена шурфовка памятника, однако в черноземе толщиной до 30–40 см ничего не найдено.

Памятник близ д. Окунево. Памятники Окуневского микрорайона, особенно эпохи бронзы, хорошо известны специалистам, а их материалы уже опубликованы⁷⁸. На мысу Татарский увал в 1985–2002 гг. В. И. Матющенко раскопал несколько десятков погребений XVII–XVIII вв.

Памятники близ д. Чеплярово были выявлены И. Е. Скандаковым при проведении паспортизации археологических памятников Омской области в конце 1980-х – начале 1990-х гг. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. М. А. Корусенко несколько сезонов изучал татарский могильник Чеплярово XXVII, расположенный на правом берегу р. Тары несколько выше современной д. Чеплярово. Известно и поселение Алексеевка 51 – бывшие юрты Чепляровы.

Памятники близ д. Сеткуловка. Сеткуловка VI (Taxai-aul, юрты Таксырские, татарская Сеткуловка) – поселение в двух километрах севернее современной д. Сеткуловка на правом берегу Иртыша. Сохранились жилищные западины и кладбище деревни. Планиграфия деревни хорошо читается. В обрыве берега видны следы погребов, однако керамики, железных изделий, костей животных не найдено. Чернозем имеет толщину до 40 см. Но часть его была собрана в кучи высотой до 5–6 м. Поселение в разные годы осматривали С. С. Тихонов, В. В. Михалев. В 2001 г. В. А. Ерохин провел здесь небольшие раскопки. Близ поселения располагается могильник Сеткуловка V, оставленный жителями Сеткуловских юрт.

Полагаем, что все вышеупомянутые комплексы оставлены предками татар, проживающих ныне в Муромцевском и Большереченском районах Омской области. Доказательства этому – этнографические, картографические, письменные источники. Конечно, проблема этногенеза сибирских татар весьма сложна, и время от времени появляются высказывания о том, что указанные комплексы могли принадлежать не тюркам, а уграм. Однако по этому поводу нам уже приходилось высказываться⁷⁹.

Какая-то часть поселений, оставленных тарскими татарами, не обнаружена, но есть письменные источники, которые помогут вести поиски. Это карты С. У. Ремезова⁸⁰ и почти синхронные им записки Г. Ф. Миллера⁸¹. Карты С. У. Ремезова и материалы путешествия Г. Ф. Миллера дополняют друг друга и позволяют реконструировать систему расселения татар и русских в конце XVII – первой трети XVIII вв., а также служат указателями при поиске новых археологических комплексов сибирских татар. Расположение археологических памятников в целом правильно накладывается на ремезовские карты и соответствует координатам, указанным в путевых записках Г. Ф. Миллера.

С. У. Ремезов в «Чертежной книге Сибири» показал, что на правом берегу Иртыша от устья Тары до устья Ибейки располагались «деревни служилых и захребетных татар и юртовских бухарцев», а на левом – «деревни русских людей».

В «Хорографической чертежной книге» (1697–1711), листы Прииртышья из которой были опубликованы А. В. Матвеевым и Л. Я. Яворской, ниже устья Тары кружочками показаны татарские юрты, а квадратиками – русские деревни⁸². Указаны и их названия.

В «Описании городов, крепостей, острогов...» Г. Ф. Миллера отмечено, что на этой территории находились следующие татарские юрты:

Uruklar-aul (Ruklar-aul, Верхние юрты) – на правом берегу Иртыша в десяти верстах от Тары, в трех верстах ниже р. Ibei (левого притока Иртыша) – сейчас

это р. Ибейка. В настоящее время на этом месте располагается с. Екатерининское, от которого 10 км до г. Тары и 3 км до устья р. Ибейки.

Retschap-aul (Bachmurat-aul), Artisch-aul, Atak-aul. Три татарских аула, располагающиеся друг от друга на расстоянии от половины версты до версты и в 15–16 верстах от Тары. Около 10–15 лет назад это были деревни Речапово и Атак. Но поскольку они слились, то были переименованы в д. Междуречье.

Itkul-aul (Kisilkasch-aul, Иткулевы юрты, Красноярские юрты) располагались в 22 верстах от Тары на правом берегу Иртыша и в версте ниже р. Мурлинки (правый приток Иртыша). На другом берегу Иртыша было оз. Aitamysch-buren. Сейчас этот аул называется д. Айткулово. Расстояние от нее до г. Тары и р. Мурлинки совпадает с данными Г. Ф. Миллера. Напротив деревни на левом берегу Иртыша есть болото Катышево.

Kirgap-aul (летний). Г. Ф. Миллер указывал, что он находился в трех верстах от Иткулевых юрт на правом берегу Иртыша. В 1983 г. В. И. Матющенко обнаружил вблизи д. Киргап поселение, состоявшее из наземных жилищ. Вероятно, это и есть летние юрты Kirgap (Нижняя деревня).

Kirgap-aul (зимний) или Верхняя деревня. Скорее всего, это современная д. Киргап, располагающаяся на коренной террасе Иртыша⁸³.

Из всех памятников найдены только Киргапские юрты, поэтому работы необходимо продолжать.

Археология русских

История целенаправленного археологического изучения комплексов русского освоения Омского Прииртышья в XVI–XIX вв. началась только в конце 1980-х гг. До этого времени археологическими разведками, которые проводили разные исследователи, в основном обследовались памятники более ранних эпох. Старые деревни отмечались лишь в описаниях краеведов⁸⁴, но эти описания были эпизодичны и охватывали не все районы Омской области. В 1989 г. Л. В. Татаурова в ходе разведки по левобережью р. Тары описала и составила план места расположения Бергамакского острога, собрала подъемный материал с памятника. В 1996 г. она же проводит на нем небольшие по площади (32 кв. м) раскопки, которые в 1998 г. продолжил С. Ф. Татауров.

В 1995 г. Татауровой были археологически обследованы (сборы подъемного материала) и проведены этнографические сборы информации по изучению технологии русского гончарства в деревнях Танатово, Мешково, Колбышево, Шуево, Терехово, Новологиново, Бергамак, Мыс, Лисино, Кокшенево, Окунево (Большереченский и Муромцевский районы).

В 1998 г. она проводит археологическую разведку по поиску поздних археологических памятников в Большереченском районе по правому и левому берегам р. Иртыш, в результате которой были зафиксированы три памятника – поселения Старологиново (основано в XVIII в.), Изюк (XVII в.) – на правом берегу Иртыша, поселение Старое Шуево – на левом берегу. В Старом Шуево и Старологиново в разные годы культурный слой как перегной вывозили на огороды, и к моменту разведки он был сильно разрушен. На памятниках были заложены разведочные шурфы и сделаны сборы подъемного материала. Поселение Изюк для исследований оказалось более перспективным. Его культурный слой почти не пострадал: на части памятника долгое время сеяли кормовые травы. Памятник Изюк I – поселение и кладбище – впоследствии археологически был исследован Л. В. Татауровой с 1999 по 2004 гг.

В 2012 г. аспирантка Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН И. Д. Кромм провела разведку в Большереченском и Тарском районах

Омской области с целью археологического исследования памятников русского населения XVII–XIX вв. В результате было обследовано четыре русских памятника: Такмыкский острог, поселение и кладбище д. Красный Яр в Большереченском районе, д. Воскресенка и поселок Минск-Дворянский в Тарском районе; на памятниках сделаны зачистки и шурфы, собран подъемный материал.

В 2005, 2010–2014 гг. Татауровой археологически изучалась одна из первых русских деревень, основанных в Омском Прииртышье, – Ананьино в Тарском районе, а в 2013 г. ею раскопками был исследован Такмыкский острог, построенный в 1682 г. Памятник находится на территории современного с. Такмык Большереченского района Омской области. Археологические работы позволили определить место нахождения острога и сделать его графическую модель⁸⁵.

В 2007 г. С. Ф. Татауровым и С. С. Тихоновым начато и проводится по настоящее время археологическое изучение первого русского города в Омском Прииртышье – Тары, построенного в 1594 г. князем Андреем Елецким. Некоторые результаты археологических исследований опубликованы⁸⁶.

Археологической базой для этноархеологических реконструкций стали материалы, полученные при раскопках нескольких участков Тарской крепости и трех сельских поселений, основанных в XVII в.: деревень Ананьино и Изюк и Бергамаского острога. Сегодня Ананьино и Изюк – археологические комплексы, расположенные соответственно в Тарском и Большереченском районах, с. Бергамак, образовавшееся на месте Бергамаской слободы, которая появилась вокруг острога, – в Муромцевском районе Омской области существует до сих пор. Для выяснения дополнительной информации по интерпретации археологических находок и изучения динамики трансформаций в современной традиционной культуре русских были проведены этнографические исследования в близлежащих к археологическим комплексам деревнях⁸⁷. Рассмотрим подробнее раскопанные комплексы.

Тарская крепость – первая русская крепость в Омском Прииртышье, заложенная в 1594 г., ныне районный центр г. Тара. Расположена примерно в 300 км к северу от Омска на левом берегу Иртыша. С 2007 г. С. Ф. Татауров и С. С. Тихонов ведут здесь археологические раскопки. Общая площадь их раскопов составила около 400 кв. м. Раскопаны остатки Княжьей башни, входившей в систему крепостных укреплений, усадьба знатного жителя Тары (предположительно воеводская усадьба), мастерская по изготовлению обуви, кладбище жителей Тары XVIII в., фундамент Никольского собора и часть присоборного кладбища. В культурном слое, мощность которого составляет около 4 м, изучено несколько строительных горизонтов, начиная от конца XVI в. и заканчивая серединой XX в., и великолепно сохранившиеся жилые и хозяйственные комплексы (погреб, баня, хозяйственные постройки), деревянные мостовые.

Находки в культурном слое – железные предметы (ножи, сверло, подковки, замки и т. д.), кожаные изделия (обувь и ее части, ремни, ножны), деревянные предметы (детские игрушки, поплавки, остатки посуды) и многочисленные фрагменты керамики.

Деревня Ананьино – одно из первых русских поселений, основанных вблизи г. Тары. Построено на южном берегу одноименного озера – старицы Иртыша подковообразной формы. К юго-западу от поселения, в сторону Иртыша, было устроено кладбище, отделенное от деревни небольшим ручьем, впадающим в озеро. Эта деревня-однодворка известна по письменным источникам с 1624 г., что отмечено в «Дозоре Василия Тыркова» – Сибирская приказная книга № 5, лист 347⁸⁸. В 1701 г., по данным Российского государственного архива древних актов,

в д. Ананьиной проживали стрельцы, казаки, стрелецкие и казачьи сыновья, родом из «Тарского городу», но имевшие пашни, пашенные выпасы и сенокосы как вблизи деревни и оз. Ананьино, так и вверх по Иртышу и вверх по р. Ньюоловке⁸⁹. Во время путешествия по Сибири Г. Ф. Миллер описывает местоположение деревни так: «Aijuk-bugen», по-русски Анангино озеро, на восточной стороне, в полутора верстах от берега. Имеет три версты в окружности и исток в Иртыш неподалеку от предыдущей деревни. Предыдущая деревня – это “Uruklar”, или Ruklar-aul, или Верхние юрты (ныне с. Екатерининское Тарского района). В это озеро впадает еще речка Карсал, которая возникает в шести верстах отсюда из болота. На озере имеется русская деревня Анангина, которая дала ему русское название»⁹⁰. Деревня разъехалась в 70 гг. XIX в. Как памятник археологии зафиксирован С. С. Тихоновым в 2004 г.⁹¹

На этом памятнике Л. В. Татауровой в 2005, 2010–2014 гг. были проведены раскопки, исследовано 1270 кв. м площади на поселении и 360 кв. м на кладбище. Изучено два жилищных комплекса, которые включали пять жилищ (все избы-связи) и 56 погребений.

Деревня Изюк (Большереченский район Омской области) располагается на правом берегу Иртыша, напротив современного с. Евгашино. Основана, по мнению А. А. Крих, не ранее 1660–1670-х гг.⁹² выходцами с севера России и центральных губерний, а также из городов Казани, Костромы, Москвы, Петербурга, Пскова, Симбирска, Твери, Тулы⁹³. Поселение описано Г. Ф. Миллером во время его путешествия по Иртышу в 1734 г., отмечено на карте С. У. Ремизова (см. рис. 3 на с. 43 настоящего издания). В 1796 г. население, ежегодно страдавшее от разливов Иртыша, начинает переселяться на высокий левый берег, где было основано новое село, современное Евгашино, и разъезжаться по другим деревням. Динамика этого процесса рассмотрена в статье А. А. Крих⁹⁴.

На памятнике Изюк I Л. В. Татауровой изучены поселенческий и погребальный комплексы. В результате шести полевых сезонов (1999–2004) было вскрыто 1805 кв. м площади. Из девяти раскопанных объектов – пять жилых: изба, пятистенки с прирубом и три избы-связи⁹⁵. На кладбище исследовано 261 погребение, антропологический материал изучен в Институте проблем освоения севера А. Н. Багашевым и А. Л. Антоновым. Материал опубликован⁹⁶.

Бергамакский острог (Муромцевский район Омской области). В настоящее время остатки культурного слоя острога фиксируются на коренной террасе р. Тары на северном краю современного с. Бергамак. В ноябре 1668 г. тобольский воевода П. И. Годунов приказал сотнику Ивану Неприпасову обследовать земли по р. Таре и определить место для новой слободы. После расспроса служилых и ясачных людей и осмотра местности сотник доносил, что «та земля порозшая и в дачу никому не отдана... Слободу можно поставить на увале на яру южного берега выше Бергамакова городка в четырех верстах от него. Здесь имеются сенокосные и рыбные уголья, а за рекой лесу много»⁹⁷. Острог построен в 1668 г. на границе с барабинскими татарскими волостями на левом берегу р. Тары. Затем вокруг острога образовалась слобода. К сожалению, из-за интенсивного судоходства в XX в. по р. Таре острог, расположенный на краю речной террасы, был частично смыт, поэтому к моменту археологических исследований от него осталась лишь небольшая часть. Кроме того, памятник находится на территории современного села, и до начала активного разрушения берега на его месте была деревенская улица. Несмотря на это, особенности культурного слоя, насыщенного органикой, способствовали хорошей сохранности дерева и изделий из органических материалов. В ходе раскопок были открыты четыре постройки, остатки погребения,

фрагменты деревянных строений, возможно, остатки фортификации острога⁹⁸. Л. В. Татауровой и С. Ф. Татауровым раскопано 300 кв. м наиболее разрушаемой рекой части памятника.

§ 3. Источники по истории и культуре населения Тарского Прииртышья

Исследование этнографо-археологического комплекса Тарского Прииртышья основано на следующих видах этнографических источников: материалах тематических интервью и экспертных бесед; данных опросных листов; материалах, собранных методом непосредственного наблюдения. Были использованы коллекции музеев, в основном Омской области. Ряд любопытнейших сведений этнографического характера содержится в опубликованных материалах – научных трудах прошлого, записках путешественников и краеведов.

Из истории этнографического изучения Тарского Прииртышья

Отметим, что целенаправленно работа по изучению традиционной истории и отчасти этнической истории русских и татар Омского Прииртышья началась только в советское время. Можно выделить три основных фактора, которые этому способствовали в первой половине XX в.: создание в Омске на базе музея Западно-Сибирского отдела Русского географического общества Государственного Западно-Сибирского краевого музея (1921 г.), активизация в 1920–1930-х гг. краеведческой работы и организация в Омске государственного педагогического института (1932 г.)⁹⁹. Долгое время исследователей привлекало изучение русских, а стойкий интерес к изучению татар сформировался значительно позднее.

Краевой музей в первые годы осуществлял большую экспедиционную деятельность – каждое лето организовывались экспедиции, в том числе и этнографические, также собирались коллекции¹⁰⁰. Наиболее значимыми в 1920-е гг. оказались поступления предметов культуры и быта русских в результате поездок зоолога и этнографа И. Н. Шухова, который с 1927 по 1930 гг. по совместительству заведовал отделом зоологии музея (в 1926 г. – две поездки к коми и русским старообрядцам в Среднее Прииртышье, в 1927 г. – в Таврический, в 1928 г. – в Крутинский районы Омской области).

Активная деятельность музея в связи с внутривосточной обстановкой в СССР пошла на спад в начале 1930-х гг., а с середины 1930-х гг. практически прекратились экспедиционные изыскания и научное изучение коллекций. Только в 1950-е гг. начался новый этап изучения этнографии Омского Прииртышья музейными сотрудниками. Основное направление музейной работы в области этнографии в это время – формирование коллекций культуры и быта разных народов, проживавших на территории области. Значительно пополнились русские этнографические коллекции в результате экспедиционных поездок заведующей фондом А. Г. Беляковой собиравшей предметы хозяйства и быта (1953, 1957, 1959, 1960, 1964 гг. – Усть-Ишимский, 1959 г. – Тюкалинский, 1964 г. – Таврический районы Омской области)¹⁰¹. В 1970-х гг. началось сотрудничество музейных сотрудников и омских этнографов, представляющих высшую школу. В результате было подготовлено два каталога по русским этнографическим коллекциям Омского историко-краеведческого (ранее – Омского объединенного исторического и литературного) музея¹⁰².

Сложной в 1920–1930-е гг. была и история краеведческого движения. В 1920-е гг., по данным А. В. Ремизова, краеведческое движение было, прежде всего, связано с новой для этого времени структурой – Омским обществом краеведения. Оно действовало активнее, чем музей и другие организации, призванные вести краеведческую деятельность – Западно-Сибирское отделение Русского географического общества, просуществовавшее до начала 1930-х гг., и Общество изучения Сибири, действовавшее в конце 1920 – начале 1930-х гг.¹⁰³ Особенностью Омского общества краеведения было то, что самой активной, а в первое время (середина 1920-х гг.) и «чуть ли не единственно работающей» была секция школьного краеведения¹⁰⁴. Этим, с нашей точки зрения, и определяется относительно небольшое количество публикаций по этнографии народов Омского Прииртышья в это время¹⁰⁵. Между тем, ряд материалов, собранных членами Общества, так и не был опубликован. В частности, в архивах хранятся материалы по народному творчеству – свыше 7300 народных обрядовых и необрядовых песен, частушек, поговорок, сказок и легенд¹⁰⁶.

Краеведы проявляли интерес к местной истории и культуре. В 1920-е гг. популярным было изучение природы края. Некоторые энтузиасты изучали историю и культуру края, но больше занимались археологией и историей, чем этнографией. Некоторые, как, например, И. Н. Шухов, увлекались культурой нерусских народов Омского Прииртышья – ханты, коми и только изредка татар¹⁰⁷. Активно участвовали в сборе материалов по традиционной культуре родного края краеведы-фольклористы – Н. Ф. Черноков и И. С. Коровкин. В. С. Аношин и особенно А. Ф. Палашенков были специалистами по широкому кругу вопросов, связанных с историческим краеведением, включая и вопросы истории населения и его традиционной культуры¹⁰⁸.

Деятельность практически всех названных краеведов начиналась в Омском Прииртышье еще в 1930-е гг. Можно сказать, что эти исследователи родного края создали эталон краеведческого исследования, к которому впоследствии стремились другие, в том числе и современные нам, краеведы¹⁰⁹. По этой схеме изучение любого места складывается из истории его заселения и хозяйственного освоения, изучения всех доступных сведений о первопоселенцах, сбора материалов по местной культуре и общественной истории населенных пунктов – какие ярмарки здесь работали, какие храмы освящались, кто основал колхозы и т. п. Но само время не предполагало активной публикации краеведческих материалов, отчего мы располагаем только отрывочными и краткими публикациями того времени. Сознвая это, наиболее деятельные из краеведов специально готовили свои материалы к сдаче в Государственный архив Омской области¹¹⁰. В настоящее время эти материалы доступны для изучения в основном специалистам, поэтому предпринимаются шаги для публикации материалов краеведов середины XX в. Среди таких публикаций есть и очень интересные для специалистов по этнографии¹¹¹.

Во второй половине XX в. краеведческая деятельность не прекратилась. История районов и отдельных населенных пунктов Омской области в подавляющем большинстве случаев пишется в это время силами краеведов, многие из которых используют разработанную еще старыми краеведами методику этой работы. Большой интерес проявляют к истории населенных пунктов и их основателям журналисты – сотрудники районных газет. Несмотря на то что интерес этот часто «прикладной», определяемый потребностью в статьях к разным юбилейным датам, делается ими немало. Практически за вторую половину XX столетия была во многом написана «летопись сибирских деревень»¹¹².

Следующий этап изучения истории Омской области начался с возрождением в Омске в 1947 г. Омского отдела Географического общества СССР¹¹³. Вся деятельность этого отдела может быть названа краеведческой, так как в центре исследований находились вопросы именно местные. Основным направлением деятельности Отдела стали исследования в области географических наук. Историко-краеведческая работа активно велась в сфере изучения процессов заселения Омского Прииртышья, т. е. в области, близкой к географии населения. В «Известиях Омского отдела Географического общества Союза ССР» был опубликован ряд статей о заселении Омской области в разные периоды истории¹¹⁴.

Следует также отметить значение фольклористических исследований в регионе. Решая научные проблемы, стоящие перед своей наукой, омские фольклористы накопили материалы, важные и для изучения этнографии русских. В 1930–1940-е гг. в местной печати публиковались небольшие отдельные статьи, посвященные по большей части такому жанру, как частушка¹¹⁵, и отдельные сборники фольклорных текстов. Работа по систематическому и целенаправленному изучению фольклора населения Омского Прииртышья зарождается в начале 1950-х гг. в единственном в те годы в городе гуманитарном вузе – Омском государственном педагогическом институте (сейчас – педагогический университет, ОмГПУ). В 1951 г. при кафедре русской и зарубежной литературы В. А. Василенко организовал студенческий научный кружок народного творчества. С этого же года начинаются экспедиционные работы в Омской области (позднее к ним добавились выезды на фольклорную практику). С 1951 по 1959 гг. ими руководил В. А. Василенко, с 1959 г. – Т. Г. Леонова, позднее – Н. К. Козлова (Фролова), В. А. Москвина, Л. В. Новоселова, Т. М. Шанович и др. За эти годы собран огромный и разнообразный материал (сказки, предания, былички, обрядовые и необрядовые песни, заговоры, пословицы, поговорки, загадки, детский фольклор). Наряду с текстами обрядовых и игровых песен фольклористы записывали и пояснения к ним исполнителей, в результате накапливались богатые и подчас уникальные данные по верованиям, семейным обрядам, вечеркам, праздникам народного календаря и т. п. Преобладали сборы среди русского населения, но есть также записи от белорусских и украинских переселенцев¹¹⁶. Собранные материалы хранятся в Фольклорном архиве ОмГПУ. Их частичная публикация началась в 1950-е гг. и продолжается по настоящее время¹¹⁷. Имеется большое количество исследований, посвященных местному фольклору¹¹⁸. В 1990-е гг. на базе ОмГПУ был организован и продолжает активно действовать и сейчас Западносибирский региональный вузовский центр по народной культуре, руководителем которого является профессор Т. Г. Леонова. С 1992 г. Центром проводятся ежегодные научно-практические семинары по народной культуре. В них участвуют не только фольклористы, но и краеведы, историки культуры, этномузыканты, этнографы¹¹⁹.

Полевое изучение этнографии русских Омского Прииртышья началось только в 1970-х гг. В 1974 г. на работу во вновь открывшийся Омский государственный университет (далее – ОмГУ) из Томска приехал Н. А. Томилов. В то время он уже состоялся как профессиональный этнограф, имел большой опыт полевых и архивных изысканий. Еще работая в Томске, Н. А. Томилов собирал материалы по этнографии татар и русских Томского Приобья. Практически сразу вокруг Томилова сложилась группа студентов госуниверситета, увлеченная этнографией. В те годы большая часть студентов специализировалась по этнографии сибирских татар и некоторых других народов Сибири.

В начале 1980-х гг. начались исследования этнографии русских сибиряков, что было связано с участием сотрудников ОмГУ в каталогизации этнографических

фондов Омского и Новосибирского музеев, в составе которых были и русские коллекции. В это время проводилось изучение культуры русских в северных районах Омской области, в том числе – в Муромцевском¹²⁰. Наибольший интерес в то время вызывала традиционная культура, однако записывались и генеалогии русских сибиряков. Начальником Русского отряда Этнографической экспедиции ОмГУ был в то время старший лаборант Музея археологии и этнографии Г. И. Успеньев.

С 1993 г. проводятся экспедиции, организаторами которых были Омский государственный университет и Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (ныне – Омский филиал Института археологии и этнологии СО РАН). Их участники работали над выполнением программы по изучению этнографо-археологических комплексов (ЭАК), сложившихся в бассейне р. Тары. В связи с этим в центре внимания отряда находятся проблемы этнической истории татар и русских и первоочередное изучение ряда сфер материальной и духовной культуры – поселения, жилища, погребального обряда¹²¹, поскольку именно эти материалы бывают наиболее востребованы в ходе этнографо-археологических реконструкций.

Таким образом, этнографические материалы в Омском Прииртышье собираются на протяжении почти ста лет, хотя в разные периоды с разной интенсивностью, и дают разные результаты. К настоящему времени этнографическая база исследования ЭАК представляет собой следующее.

Среди татар Тарского Прииртышья этнографические экспедиции проводятся с 1975 г., в конце 1990-х – начале 2000-х гг. проведены повторные исследования ряда населенных пунктов Омской области (Инцисс, Речапovo, Уленкуль, Черталы и др.). За этот период исследованы все населенные пункты тарских татар района, являющегося базовым для проведения этнографо-археологических исследований, – Гузенево, Инцисс, Черталы, Юрт-Бергамак Муромцевского района, Берняжка и Чеплярово Большереченского района Омской области. Для сравнения обследованы ряд поселений, выходящих за территорию базового района, – Большие Туралы, Киргап, Речапovo, Сеитово Тарского района, Тусказань, Черналы, Уленкуль Большереченского района. Материалы собирались комплексно – почти по всем видам хозяйственной деятельности, традиционно-бытовой культуре и социальным явлениям. Приоритетными темами исследования были такие, как этнический состав населения, генеалогии, поселения и жилища, погребальный обряд, погребальные комплексы. В деревнях Берняжка, Инцисс, Чеплярово, Черталы была проведена инструментальная съемка кладбищ и поселений. В 2005 г. была проведена повторная (через 12 лет) инструментальная съемка кладбища д. Инцисс, позволявшая проследить изменения, произошедшие на этом погребальном комплексе. Но фактически материалы собирались комплексно – почти по всем видам хозяйственной деятельности, традиционно-бытовой культуры и социальным явлениям.

Среди русского населения Тарского Прииртышья этнографические экспедиции были проведены в 1982, 1993–2000, 2002, 2005, 2010 гг. За этот период исследованы такие старожильческие населенные пункты, как села Бергамак, Мыс, Низовое, Усть-Тара и деревни Окунево, Танатово Муромцевского района, села Могильно-Посельское, Такмык и деревни Секменево, Могильно-Старожильское Большереченского района, д. Усть-Тара Тарского района. Экспедиции работали также в таких населенных пунктах Омской области, как Большекрасноярка, Дурново, Кокшенево, Самохвалово, Сеткуловка, Ушаково и Чинянино Муромцевского района; Ботвино, Евгашино, Красный Яр, Новологиново, Терехово, Шуево Большереченского района, а кроме того, в селах Малоокрасноярка и Сергеевка Кыштовского района Новосибирской области. Были обследованы и населенные

пункты, основанные переселенцами во второй половине – конце XIX в.: села Кондратьево, Поречье, Рязаны, деревни Алексеевка, Вятка, Игоревка, Юдинка Муромцевского района. Приоритетными темами исследования были такие, как этнический состав населения, генеалогия, поселения и жилище, погребальный обряд. В с. Могильно-Посельское, деревнях Могильно-Старожильское и Усть-Тара была проведена инструментальная съемка кладбищ. В с. Бергамак было проведено многолетнее наблюдение над местным кладбищем. План этого могильника был составлен еще в 1995 г., а затем в 2000, 2005 и 2010 гг. были зафиксированы изменения, произошедшие на нем: новые захоронения, замены надмогильных сооружений, исчезнувшие холмы.

Во всех указанных населенных пунктах с 1998 г. проводится анкетирование населения по теме «Этническое самосознание русских». Опросные листы заполнялись в 1998–2010 гг. членами этнографических экспедиций. За эти годы были опрошены сельские жители трех западносибирских областей: Омской, Новосибирской и Тюменской; всего – более 800 чел. из 80 сельских населенных пунктов.

Исторические источники по истории населения Тарского Прииртышья

При конструировании ЭАК роль документов прошлого весьма значительна. Есть несколько источников, прямо связанных с Тарским Прииртышьем. Прежде всего, это «Чертежная книга Сибири» и «Хорографическая чертежная книга», созданные С. У. Ремезовым (см. ссылки 1 и 2 на с. 70). Интересны они тем, что позволяют определить ареалы обитания как русских, так и сибирских народов. Материалы Г. Ф. Миллера включают грамоты, скопированные им в сибирских городах, а также его путевые записки¹²². «Описание Тобольского наместничества» подготовлено к печати А. Д. Колесниковым и содержит архивные материалы XVIII в., характеризующие среди прочего природу и население Тарского Прииртышья¹²³. Этот же исследователь опубликовал рукопись землемера В. Филимонова «Топографическое, историческое и экономическое описание Тары и уезда за 1803 г.»¹²⁴. В ней дается описание природы Тарского уезда, расселения местных жителей, истории поселений и т. д.

Многие документы, характеризующие историю Тарского Прииртышья, хранятся в центральных архивах и не изучались систематически. Фонды Российского архива древних актов (далее – РГАДА) отражены в путеводителе, опубликованном в начале 1990-х гг. Для археологов и этнографов наибольший интерес представляют материалы, отраженные во втором томе этого издания¹²⁵. Материалы Сибирского приказа детально отражены также в «Обозрении...» Н. Н. Оглоблина¹²⁶. В первой части этой работы «Документы воеводского управления» дана детальная характеристика документов, содержащих сведения о населенных пунктах Сибири, включая Среднее Прииртышье.

Наиболее известны среди историков дозорные книги – комплексный источник, содержащий не только перепись населения какого-либо уезда, но и описание деревень, пашен, хозяйства. По Тарскому уезду сохранилось три дозорных книги за 7132 (1624), 7197 (1689) и 1701¹²⁷. Одним из наиболее полных источников для изучения населения Тарского Прииртышья в конце XVII – начале XVIII вв. является Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. В ней переписано по поселениям (внутри – по дворам) всё мужское население, принадлежавшие им пашни, сенокосные и другие угодья, определяются местонахождения поселений и угодий, формы владения ими как у местного (татары), так и у пришлого (в основном русского) населения. Содержатся сведения по социальной стратификации населения. Интересны описания споров по поводу угодий между местным и пришлым населением.

Кроме Дозорной книги Тарского уезда 1701 г., относительно известного источника, много интересной информации содержится также в «Описных книгах рыбных ловель». В этом источнике имеются указания на места, использовавшиеся для ловли рыбы, дается описание техники лова, называются породы добывавшейся рыбы, а также приводятся списки рыбаков. По Тарскому уезду сохранились книги от 1701, 1704 и 1705 гг.¹²⁸ Наиболее востребована этнографами может быть описная книга 1701 г., которая была составлена Якимом Шарповым и Кондратом Сабатовым – жителями Бергамацкой слободы.

Сведения о поселениях содержатся и в источниках по народонаселению, поскольку часть из них увязывает население и его место жительства. Широко известен такой источник, как переписные книги. В делопроизводственной практике встречаются и выписки из этих книг, составленные по определенным признакам. Например, в 7196 (1688) г. в Тарской приказной избе была составлена выписка о присланных на Тару с 7141 (1633) г. ссыльных людей¹²⁹. В выписке указывалось, кто, когда и, главное, куда был поверстан¹³⁰.

Многие сведения старинных документов не могут быть достоверно интерпретированы без картографических материалов. В РГАДА хранятся две карты Среднего Прииртышья. Одна из них рукописная, точнее может быть названа схемой¹³¹. Она была составлена Г. Ф. Миллером в 1741 г. во время его путешествия по Иртышу. Для исследователей эта карта особо ценна потому, что в 1996 г. были опубликованы на русском языке дневники этого путешествия, которые вел Миллер¹³². Другая карта называется «Карта течения реки Иртыша от Омской крепости до Тобольска» и датируется 1780 г. Она печатная, «сочинена», как указано в титуле, И. Исленьевым¹³³.

Документы XIX в., которые могут быть востребованы при изучении истории поселений Среднего Прииртышья, хранятся в Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА). Здесь собрана значительная коллекция карт: атлас Тобольской губернии 1798 г. (Ф. 1350. Оп. 312. Д. 43-44), генеральная карта Тобольской губернии 1801 г. (Ф. 1399. Оп. 1. Д. 220), карта Тобольской губернии с обозначением волостей и почтовых станций 1802 и 1808 гг. (Ф. 1293. Оп. 168 : Тобольская губ. Д. 1, 4), карта Тобольской губернии 1915 г. (Ф. 1642. Оп. 1. Д. 158), а также карты отдельных уездов Тобольской губернии за 1802–1906 гг. (Ф. 1293. Оп. 168 : Тобольская губ. Д. 1-9, 11-38).

В РГИА отложились документы, которые могут свидетельствовать о причинах переноса деревень, характерных для Среднего Прииртышья. Приведем названия только двух, довольно поздних дел – 1916 г.: «О выдаче ссуд населению Тобольской губернии на перенос усадеб»¹³⁴ и «Дело об отпуске средств для выдачи ссуд населению Тобольской губернии, проживающему по берегам рек Иртыша, Ишима и их притоков, на перенос усадебных построек в связи с частыми весенними разливами рек»¹³⁵.

Целый ряд дел свидетельствует о возникновении поселений. Примером может быть дело 1846 г. «Об отводе земли в Тарском округе Тобольской губернии крестьянам-переселенцам 12 деревень Смоленской губернии»¹³⁶. С началом массовых переселений последней трети XIX в. таких дел становится больше: «О земельном устройстве крестьян Серебрянской волости Тюкалинского округа Тобольской губернии» (1883 г.)¹³⁷, «Об устройстве переселенцев в Сибири по отдельным волостям и деревням» (1890–1893 гг.)¹³⁸.

Некоторые сведения о поселенческой среде отдельных населенных пунктов содержат дела такого характера: «О прошении раскольников-крестьян шести деревень Тобольской губернии о восстановлении раскольничьей часовни в д. Окунево»

(1878 г.)¹³⁹ или «По определению Св. Синода о закрытии в с. Большерецком Тарского округа Тобольской епархии раскольнической моленной» (1895 г.)¹⁴⁰.

Среди важных исторических источников, которые постоянно используются при исследовании этнографо-археологического комплекса русских, книга И. Голошубина «Описание Омской епархии» (Омск, 1914). Она была составлена отцом Иоанном Голошубиным на основе материалов, поступившим к нему от священников приходов Омской епархии. Материалы собирались путем частной переписки, поэтому, в зависимости от добросовестности священнослужителей, были сообщены более или менее подробные сведения об истории населенных пунктов, характере и занятиях населения. Автор, характеризуя население приходов, указывал, прежде всего, принадлежность прихожан к той или иной конфессиональной, социальной, сословной группе, выделяя казаков, старожилов, переселенцев, раскольников и сектантов. Относительно переселенцев указывались места их выхода в Сибирь по губерниям. При характеристике старообрядцев указывались толки и согласия, к которым они принадлежали.

Материалы учета населения как важнейший источник по истории населения Тарского Прииртышья

И всё-таки совершенно особое место среди всех исторических документов, используемых при изучении ЭАК, принадлежит материалам учета населения. Связано это с тем, что реконструкция этнографо-археологического комплекса невозможна без этногенеалогических исследований.

Исследование современного этнического развития народов тесно связано с изучением их прошлой этнической истории, позволяющей понять особенности этнических процессов, протекающих в настоящее время. Одним из важнейших методов этнической истории, специально разработанных для проведения этноисторических исследований, является генеалогический. Его использование предполагает создание фонда семейных родословных, как собранных в ходе экспедиционных работ, так и реконструированных по архивным источникам. Иногда удается соединить архивные и экспедиционные источники и получить генеалогии отдельных семей, восходящие к XVIII в. Для изучения истории народа важно располагать массовой источниковой базой, которую составляют генеалогии, отражающие семейную историю всех сословий изучаемого этноса.

Анализ родословных не ограничивается только изучением современного этнического состава населения. Одним из существенных моментов использования современного генеалогического материала является сопоставление его с данными других источников, прежде всего архивных, таких, как переписи населения XVIII–XIX вв. Это позволяет реконструировать генеалогии населения, в результате чего раскрываются многие страницы этнической истории. Перед нами возникает реальная картина формирования современной этнической общности на протяжении двух-трех столетий¹⁴¹. Перспективно в этом плане использование и более ранних материалов, в частности ясячных и дозорных книг.

Работу по сбору генеалогий омские этнографы начали еще в 1970-е гг. Частью плановых работ всех отрядов этнографической экспедиции ОмГУ был сбор генеалогий местных жителей. Изначально в Омске практиковалась методика сбора сведений, которые включали в себя не только общие сведения об информаторе и лицах, включенных в генеалогию (имя, фамилия, отчество, год и место рождения, причины и время смены места жительства, образование, род занятий), но и указание на их этническую принадлежность. По мере совершенствования методики этот вопрос требовал всё более полных ответов – собиратели выходили на

уровень этногруппового самосознания и этногенетической памяти (я – русский, челдон, предки матери – российские, из Рязанской губернии приехали; я – сибирский татарин, мои предки – бухарцы). Особенно трудно собирались сведения об этнической принадлежности предков информатора.

Точно количество собранных генеалогий не подсчитано, но еще в конце XX в. предполагалось, что в архиве Музея археологии и этнографии ОмГУ хранится более 20 тыс. современных родословных народов Западной Сибири, большая часть которых собрана среди татар и русских¹⁴².

У тюркских народов, в том числе и у татар, существовал обычай составлять родовые генеалогии – *шежере*. Они включают генеалогию племени (рода) с более или менее подробным изложением выдающихся событий из жизни народа вообще или чаще родоплеменной группы. Большинство шежере можно определить как генеалогическую летопись. В шежере включались имена членов рода по мужской линии. Передаваясь от поколения к поколению, родословные постепенно обрастали рассказами о событиях, которые происходили при жизни того или иного родового главы или предка, постепенно они превращались в своеобразную историю рода. Лица старшего поколения должны были запоминать имена своих предков до десятого-двенадцатого колена.

Бытование шежере зафиксировано у сибирских бухарцев, которые стали активно заселять Западную Сибирь в XVII–XIX вв. и которые рассматривали свои шежере как документы, подтверждающие иностранное происхождение их предков и дающие им право на пользование различными привилегиями, предоставленными им в разное время указами русских царей – Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II. Бухарцы часто предъявляли переведенные на русский язык шежере органам местной администрации в качестве официальных документов¹⁴³.

Достоверность источников типа шежере вызывала немало сомнений. Шежере записывались муллами, которые обычно часть текста посвящали составлению генеалогии пророков Аллаха. Иногда шежере начиналось с имени Чингисхана. Тем не менее многие факты из шежере поддаются проверке. К тому же немало рукописей шежере начинаются непосредственно с описания достоверных событий, а их генеалогии включают только реальных людей. В 1930-е гг. шежере стали уничтожать. В это время закрепилось мнение, что шежере – это «сочиненные духовенством» родословные феодалов, преследующие узкоклассовые интересы: доказать аристократическое происхождение того или иного лица и его право на привилегии. Чтобы избежать репрессий, шежере либо сжигали, либо клали в могилу при захоронении старшего из семейного клана. Сейчас развернулась работа по восстановлению, насколько это можно, и сохранению шежере у ряда тюркских народов.

В с. Уленкуль Большереченского района Омской области и соседних деревнях у ряда жителей (в основном имеющих отношение к родам Шиховых и Имяминовых) имеются генеалогические схемы, в которых предками показаны шейхи и сайиды¹⁴⁴. Информаторы ссылаются на шежере с перечислением предков по поколениям (естественно, только по мужской линии). Основателем рода Шиховых является Авазбаки, который, по сведениям информаторов, прибыл в Сибирь из Бухары в 1572 г. с четырьмя сыновьями. Один из этих сыновей, как считают современные жители этого села, и основал Уленкуль*.

Большинство же источников генеалогических исследований – косвенные. Самой сложной задачей в ходе этногенеалогических исследований является вос-

* Отметим, что это утверждение вызывает сомнение, потому что, согласно архивным материалам, этот населенный пункт был основан во второй половине XIX в.

становление генеалогий представителей непривилегированных сословий. Фактически это означает реконструкцию родословных на основе массовых делопроизводственных документов.

Большая часть источников, содержащих генеалогическую информацию, хранится в архивах, как в центральных (Москва, Санкт-Петербург), так и в местных (например, в Тобольске). Для православного населения очень важны для реконструкции метрические книги и исповедные росписи, начало составления которых относится к первой половине XVIII столетия. Источниковедческий анализ этих источников представлен в ряде историко-демографических и генеалогических исследований¹⁴⁵.

Очень ценный источник для генеалогических исследований – материалы переписей населения, которые и служат одним из основных источников для проведения исследования. Переписи – это подсчет и записывание однородных предметов и явлений на определенной территории. Переписи приурочиваются к известному моменту и, так сказать, фотографируют действительность или последовательно регистрируют известные явления, изменяющиеся во времени. Переписи применяются для определения численности и состава населения, движения населения (рождения, смертности, заболеваемости, эмиграции), численности жилищ, скота, главных элементов сельского хозяйства, промышленности и торговли (урожаи, размеры добычи и производства, численность рабочих и лошадиных сил, торговый ввоз и вывоз, доходность и пр.).

К источникам по генеалогии непривилегированных сословий относятся дозорные книги, именные списки пашенных, оброчных крестьян и посадских людей и т. д. Дозорные книги – это разновидность писцовых книг в Русском государстве XVI–XVIII вв., они составлялись писцами («дозорщиками») по челобитью местного населения, просившего о «дозоре», т. е. о проверке соответствия между размером оклада государственных налогов и платежеспособностью населения. Проведение «дозоров» было экстренной мерой (после стихийных бедствий, вражеских нашествий и других событий, приводивших к разорению края и делавших невозможной выплату налогов в прежнем размере). Когда правительство признавало правильность сведений, сообщенных дозорной книгой, то последняя заменяла при сборе налогов писцовую книгу. Дозоры проводились с целью выявления населения, не платившего налоги. Недостатком дозорных книг является то, что в них переписано только мужское население. Надо также отметить, что часть дозорных книг невозможно прочитать в связи с плохой сохранностью.

Один из главных источников для генеалогических исследований, позволяющих получить необходимую информацию о предках, – ревизские сказки – документы именной переписи податного населения Российской империи, охваченного ревизиями XVIII – середины XIX вв. Возникновение ревизских сказок как особого вида исторических источников непосредственно связано с реформой налогообложения, начатой в 1718 г. Тогда подворное налогообложение было заменено подушным, подати стали взиматься с «душ мужского пола». Проведение реформы потребовало организации подушного учета населения.

История ревизий и история ревизских сказок как вида исторических источников настолько неразрывно связаны, что отделять их друг от друга не имеет смысла. Ревизские сказки, оформленные в виде книги или тетради, содержат сведения, позволяющие судить о численности населения, его географическом размещении, социальном и половозрастном составе, семейном положении, этнической принадлежности, а также решать вопросы миграции населения. На протяжении

XVIII – середины XIX вв. было проведено 10 ревизий: 1-я в 1719 г., 2-я – в 1744 г., 3-я – в 1763 г., 4-я – в 1782 г., 5-я – в 1795 г., 6-я – в 1811 г., 7-я – в 1815 г., 8-я – в 1833 г., 9-я – в 1850 г., 10-я – в 1857 г. Каждая из этих ревизий растягивалась на несколько лет, поэтому за год проведения ревизии историками обычно принимается ее «основной год», т. е. тот, в который было учтено большее количество населения. При работе с материалами ревизского учета следует принимать во внимание, что в ревизии учитывалось податное население, состав которого на протяжении XVIII–XIX вв. постоянно менялся, следовательно, менялась и степень представления в ревизских сказках всего населения страны. Так, 1-я, 2-я и 6-я ревизии учитывали только «души мужского пола», остальные же – и мужского, и женского. Как правило, учету подлежали все категории податного населения (а их, согласно списку, подготовленному по окончании 3-й ревизии, насчитывалось более ста наименований), традиционно объединявшиеся в более крупные группы – крестьян (государственные, дворцовые и частновладельческие), посадских людей и купцов.

Во всех ревизиях не участвовали дворяне, духовенство, отставные солдаты и драгуны, а также состав действующей армии и флота. Что же касается социальных групп, занимавших «промежуточное» положение между податными и привилегированными сословиями, то здесь государство пошло по пути постепенного освобождения их от подушной подати. Так, с конца XVIII в. учету не подвергались купцы первой гильдии, государственные чиновники и разночинцы.

Единицей переписи была так называемая «ревизская душа», сохранявшая свою актуальность как налогоплательщик вплоть до следующей ревизии, несмотря на возможное изменение социального статуса, забор в рекруты или смерть. Сложности с выборкой и определением категорий населения объяснялись еще и тем, что сами ревизии являлись своего рода шагом на пути к выделению этих категорий, а не просто отражали уже устоявшуюся стратификацию общества. Ясачное население Сибири стало учитываться только с 4-й ревизии.

Ревизия как процесс состояла из нескольких этапов, на каждом из которых возникали особые виды документов. Таким образом, ревизские сказки являются первичными материалами ревизии, сведения которых на следующих этапах обобщаются и структурируются, а также подвергаются дальнейшей обработке и тщательной проверке (отсюда собственно и название переписи – «ревизия»). Ревизские сказки подавались в местные органы власти – волостные правления, ратуши, затем городские думы, где составлялись перечневые ведомости (первый этап обобщения данных ревизских сказок в масштабах уезда, провинции и губернии), содержащие сравнение данных текущей ревизии с уже проверенными данными предыдущей. На момент полного окончания ревизий составлялись генеральные таблицы, а с 4-й ревизии (1782 г.) начинают составляться окладные книги – общероссийские сводные материалы ревизии, предназначенные только для расчета податных сборов (поэтому в них отсутствуют сведения о женском населении и сопоставление с предыдущими ревизиями).

Долгое время четкого формуляра ревизской сказки не существовало: во время двух первых ревизий учитывались только лица мужского пола с указанием возраста; начиная с третьей ревизии вводится печатный бланк сказки, начинает учитываться и женское население, увеличивается количество данных, которое обязательно должна сообщать сказка по каждому учитываемому человеку. Только с 7-й ревизии (1815 г.) формуляр складывается окончательно: вводится новая, более простая форма структурирования данных, запись начинает вестись по семьям. С этого момента ревизская сказка содержит следующие данные: название

(год, месяц, число подачи, губерния, уезд, село, владелец крепостного селения, если сказка дана по помещичьему селу), графу с номером семьи, цифры состава семьи «по последней ревизии», число и состав «выбывших» и «прибывших» лиц, лиц, временно отсутствовавших, и итоговые данные «ныне налицо». В заключение стоят подписи ответственных лиц. В сказку записывалась одна семья за другой, на левой половине листа – мужчины, на правой – женщины.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о достоверности сведений, содержащихся в ревизских сказках и других материалах ревизского учета населения. Вполне естественно, что государство стремилось максимально увеличить количество «душ», облагавшихся налогом. Подлежавшие же учету слои населения (или их владельцы, если речь идет о помещичьих крестьянах) были заинтересованы в обратном, особенно это касалось раскольников, обязанных платить двойной налог. Как правило, серьезные искажения могут содержаться в информации о численности населения, учитывавшегося только для счета (например женского населения) и не обязанного платить налог. В учете данной категории населения никто не был заинтересован, поэтому иногда он проводился непоследовательно и достаточно небрежно.

Таким образом, анализ ревизских сказок позволяет почерпнуть необходимую информацию для генеалогического исследования: имена, даты рождения и смерти, сведения о социальном статусе и семейном положении, а также ряд дополнительных сведений о предках. Для дополнения сведений, предоставляемых ревизскими сказками, часто используются другие документы церковного и административно-полицейского учета населения. Однако в большинстве случаев ревизские сказки остаются единственным и самым информативным, самым значимым источником для генеалогических исследований по истории семей XVIII – середины XIX вв.

Первая научная перепись населения произведена в России в 1897 г. В ходе переписи учитывалось наличное, постоянное (оседлое) и приписное население Российской империи, которое было чрезвычайно сложным и пестрым по своему составу (национальному, религиозному, сословному, социокультурному), по типу хозяйственной деятельности, образу жизни и т. д. Материалы переписи были обработаны и изданы в серии публикаций Центральным статистическим комитетом России. Отдельные выпуски показывали конфессиональный, сословный, профессиональный состав населения. Уже в дореволюционный период появляются крупные статистические публикации, содержащие более детальную разработку материалов переписи по какому-либо вопросу, например труд С. К. Патканова о национальном составе населения Сибири¹⁴⁶.

Досоветские и современные авторы отмечали недостатки в проведении переписи и обработке ее данных. Значение переписи 1897 г. для науки несомненно, но огромный пласт ее материалов до настоящего времени еще недостаточно введен в научный оборот, несмотря на то что в исследовательской литературе данные этой переписи постоянно используются¹⁴⁷.

Особую ценность для генеалогического исследования имеют первичные переписные листы 1897 г. Исходные материалы переписи – первичные переписные листы – после обработки и публикации результатов переписи по Высочайшему повелению подлежали уничтожению, однако в некоторых губерниях распоряжение не было выполнено. Так, по Тобольской губернии первичные переписные листы сохранились.

Программа переписи 1897 г. была тщательно продумана, и в переписные листы внесены 14 признаков, по которым учитывалось население:

• фамилия (прозвище), имя и отчество или имена, если их несколько (здесь же делалась отметка о физических недостатках человека – слепота, глухонмота или умалишенность, отсутствие руки, ноги, пальцев и т. д.);

- пол;
- кем записанный приходился главе хозяйства и главе своей семьи;
- сколько минуло лет или месяцев от роду;
- холост, женат, вдов или разведен;
- сословие, состояние или звание;
- родился ли здесь, а если не здесь, то где именно (губерния, город, уезд);
- приписан ли здесь, а если не здесь, то где именно (губерния, город, уезд);
- где обыкновенно проживает: здесь ли, а если не здесь, то где именно (губерния, город, уезд);
- отметка об отсутствии, отлучке и о временном здесь пребывании;
- вероисповедание;
- родной язык;
- грамотность: умеет ли читать, где обучался, обучается или закончил курс обучения;
- занятие, ремесло, промысел или служба: главное (которое доставляет главные средства к существованию), побочное или вспомогательное; здесь же делалась отметка о положении по воинской повинности.

Такой набор пунктов, описывающий все стороны жизни людей, живших на момент переписи, позволяет всесторонне рассмотреть не только сословную, половозрастную и т. п. стратификацию общества, но и выделить этнические компоненты в составе населения, правда косвенным путем, так как вопрос об этнической принадлежности как таковой не ставился в данных переписных листах. Первичные переписные листы этой переписи постоянно используются для характеристики различных сторон жизни населения России¹⁴⁸.

Недостатками переписных листов как источника для генеалогических исследований являются не очень хорошее качество записи и незначительная в количественном отношении сохранность этого источника, о чем было сказано ранее. И всё же материалы переписи 1897 г. уникальны, потому что она проводилась по очень широкой программе. Столь полных сведений о месте рождения, сословном, профессиональном, национальном, половозрастном составе, грамотности прочие источники не дают.

Для истории крестьянских семей советского периода главнейшим источником являются похозяйственные книги, содержащие сведения об имени, отчестве, фамилии, возрасте, должности и профессии главы хозяйства, членах его семьи, их собственности, а также причинах выбытия из конкретного населенного пункта. Похозяйственные книги как документ учета стали вводиться с 1934 г. Ответственность за заполнение и хранение похозяйственных книг была возложена на секретарей сельсоветов. Сельские Советы должны были закладывать похозяйственные книги один раз в пять лет по состоянию на 1 января. Закладка похозяйственных книг производилась в сельсовете и заполнялась путем сплошного обхода дворов и опроса населения в период с 1 по 15 января. В последующие четыре года ежегодно сельские Советы проводят сплошную проверку и уточнение записей в ранее заведенных похозяйственных книгах¹⁴⁹.

Сохранность похозяйственных книг в Омской области плохая. Долгое время архивы не принимали на хранение похозяйственные книги. В сельских советах сейчас в основном сохранены книги начиная с 1970-х гг. Лучше сохранились книги, переданные на хранение в районные (ныне муниципальные) архивы. Однако

по интересующему нас району книги сохранились только по ряду сельских советов Седельниковского района, пограничного с Тарским Прииртышьем, причем только с послевоенного времени. Поэтому в работе используются материалы хозяйственных книг 1970–1990-х гг.

Помимо вышеперечисленных источников, в нашем исследовании используются собранные в этнографических экспедициях родословные сибирских татар и русских. Современные родословные населения Западной Сибири в большинстве своем дают представление о двух-трех, реже четырех поколениях. Основные генеалогические сведения, за редким исключением, в родословных датируются концом XIX – началом XX вв. Соответственно встает проблема реконструкции генеалогических линий. В качестве основных источников в данном случае могут быть использованы массовые делопроизводственные материалы, в частности, посемейные ревизские сказки и первичные переписные листы переписи населения 1897 г. В ходе решения вопросов этнической истории представляется необходимым реконструировать, насколько это возможно, генеалогические линии всего населения на период последней четверти XVIII–XIX вв., т. е. начиная с имеющихся материалов 4-й (1782 г.) и 5-й ревизий населения (1795 г.). Реконструкция и изучение генеалогий такой значительной по численности группы населения требует комплексного подхода, специфических методов в оценке информационных возможностей источников и их дальнейшей обработки.

При работе с материалами переписей населения пришлось столкнуться с рядом проблем. Так, в большинстве своем мы имеем дело не с полным набором переписей, а лишь с его фрагментами. Это связано со слабой сохранностью переписных книг – практически нет ни одного населенного пункта, по которому бы сохранились материалы всех переписей населения. В ряде случаев из-за отсутствия материалов некоторых ревизий временной промежуток по имеющимся материалам настолько значителен, что не представляется возможной реконструкция генеалогических линий.

Проблема реконструкций генеалогических линий особенно сложна по отношению к родословиям татар. В XVIII–XIX вв. в татарских семьях дети получали фамилию, образованную от имени отца, в редких случаях – от имени деда. Соответственно в каждом новом поколении происходила смена родовых имен, которые в научной литературе на русском языке условно называют «фамилиями». Слово «фамилия» не имеет аналогов в языке сибирских татар и является заимствованием. Например, в материалах 5-й ревизии (1795 г.) по д. Абаул (в настоящий момент расположена на территории Вагайского района Тюменской области) имеются сведения о семье Еша Разметева, у которого были сыновья Айтак, Курманали, Натырбага, Юсуп. В материалах 7-й ревизии (1816 г.) переписаны отдельно семьи Айтака Ешева, Курманали Ешева, Натырбаги Ешева, Юсупа Ешева и семья Еша Разметева, у которого записаны младшие сыновья Абашалин и Уразмат. Фамилии у татар закрепились только к 1920–1930-х гг.

При проведении всех переписей населения непосредственными исполнителями были в основном русские. Записанные со слуха имена и фамилии татарского населения не всегда соответствовали тому, как они звучали. Например, те же Ешевы из д. Абаул в материалах 10-й ревизии (1858 г.) записаны как Ияшевы, а в материалах переписи населения 1897 г. – Айшовы. Из этого следует, что при реконструкции генеалогий необходимо постоянно иметь в виду принадлежность того или иного лица к определенной семье, фамилии, поколению. Для идентификации лиц в таких случаях первостепенное значение приобретают данные по структуре и составу семьи, содержащиеся в ревизских сказках. В ходе работы с материалами

переписей населения конца XVIII–XIX вв. возникали трудности и другого рода – трудночитаемый почерк, использование старославянской азбуки или вообще написание букв каким-то своим, характерным для одного человека способом.

Записи, имеющиеся в материалах 5–10-й ревизий и переписи населения 1897 г., используются следующим образом. Сведения о каждой семье заносят на отдельную карточку. Затем материалы располагают в таблицах с разбивкой по годам проведения переписей населения. В эти таблицы заносят только мужское население, потому что реконструировать генеалогии по женской линии не представляется возможным. Однако в ряде случаев используются сведения и о лицах женского пола (когда главой семьи была записана женщина). Таблицы составляются отдельно для каждого населенного пункта. Затем они сравниваются между собой, в ходе чего выстраиваются генеалогические линии. В дальнейшем составленные по материалам переписей населения конца XVIII–XIX вв. генеалогии сравниваются с генеалогиями, собранными в настоящее время среди современного русского и татарского населения.

За годы исследований в области этноархеологии сложился опыт использования генеалогических материалов. Без них немыслима работа по этнической и этносоциальной истории¹⁵⁰, истории семьи и антропологии¹⁵¹, духовной культуре¹⁵². В современных публикациях признается действенным историко-генеалогический метод, который позволяет составлять генеалогические схемы непривилегированных семей. Эти разработки дают возможность показать динамику этнического самосознания, религиозной идентичности, социального статуса и являются доказательной базой теоретических построений¹⁵³.

Завершая обзор источников, используемых в этнографо-археологических исследованиях, отметим следующее.

Археологи имеют дело в основном с материалами археологических памятников, дополняя эти сведения данными письменных источников (записки путешественников, карты, документация разных типов). Для сравнения вещественных комплексов они используют музейные коллекции и в ряде случаев наблюдения за современной культурой русских и татар Тарского Прииртышья.

Этнографы опираются на материалы, полученные в ходе этнографических экспедиций методами наблюдения и беседы, а также на данные письменных источников, важнейшими из которых являются документы учета населения XVIII–XX вв. Только для некоторых направлений исследований большое значение имеет работа с музейными коллекциями.

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учебное пособие / И. Н. Данилевский [и др.]. – М., 1998. – С. 146–147; *Клейн Л. С.* Археологические источники : учебное пособие. – Л., 1978. – С. 15–16; *Русина Ю. А.* История и теория источниковедения : курс лекций. – Екатеринбург, 2001. – С. 95; *Шmidt С. О.* О классификации исторических источников // *Путь историка : избранные труды по источниковедению и историографии.* – М., 1997. – С. 84.

² *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – М., 1975. – С. 251.

³ *Мартынов А. И.* Археология СССР : учебное пособие. – 2-е изд. – М., 1982. – С. 6.

⁴ *Мартынов А. И.* Археология СССР : учебник. – 5-е изд. – М., 2005. – С. 28–29.

⁵ Там же. С. 14–15. Отметим, что дефиниции «археологический источник» и «археологический памятник» встречаются в следующем издании: *Мартынов А. И., Шер Я. А.* Методы археологического исследования : учебное пособие. – М., 1989. – С. 5, 17. На с. 15 было декларировано тождество этих понятий.

- ⁶ Археология : учебник / под ред. В. Л. Янина. – М., 2006. – С. 8.
- ⁷ Клейн Л. С. Археологические источники. – С. 6, 18–19.
- ⁸ Там же. С. 25.
- ⁹ Там же. С. 62.
- ¹⁰ Клейн Л. С. Археологическая типология. – Л., 1991. – С. 348.
- ¹¹ Там же. С. 350.
- ¹² Харузин Н. Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. – СПб., 1901. – Вып. 1. – С. 8–23.
- ¹³ Кнышенко Ю. В. История первобытного общества и основы этнографии. – Ростов-на-Дону, 1965. – С. 38–40.
- ¹⁴ Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. – М., 1966. – С. 4; Итс Р. Ф. Введение в этнографию. – Изд-е 2-е. – Л., 1991. – С. 85–87; Козьмин В. А. Полевая этнография [Электронный ресурс] // Европейский университет в Санкт-Петербурге : [сайт]. – URL: old.eu.spb.ru/ethno/courses/ et_p31.htm (дата обращения: 23.04.2012).
- ¹⁵ См., например: Зорин А. Н. Основы этнологии : учебное пособие. – Казань, 1994. – С. 50; Этнография : учебник / под ред. Ю. В. Бромляя, Г. Е. Маркова. – М., 1982. – С. 26–29.
- ¹⁶ Этнология : учебник / под ред. Г. Е. Маркова, В. В. Пименова. – М., 1994; Основы этнологии : учебное пособие / под ред. В. В. Пименова. – М., 2007.
- ¹⁷ Лукина Н. В. О понятии этнографический источник (к постановке вопроса) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири : сб. материалов V Зап.-Сиб. археол.-этногр. совещ. – Томск, 1981.
- ¹⁸ Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников. – С. 198–200.
- ¹⁹ Шмидт С. О. О классификации исторических источников. – С. 88.
- ²⁰ Например: Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 1940. – Т. 1. – С. 8–9. См. критику этого положения: Стродс Х. П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории. – М., 1977. – Вып. 11. – С. 52.
- ²¹ Козьмин В. А. Указ. соч. – С. 14–15.
- ²² Клейн Л. С. Археологические источники. – С. 5.
- ²³ Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер А. Я. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). – М., 1975.
- ²⁴ Там же. С. 4.
- ²⁵ Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций. – М., 1966.
- ²⁶ Клейн Л. С. Указ. соч. – С. 90.
- ²⁷ Там же. С. 90–91.
- ²⁸ Мартынов А. И. : 1) Археология СССР : учебное пособие. – 2-е изд. – С. 6; 2) Археология СССР : учебник. – 5-е изд. – С. 29–32.
- ²⁹ Мартынов А. И., Шер Я. А. Методы археологического исследования. С незначительными изменениями такое деление памятников представлено и в следующем учебнике: Мартынов А. И. Археология СССР : учебник. – 5-е изд.
- ³⁰ Итс Р. Ф. Введение в этнографию. – С. 86–87.
- ³¹ Этнология : учебник. – С. 48; Основы этнологии : учебное пособие. – С. 36.
- ³² Лукина Н. В. О понятии этнографический источник. – С. 26.
- ³³ Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников. – С. 248–249.
- ³⁴ Щеглова Т. К. Устная история : учебное пособие. – Барнаул, 2011. – С. 37–42.
- ³⁵ Лукина Н. В. Указ. соч. – С. 27.
- ³⁶ Козьмин В. А. Указ. соч. – С. 12–13.
- ³⁷ Там же. С. 14.
- ³⁸ Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск, 2003. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; Т. 7); Соболев В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). – Новосибирск, 2008. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; Т. 10).
- ³⁹ Корусенко М. А. Указ. соч. – С. 16.

- ⁴⁰ *Соболев В. И.* История Сибирских ханств... – С. 180.
- ⁴¹ *Данченко Е. М., Грачев М. А.* К вопросу о локализации Кызыл-Туры // *Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем.* – Томск, 2003.
- ⁴² *Левашева В. П.* : 1) Вознесенское городище Барабинского округа, Спасского района, на левом берегу р. Оми // *Известия Государственного Западно-Сибирского краевого музея.* – Омск, 1928. – № 1; 2) О городищах Сибирского юрта // *Советская археология.* – 1950. – № 13.
- ⁴³ *Чернецов В. Н., Мошинская В. И.* Городище Большой Лог // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры.* – М., 1951. – Вып. XXXVII.
- ⁴⁴ Архив Института археологии АН СССР. Ф. Р-1. Д. 2379–2379а. Л. 1–16 (*Могильников В. А.* Отчет о работах Иртышского отряда Западно-Сибирской археологической экспедиции в 1961 г.).
- ⁴⁵ *Могильников В. А.* Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // *Советская археология.* – 1965. – № 1.
- ⁴⁶ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Поселение Большой Лог у г. Омска // *Уральское археологическое совещание.* – Сыктывкар, 1967.
- ⁴⁷ *Татауров С. Ф., Тихонов С. С.* Археологические источники для этнографо-археологических исследований в низовьях р. Тары // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума.* – Новосибирск, 1996. – Т. 1: *Культура тарских татар.*
- ⁴⁸ *Татаурова Л. В.* Керамические комплексы // *Нижнетарский археологический микрорайон.* – Новосибирск, 2001.
- ⁴⁹ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – М., 1999. – Т. 1. – С. 186.
- ⁵⁰ Письменные известия о древних городах Сибири. – М., 1992. – С. 47.
- ⁵¹ *Данченко Е. М., Грачев М. А.* К вопросу о локализации Кызыл-Туры. – С. 277–278.
- ⁵² *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. – Т. 1. – С. 255.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Архив Института археологии АН СССР. Ф. Р-1. Д. 7945, 7945а, 7945б (*Кони-ков Б. А.* Охранные работы на курганной группе у д. Кип Тевризского района и поселения у д. Верхнее Аксеново Усть-Ишимского района Омской области в 1985 г.).
- ⁵⁵ Архив Института археологии АН СССР. Ф. Р-1. Д. 2379–2379а. С. 1–16 (*Могильников В. А.* Отчет о работах... в 1961 г.); *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* – Томск, 1995. – Т. 1, кн. 1 : *Поселения и жилища.* – С. 374.
- ⁵⁶ *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири.* – Т. 1, кн. 1. – С. 453.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Архив Института археологии АН СССР. Ф. Р-1. Д. 2773, 2773а (*Могильников В. А.* Отчет о работах Иртышского отряда Западно-Сибирской археологической экспедиции в 1962 г.).
- ⁵⁹ *Тихомиров К. Н.* : 1) Исследования 2001–2003 гг. в Тевризском и Знаменском районах Омской области // *Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы : тез. докл. регион. науч. конф., посвящ. 30-летию Ом. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского.* – Омск, 2004. – Ч. 3; 2) Работы в Знаменском районе Омской области // *Археологические открытия 2004 г.* – М., 2005.
- ⁶⁰ *Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири.* – Омск, 2005. – С. 98, рис. 10.
- ⁶¹ *Конилов Б. А.* Основы средневековой археологии Западной Сибири. – Омск, 1992.
- ⁶² *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Некоторые итоги полевых работ на археологических комплексах XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье // *Современные проблемы археологии России : сб. науч. тр.* – Новосибирск, 2006. – Т. 2.
- ⁶³ *Чернецов В. Н., Мошинская В. И.* Городище Большой Лог // *Краткие сообщения Института истории материальной культуры.* – С. 78.
- ⁶⁴ Там же. С. 87.
- ⁶⁵ *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Поселение Большой Лог у г. Омска // *Уральское археологическое совещание.* – Сыктывкар, 1967.
- ⁶⁶ *Миллер Г. Ф.* Указ. соч. – Т. 1. – С. 255.
- ⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. – Т. 1. – С. 288.

⁶⁹ Там же. С. 289.

⁷⁰ Матвеев А. В. Легендарные городки аялыных татар (историографическое исследование) // IV Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 1997.

⁷¹ Матвеев А. В. Яворская Л. Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова 1697–1711 гг. // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2003. – Т. 10.

⁷² Татауров С. Ф. Тунус – последний городок Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С. 210–212.

⁷³ Миллер Г. Ф. Указ соч. – Т. 1. – С. 290.

⁷⁴ Там же. С. 291.

⁷⁵ Матвеев А. В., Трофимов Ю. В. Исследования городища позднего средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003–2004 гг. // Труды по археологии и этнографии Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2006.

⁷⁶ Чагаева А. С. Памятники эпохи железа в Среднем Прииртышье (по материалам раскопок 1962–1963 гг.) // Ученые записки Омского педагогического института. – Омск, 1966. – Вып. 23 : Из истории города Омска и Омской области.

⁷⁷ Здор М. Ю., Татауров С. Ф., Тихомиров К. Н. Археологическая карта Муромцевского района Омской области. – Омск, 2000; Татауров С. Ф., Тихонов С. С. Археологические источники для археолого-этнографических исследований...; Татауров С. Ф., Тихонов С. С. Использование тарскими татарами знаний о природе при выборе мест поселений (по материалам археологических реконструкций XVII – начала XX вв.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2: Культура тарских татар; Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Томилов Н. А. Возможности использования археологических и этнографических материалов для реконструкции народных знаний населения Сибири XVII – первой четверти XX вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 2; Тихонов С. С. : 1) Изучение этнографо-археологических комплексов народов Сибири и метод картографирования // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Ханты-Мансийск ; Омск, 2002; 2) Система расселения аборигенов и проблемы ее изучения // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Владивосток, 2003; 3) Особенности формирования культурного слоя на русских и татарских поселениях XVIII в. в пойме правого берега Иртыша // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы ; Омск, 2004; Тихонов С. С., Томилов Н. А. Этнографо-археологические комплексы: проблемы конструирования и изучения (по материалам культуры татар и русских Тарского Прииртышья XVI–XX вв.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Т. 2.

⁷⁸ Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на урочище Татарский увал у д. Окунево. – Новосибирск, 1994; Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск, 2001.

⁷⁹ Татауров С. Ф., Тихонов С. С. Тарское Прииртышье в XIV–XVI вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2002. – Т. 5.

⁸⁰ Матвеев А. В., Яворская Л. Я. Указ. соч. – С. 147–162.

⁸¹ Миллер Г. Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыш и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 75–99. – (Серия «История Сибири. Первоисточники»; Вып. VI).

⁸² Матвеев А. В., Яворская Л. Я. Указ. соч. – С. 147–162.

⁸³ Миллер Г. Ф. Описание городов, крепостей, острогов... – С. 75–99.

⁸⁴ Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Источники по истории Западной Сибири (История и археология). – Омск, 1987.

⁸⁵ Татаурова Л. В. Проблемы сохранения и исторической реконструкции объектов культурного наследия в границах современного населенного пункта (на примере

Такмыкского острога) // VII Научно-практическая конференция «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященная 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ханты-Мансийск, 2014.

⁸⁶ *Татаурова Л. В., Татауров С. Ф., Татауров Ф. С., Тихомиров К. Н., Тихонов С. С.* Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований). – Омск, 2014.

⁸⁷ *Татаурова Л. В., Тихомирова М. Н.* Этнографо-археологический комплекс «русские»: (предварительные итоги исследования) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2006. – Т. 9.

⁸⁸ *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – Тюмень, 1999. – С. 153.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп.1. Д. 1182. Л.185–187 (о деревне Ананьино).

⁹⁰ *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – Т. 1. – С. 493.

⁹¹ *Тихонов С. С.* Ананьино: этнографо-археологический комплекс // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005.

⁹² *Крих А. А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). – Омск, 2012. – С. 137.

⁹³ *Багаишев А. Н., Антонов А. Л.* К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильческого населения Омского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005.

⁹⁴ *Крих А. А.* Этническая история населения деревни Евгашино (XVII–XX века) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2012. – Т. 12.

⁹⁵ Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири / Н. А. Томилов, С. С. Тихонов, Л. В. Татаурова [и др.]. – Омск, 2005. – С. 166–200.

⁹⁶ *Татаурова Л. В.* Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк I. – Омск, 2010.

⁹⁷ *Колесников А. Д.* Омская пашня. Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX веков. – Омск, 1999. – С. 22.

⁹⁸ *Татаурова Л. В., Яковлева О. А.* Поселение Бергамак I // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Новосибирск ; Омск, 1996. – Ч. II. – С. 76–77; *Татаурова Л. В.* Исследования Бергамакского острога // Археологические открытия. – М., 1997; Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири; *Татаурова Л. В., Тихомирова М. Н.* Этнографо-археологический комплекс «русские»: (предварительные итоги исследования).

⁹⁹ См. об этом: *Ремизов А. В.* Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории. – Омск, 1998. – Ч. I.

¹⁰⁰ *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994. – С. 125; *Томилов Н. А., Макаров Ю. А.* Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (Краткий исторический очерк) // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск, 1986. О формировании этнографических коллекций и их изучении см.: *Томилов Н. А.* Этнографические коллекции в омских музеях // Советская этнография. – 1981. – № 5; *Богомолов В. Б., Томилов Н. А.* Этнографические коллекции Омского государственного объединенного исторического и литературного музея // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск, 1990.

¹⁰¹ О поездках И. Н. Шухова и А. Г. Беляковой см.: *Томилов Н. А.* Предметы хозяйства русских в этнографическом фонде Омского государственного объединенного исторического и литературного музея // Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. – Томск, 1993. – С. 10, 11; *Томилов Н. А., Макаров Ю. А.* Указ. соч. – С. 21, 35.

¹⁰² Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. – Томск, 1993; Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея. – Томск, 1994.

¹⁰³ Ремизов А. В. Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории – С. 20.

¹⁰⁴ Там же. С. 22; Пугачева Н. М. Омское общество краеведения во второй половине 1920-х годов // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию Омска. Секция: История Омска и Омской области. – Омск, 1991. – С. 120.

¹⁰⁵ См.: Сливко С. А. Сборник краеведческого материала для учителя и политпросветчика Омского округа. – Омск, 1926; Материалы Омского общества краеведения. – Омск, 1926. – Вып. 1.

¹⁰⁶ Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – С. 189.

¹⁰⁷ См., например, работы И. Н. Шухова: 1) Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Известия Омского краеведческого музея. – Омск, 1928. – № 1. 2) Оружие западносибирских ямщиков // Омская область. – 1940. – № 3. Интерес к нерусским народам у И. Н. Шухова более академичен, тогда как в культуре русских его, как и некоторых других краеведов, привлекают, прежде всего, курьезные сюжеты.

¹⁰⁸ О деятельности омских краеведов и библиографию их публикаций см.: Ремизов А. В. Омское краеведение 1930-х–1960-х гг. – Омск, 1998. – Ч. II. – С. 3–65, 91–104; Вибе П. П. : 1) Андрей Федорович Палашенков // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1993. – № 2; 2) Василий Семенович Аношин // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1996. – № 4; 3) Коровкин Иван Семенович // Энциклопедия города Омска : в 3 т. – Омск, 2011. – Т. 3 : Омск в лицах. – Кн. 1.

¹⁰⁹ См., например: Долгушин А. П. Сказание о Большеречье. – Омск, 1998.

¹¹⁰ Ремизов А. В. Указ. соч. – С. 57–64.

¹¹¹ См., например: Черноков Н. Предания старины сибирской // Глубинка. – Омск, 1996. – Вып. 2 (предисловие и публикация А. В. Ремизова); Сибирское село Большереченское. Из записок краеведов [В. С. Аношина и А. В. Горобцова] (предисловие и публикация В. А. Липинской) // Русские. Историко-этнографические очерки. – М., 1997.

¹¹² Эти публикации отражены в указателе: Литература об Омской области : в 61 вып. – Омск, 1962–1993. См. также: Бережнова М. Л. Материалы и исследования по истории заселения и традиционной культуре русских Омского Прииртышья в изданиях XIX–XX вв. // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века). – Омск, 2002 (раздел III. История отдельных населенных пунктов Омского Прииртышья).

¹¹³ Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М. Омский историко-краеведческий словарь. – С. 183.

¹¹⁴ Борисов А. Б. Заселение юга Среднего Прииртышья // Известия Омского отдела Географического общества СССР. – Омск, 1958. – Вып. 2; Аношин В. С. Материалы к вопросу о заселении территории Большереченского района // Известия Омского отдела Географического общества СССР. – Омск, 1961. – Вып. 4; Колесников А. Д. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в. // Известия Омского отдела Географического общества СССР. – Омск, 1964. – Вып. 6; Сигутов П. Т. Некоторые вопросы географии сельского населения Омской области // Известия Омского отдела Географического общества СССР. – Омск, 1965. – Вып. 7 (14).

¹¹⁵ Лшин В. Колхозная частушка // Омская правда. – 1936. – 30 марта, 21 июля; О чем поет колхозная деревня: колхозные частушки // Омская правда. – 1937. – 5 дек.; Окушко А. С. Народное творчество // Омская область. – 1937. – № 11–12; Утков В. Колхозная частушка // Омская правда. – 1937. – 6 февр., 3 марта; Петров П. Е. Игровая песня в Омской области // Омская область. – 1939. – № 1; Утков В. Заметки о фольклоре // Омская правда. – 1941. – 3 февр.

¹¹⁶ Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр. – Омск, 2007; Леонова Т. Г. : 1) Проблемы изучения регионального фольклора : в 2 ч. – Омск, 2014 (разделы «Фольклор Омской области: итоги и перспективы изучения», «К вопросу

об интерпретации этнографии и филологии в изучении регионального фольклора»); 2) Фольклорный репертуар сибирских сел с разным составом населения (к итогам фольклорной экспедиции 1973 года в Знаменский район Омской области) // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1975. – Вып. 2; *Леонова Т. Г., Белкина Л. М.* Обзор материалов фольклорной экспедиции 1974 года в Знаменский и Муромцевский районы Омской области // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1976. – Вып. 3; *Новоселова Л. В.* : 1) Итоги фольклорных экспедиций в Тарский и Седельниковский районы Омской области (Обзор и публикация материалов) // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1975. – Вып. 2; 2) Фольклорная экспедиция студентов Омского педагогического института в Омскую область // Советская этнография. – 1987. – № 5; Поездки Омского педагогического института / Л. М. Белкина, Т. Г. Леонова, Л. В. Новоселова, Н. К. Фролова // Историческая жизнь народной поэзии. – Л., 1976. – (Русский фольклор ; Т. XVI) и т. д.

¹¹⁷ Сказки, пословицы, загадки. Сборник устного народного творчества Омской области / сост. В. А. Василенко. – Омск 1955; Народные песни Прииртышья (сост. Т. Г. Леонова). – Новосибирск, 1969; Фольклор Западной Сибири. – Омск, 1974. – Вып. 1. [Поэзия народного календаря. Народная свадьба. Омская область]; Фольклор Западной Сибири. Сказки. – Омск, 1982; «Там лес и дол видений полны»: восточнославянские мифологические рассказы Омского Прииртышья о лешем, полевом, водяном и русалке / сост. Н. К. Козлова. – Омск, 2014.

¹¹⁸ Среди них отметим: *Козлова Н. К.* : 1) Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифологический любовник. Указатель сюжетов. – Омск, 2000; 2) Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты. – Омск, 2006; *Москвина В. А.* Заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XXI вв.). – Омск, 2005; *Новоселова Л. В.* Весенний период народного календаря в Западной Сибири (пасхальный цикл) // Сибирский фольклор. – Новосибирск, 1977. – Вып. 4; *Феоктистова И. К.* Русские предания: история и мифология. – Омск, 2005 [в том числе о преданиях, записанных в Тарском Прииртышье, из Фольклорного архива ОмГПУ]. Достаточно широкий круг исследователей фольклора Омского Прииртышья представлен в уже названной монографии Т. Г. Леоновой «Проблемы изучения регионального фольклора». См. также: Фольклор и литература Сибири : в 4 вып. – Омск, 1974–1976, 1981.

¹¹⁹ Материалы семинара регулярно публикуются. См.: Народная культура Сибири : материалы научного (научно-практического) семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. – Омск, 1992–2014. – Вып. 1–22.

¹²⁰ Народная культура Муромцевского района. – Москва, 2000.

¹²¹ О методике этих работ см., например: *Бережнова М. Л.* Погребальный обряд русских старожилов Среднего Прииртышья // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2 : Культура тарских татар.

¹²² *Миллер Г. Ф.* История Сибири : в 3 т. – М., 1999; *Миллер Г. Ф.* Описание городов, крепостей, острогов...

¹²³ Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. – Новосибирск, 1982.

¹²⁴ *Колесников А. Д.* Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 г. – Омск, 2002.

¹²⁵ Центральный государственный архив древних актов СССР : путеводитель : в 4 т. / сост. Ю. М. Эскин, М. В. Бабич, Е. Ф. Желуховцева. – М., 1992. – Т. 2.

¹²⁶ *Оглоблин Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768) : в 4 ч. – М., 1895–1900.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 314–399; Кн. 925. Л. 59. Кн. 1182. Л. 1–425. Кн. 1199. Л. 1–69.

¹²⁸ Там же. Кн. 1397. Л. 169. Кн. 1403. Л. 600.

¹²⁹ Там же. Кн. 905. Л. 1.

¹³⁰ *Оглоблин Н. Н.* Указ. соч. – Ч. I. – С. 134.

¹³¹ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1 : Тобольская губ. Д. 9.

¹³² *Миллер Г. Ф.* Описание городов, крепостей, острогов...

¹³³ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1 : Тобольская губ. Д. 8.

¹³⁴ РГИА. Ф. 1248. Оп. 241. Д. 233.

¹³⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 503.

¹³⁶ РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7838.

¹³⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 59.

¹³⁸ Там же. Д. 75–77, 80, 85–86, 126–133, 141–150 и др.

¹³⁹ РГИА. Ф. 1248. Оп. 241. Д. 77.

¹⁴⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 65, II отд., 3 стол. Д. 210.

¹⁴¹ *Корусенко С. Н., Кулешова Н. В.* Генеалогия и этническая история барабинских и курдакско-саргатских татар. – Новосибирск, 1999; *Корусенко С. Н.* Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск, 2006.

¹⁴² *Бережнова М. Л., Корусенко С. Н.* О методах изучения этнической истории русских Сибири // Русские старожилы : материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск ; Омск, 2000. – С. 270.

¹⁴³ *Валеев Ф. Т.* Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. – Омск, 1991. – С. 99–100.

¹⁴⁴ *Бустанов А. К.* Священные родословные и межрегиональные связи мусульман Северной Евразии: история семьи Шиховых в XVII–XX вв. // Суфизм и мусульманская духовная традиция: тексты, институты, идеи и интерпретации. – СПб., 2014; *Бустанов А. К., Корусенко С. Н.* Родословные сибирских бухарцев: Имяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2; *Корусенко С. Н.* Из истории рода Шиховых: генеалогический метод в этноисторических исследованиях // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск, 2013. – Ч. 1.

¹⁴⁵ *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги: время собирать камни // Отечественные архивы. – 1996. – № 4, 5; *Горюшкин Л. М.* Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. – Новосибирск, 1988. – С. 60; *Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). – М., 1963. – С. 78–82; *Миненко Н. А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX вв. – Новосибирск, 1981. – С. 16; *Палли Х.* Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. – 1982. – № 1; *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. – М., 1956. – С. 37; *Тарасов-Борисенко М. В.* Ареал генеалогии русских крестьян: проблемы и опыт микроисследований. По материалам Тобольского и Тарского уездов конца XVI – начала XX века. – СПб., 2001. – С. 88–89 и др.

¹⁴⁶ *Патканов С. К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев. – СПб., 1911. – Т. II.

¹⁴⁷ *Аксенов А. И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. – М., 1993; *Борисенко М. В.* Первая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по истории крестьянских семей // Известия Русского генеалогического общества. – 1995. – Вып. III; *Кабузан В. М.* : 1) Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам ревизий). – М., 1971; 2) Народонаселение России в XVII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). – М., 1963; *Миненко Н. А.* Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX вв. – Новосибирск, 1981; Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. – М., 1956; *Подъяпольская Е. П.* Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия : сб. ст. – М., 1952. и др.

¹⁴⁸ *Сагайдачный А. Н.* Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. – Новосибирск, 2000; *Тарасов-Борисенко М. В.* Указ. соч.

¹⁴⁹ *Золототрубов В. С.* Опыт применения похозяйственной книги в качестве источника массовой информации для изучения жителей села // Очерки социально-экономической жизни Сибири. – Новосибирск, 1972.

¹⁵⁰ *Корусенко С. Н.* Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск, 2006; *Крих А. А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). – Омск, 2012.

¹⁵¹ *Герасимова Л. Б.* Семья и семейно-родовые кланы русских Омского Прииртышья // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века) : историко-этнографические очерки. – Омск, 2002; *Жидик О. Н.* Антропонимическая система русских крестьян Омского Прииртышья в XVIII – начале XX века // // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века) : историко-этнографические очерки. – Омск, 2002.

¹⁵² *Бережнова М. Л.* Кладбище села Бергамак: опыт мониторинга (ч. I. Вводные замечания) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2009. – Т. 11.

¹⁵³ *Крих А. А.* Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). – С. 33; *Фурсова Е. Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX века). – Новосибирск, 2002. – Ч. I : Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. – С. 21–22.

Литература и источники

I. Неопубликованные источники

Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ)

Фонд 154 – Тобольская казенная палата:

- Оп. 8. Д. 31: Ревизские сказки 1782 г. Тарского округа Тобольского наместничества;
- Д. 63 : Ревизские сказки 1795 г. Тарского округа Тобольского наместничества;
- Д. 138. Л. 183;
- Д. 877, 885, 886, 891.

Фонд 417 – Губернский статистический комитет. Город Тобольск Тобольской губернии (1835–1919):

- Оп. 1. Д. 409. Л. 66–69 об.;
- Оп. 2. Д. 2167;
- Д. 2193. Л. 1–13;
- Д. 2485. Л. 6–45.

Казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (ГИАОО)

Фонд 3 – Главное управление Западной Сибири:

- Оп. 1. Д. 620. Л. 30, 451.

Фонд 4 – Начальник сухопутных сообщений:

- Оп. 1. Д. 270.

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского

Фонд 1 – Материалы этнографических экспедиций:

- Д. 2-10. Л. 13, 33;
- Д. 5-11. Л. 90;
- Д. 84-4. Л. 111;
- Д. 90-3. Л. 43;
- Д. 92-2. Л. 9;
- Д. 94-3. Л. 52–56, 58–59, рис.;
- Д. 107-3. Л. 13, 25, 28;
- Д. 113-1. Л. 1, рис.; Л. 107, 113.

Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук

Фонд 1. Р-1 – Отчеты о полевых исследованиях:

- Д. 2379–2379а. Л. 1–16 (Могильников В. А. Отчет о работах Иртышского отряда Западно-Сибирской археологической экспедиции в 1961 г.);
- Д. 2773, 2773а (Могильников В. А. Отчет о работах Иртышского отряда Западно-Сибирской экспедиции в 1962 г.);
- Д. 7945, 7945а, 7945б (Коников Б. А. Охранные работы на курганной группе у д. Кип Тевризского района и поселения у д. Верхнее Аксеново Усть-Ишимского района Омской области в 1985 г.).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Фонд 192 – Картографический отдел библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел:

Оп. 1: Тобольская губерния. Д. 8, 9.

Фонд 214 – Сибирский приказ:

Оп. 1: Кн. 5. Л. 314–399;

Кн. 905. Л. 1;

Кн. 925. Л. 59;

Кн. 1182. Л. 1–425;

Кн. 1199. Л. 1–69;

Кн. 1397. Л. 169;

Кн. 1403. Л. 600.

Фонд 350 – Ландратские книги и ревизские сказки:

Оп. 2: Д. 3520 : Книга переписная посадских людей, цеховых, разночинцев, государственных крестьян г. Тары, разночинцев, монастырских, государственных крестьян Тарского уезда за 1748 г. Л. 1–2 об., 91–96;

Д. 3521. Л. 215 об. – 221 об.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Фонд 383 – Первый департамент Министерства государственных имуществ:

Оп. 9. Д. 7838.

Фонд 391 – Переселенческое управление Министерства земледелия:

Оп. 1. Д. 59, 75–79, 80, 85–86, 126–133, 141–150 и др.

Фонд 797 – Канцелярия обер-прокурора Синода:

Оп. 65, II отд. 3-й стол. Д. 210.

Фонд 1248 – Особое присутствие по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждений их владельцев:

Оп. 241. Д. 77, 233.

Фонд 1278 – Государственная дума I, II, III, IV созывов:

Оп. 7. Д. 503.

II. Литература и опубликованные источники

The atlas of Siberia by Semyon U. Remezov / Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. – ('s-Gravenhage :) Mouton & Co., 1958. – 250 p.

Аксенов, А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. – Москва : РАН, Ин-т Российской истории, 1993. – 217 с.

Аношин, В. С. Материалы к вопросу о заселении территории Большереченского района // Известия // Омского отдела Географического общества СССР. – Омск, 1961. – Вып. 4. – С. 109–111.

Антонов, Д. Н. Метрические книги: время собирать камни / Д. Н. Антонов, И. А. Антонова // Отечественные архивы. – 1996. – № 4. – С. 15–28; № 5. – С. 29–42.

Апполова, Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. – Москва : Наука, 1976. – 372 с.

Арутюнов, С. А. Проблема археологических критериев этнической специфики / С. А. Арутюнов, А. М. Хазанов // Советская этнография. – 1979. – № 6. – С. 79–89.

Археология : учебник / под ред. В. Л. Янина. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2006. – 608 с.

Атлас Омской области / сост. и подготовлен к печати Омской картографической фабрикой Роскартографии. – Москва : Федеральная служба геодезии и картографии России, 1996. – 56 с.

Атлас Омской области / разработан Дальневосточным предприятием Роскартографии (г. Хабаровск) при участии Омского государственного педагогического университета. – Москва : Роскартография, 2002. – 32 с.

Ахметова, Ш. К. Методика этноархеологического изучения погребального обряда казахов Западной Сибири / Ш. К. Ахметова, И. В. Толпекко. – Омск : Изд-во Омского ун-та, 2011. – 52 с.

Багашев, А. Н. К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильского населения Омского Прииртышья / А. Н. Багашев, А. Л. Антонов // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 29–37.

Бардина, П. Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск : Изд-во ТГУ, 1995. – 223 с.

Бахрушин, С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. – Москва, 1955. – Т. III, ч. 2. – С. 252–296.

Бахрушин, С. В. Сибирь и Средняя Азия в XVII и XVIII вв. // Научные труды. – Москва, 1959. – Т. IV. – С. 195–214.

Бережнова, М. Л. Этноархеология: сумма наук или интеграция? // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2003. – С. 36–39.

Бережнова, М. Л. Группы русских сибиряков (к вопросу об их выделении в отечественной истории и этнографии) // Русский вопрос: история и современность. – Омск, 2005. – С. 128–130.

Бережнова, М. Л. История поселгьи в Сибири, или Как чужая земля стала родиной // Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире: исследовательские подходы и интерпретации. – Москва, 2003. – С. 118–145.

Бережнова, М. Л. Материалы и исследования по истории заселения и традиционной культуре русских Омского Прииртышья в изданиях XIX–XX веков // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века) : историко-этнографические очерки. – Омск, 2002. – С. 172–223.

Бережнова, М. Л. Евгашина, она же Елгашина, она же Изюк: ранний период истории старинного сибирского села / М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск ; Ханты-Мансийск, 2002. – С. 184–189.

Бережнова, М. Л. Кладбище села Бергамак: опыт мониторинга (ч. I. Вводные замечания) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2009. – Т. 11. – 236–248.

Бережнова, М. Л. О методах изучения этнической истории русских Сибири / М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко // Русские старожилы : материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск ; Омск, 2000. – С. 268–270.

Бережнова, М. Л. Погребальный обряд русских старожилов Среднего Прииртышья // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2 : Культура тарских татар. – С. 163–177.

Бибиков, С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // Советская археология. – 1969. – № 4. – С. 5–22.

Бибиков, С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья // Советская археология. – 1965. – № 1. – С. 48–62.

Богомолов, В. Б. Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар / В. Б. Богомолов, В. И. Соболев // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск, 1981. – С. 129–132.

Богомолов, В. Б. Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований / В. Б. Богомолов, Н. А. Томилов // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск, 1981. – С. 132–134.

Богомолов, В. Б. Художественный стиль и археолого-этнографические исследования / В. Б. Богомолов, Н. А. Томилов // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990. – С. 150–153.

Богомолов, В. Б. Этнографические коллекции Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / В. Б. Богомолов, Н. А. Томилов // Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск, 1990. – С. 7–25.

Болтрик, Ю. В. Об одном из вероятных трактов Скифии // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР : тез. докл. Респ. конф. молодых ученых. – Киев, 1981. – С. 59–60.

Большаник, П. В. Природные условия Тарского приречного района // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар. – С. 37–48.

Борисенко, М. В. Первая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по истории крестьянских семей // Известия Русского генеалогического общества. – 1995. – Вып. III. – С. 12–19.

Борисов, А. Б. Заселение юга Среднего Прииртышья // Известия Омского отделения Географического общества СССР. – Омск, 1958. – Вып. 2. – С. 69–74.

Бородовский, А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск : Изд-во Инст-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский, А. П. Экспериментальная реконструкция технологии изготовления панцирных пластин из лошадиных копыт, известной у сармат по описаниям античных авторов // Экспериментальная археология. – Тобольск, 1992. – Вып. 2. – С. 34–41.

Бояршинова, З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1960. – 152 с.

Бояршинова, З. Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири // Труды Томского государственного университета. – Томск, 1964. – Т. 177 : Вопросы истории Сибири. – Вып. I. – С. 44–55.

Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. – Москва : Наука, 1983. – 412 с.

Бустанов, А. К. Священные родословные и межрегиональные связи мусульман Северной Евразии: история семьи Шиховых в XVII–XX вв. // Суфизм и мусульманская духовная традиция: тексты, институты, идеи и интерпретации. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 122–149.

Бустанов, А. К. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы / А. К. Бустанов, С. Н. Корусенко // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2 (42). – С. 97–105.

Бухтарминские старообрядцы. – Ленинград : Изд. Академии наук СССР, 1930. – 464 с. – (Материалы комиссии экспедиционных исследований ; Вып. 17. Серия казахстанская).

Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. — Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — 328 с.

Валеев, Ф. Т. К вопросу о способах и средствах передвижения сибирских татар в XIX – начале XX вв. // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий : тез. докл. обл. науч. конф. по этнографии. — Омск, 1984. — С. 150–153.

Валеев, Ф. Т. Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. — Омск, 1991. — С. 99–100.

Валеев, Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. — Казань : Татарское книжное изд-во, 1992. — 82 с.

Валеев, Ф. Т. Татары Западной Сибири: история и культура / Ф. Т. Валеев, Н. А. Томилов. — Новосибирск : Наука, 1996. — 224 с.

Васильев, В. И. Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории (на материалах народов Севера СССР) // Советская этнография. — 1990. — № 6. — С. 33–41.

Вибе, П. П. Андрей Федорович Палашенков // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 1993. — № 2. — С. 6–8.

Вибе, П. П. Василий Семенович Аношин // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 1996. — № 4. — С. 323–324.

Вибе, П. П. Коровкин Иван Семенович // Энциклопедия города Омска : в 3 т. — Омск, 2011. — Т. 3 : Омск в лицах. — Кн. 1. — С. 580.

Вибе, П. П. Омский историко-краеведческий словарь / П. П. Вибе, А. П. Михеев, Н. М. Пугачева. — Москва : Отечество, 1994. — 317 с.

Вилков, О. Н. Бухарцы и их торговля в Западной Сибири в XVII в. // Торговля городов Сибири к XVI – начало XX вв. — Новосибирск, 1987. — С. 171–214.

Вилков, О. Н. Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока : тез. докл. — Новосибирск, 1968. — Вып. 2 : Материалы первой научной конференции Института истории Сибирского отделения АН СССР. — С. 3–36.

Виноградов, Г. С. Материалы для народного календаря русского старожилго населения Сибири : Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Записки Тулуновского отделения Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. — Иркутск, 1918. — Вып. 1. — С. 1–60 (5-я паг.). Отдельное издание : Иркутск : Паровая типолитография П. Макушина и В. Посохина, 1918. — [4, II, 60 с.].

Виноградов, Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилго населения Сибири : Восточная Сибирь, Тулунский уезд, Иркутская губерния] // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. — 1923. — Вып. V : Науки гуманитарные. — С. 261–345. Есть отдельное издание работы Виноградова (Иркутск : Тип. Губернского ВПО, 1923. — 87 с.)

Волости и населенные места. 1893 г. — Санкт-Петербург : Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1894. — Вып. 10 : Тобольская губерния. — 204 с.

Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии / В. Б. Богомолов, К. Б. Виклунд, Н. А. Томилов [и др.]. — Омск : Изд. Омского ун-та, 2002. — 200 с.

Гайлит, О. А. Меняющаяся повседневность. Трансформации культуры населения Западной Сибири / О. А. Гайлит, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова. — Омск : Издательский дом «Наука», 2013. — 184 с.

Генинг, В. Ф. Поселение Большой Лог у г. Омска / В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина // V Уральское археологическое совещание. – Сыктывкар, 1967. – С. 145–148.

Герасимова, Л. Б. Семья и семейно-родовые кланы русских Омского Прииртышья // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века) : историко-этнографические очерки. – Омск, 2002. – С. 52–76.

Глушков, И. Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск : Изд. Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 328 с.

Головачев, П. М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. – Москва : Типолит. Товарищества И. Н. Кушнерова и К^о, 1902. – 300 с.

Горюшкин, Л. М. Источники по истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. – Новосибирск : Новосибирский государственный ун-т, 1988. – 96 с.

Гриценко, К. Ф. А. П. Дульзон – исследователь истории аборигенов Сибири и их языков / К. Ф. Гриценко, О. А. Осипова // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1973. – С. 6–8.

Громов, Г. Г. Методика этнографических экспедиций. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1966. – 110 с.

Гурвич, И. С. Изучение этногенеза народов Севера в советский период (состояние, проблемы, задачи и перспективы) // Этногенез и этническая история народов Севера. – Москва, 1975. – С. 5–42.

Данченко, Е. М. К вопросу о локализации Кызыл-Туры / Е. М. Данченко, М. А. Грачев // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск, 2003. – С. 277–278.

Долгих, Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 622 с. – (Труды Института этнографии ; Т. 55).

Долгушин, А. П. Сказание о Большеречье. – Омск : Омское книжное изд-во, 1998. – 192 с.

Дробижев, В. З. Историческая география СССР / В. З. Дробижев, И. Д. Ковальченко, А. В. Муравьев. – Москва : Высшая школа, 1973. – 319 с.

Дэвлет, М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. – Москва : Наука, 1980. – 269 с.

Жеравина, А. Н. Рост крестьянского населения Западной Сибири в XVIII в. // Труды Томского государственного университета. – Томск, 1964. – Т. 177 : Вопросы истории Сибири. – Вып. 1. – С. 3–15.

Жидик, О. Н. Антропонимическая система русских крестьян Омского Прииртышья в XVIII – начале XX века // Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века) : историко-этнографические очерки. – Омск, 2002. – С. 77–106.

Жук, А. В. Введение в этноархеологию : учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений / А. В. Жук, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов. – Омск : Издательский дом «Наука», 2003. – 72 с.

Жук, А. В. Введение в этноархеологию : учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений / А. В. Жук, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2003. – Т. 11. – С. 79–124.

Жук, А. В. Этноархеологическое направление отечественной науки: периодизация процесса развития / А. В. Жук, Н. А. Томилов // Этническая история и культура тюркских народов Евразии : сб. науч. тр. – Омск, 2011. – С. 321–324.

Захарова, И. В. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр / И. В. Захарова, Н. А. Томилов. – Омск : Издательский дом «Наука», 2007. – 400 с.

Здор, М. Ю. Археологическая карта Муромцевского района Омской области / М. Ю. Здор, С. Ф. Татауров, К. Н. Тихомиров. – Омск : Омский государственный ун-т, 2000. – 135 с.

Зияев, Х. З. Средняя Азия и Сибирь (вторая половина XVI–XIX вв.). – Ташкент : Фан, 1964. – 78 с.

Золототрубов, В. С. Опыт применения похозяйственной книги в качестве источника массовой информации для изучения жителей села // Очерки социально-экономической жизни Сибири. – Новосибирск, 1972. – С. 129–140.

Зорин, А. Н. Основы этнологии : учебное пособие. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1994. – 80 с.

Из истории Сибири. – Томск : ТГУ, 1973. – Вып. 7 : Материалы совещания по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – 230 с.

Илюшин, А. М. К вопросу о средневековой этноархеологии Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 1995. – Ч. 1. – С. 32–33.

Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учебное пособие / И. Н. Данилевский [и др.]. – Москва : Российский государственный гуманитарный ун-т, 1998. – 272 с.

Итина, М. А. Реконструкция некоторых первобытных обрядов методом аналогий // Этнография и археология Средней Азии. – Москва, 1979. – С. 15–19.

Итс, Р. Ф. Введение в этнографию. – Изд. 2-е. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1991. – 168 с.

Кабузан, В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. (По материалам ревизий). – Москва : Наука, 1971. – 192 с.

Кабузан, В. М. Народонаселение России в XVII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). – Москва : Изд-во Академии наук, 1963. – 231 с.

Каменецкий, И. С. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода) / И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, А. Я. Шер. – Москва : Наука, 1975. – 173 с.

Кениг, А. В. За создание отечественной этноархеологии // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск, 1995. – С. 80–83.

Кениг, А. В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов) : монография / Ин-т археологии и этнографии Сиб. отделения РАН, Сургут. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Изд-во АМБ, 2010. – 127 с. : табл., ил.

Клейн, Л. С. Археологическая типология. – Ленинград : Ленинградское археологическое отделение, 1991. – 442 с.

Клейн, Л. С. Археологические источники : учебное пособие. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. – 120 с.

Клейн, Л. С. Археолого-этнографические сопоставления // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск, 1981. – С. 140–144.

Кнышенко, Ю. В. История первобытного общества и основы этнографии. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та, 1965. – 438 с.

Козлова, Н. К. Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифологический любовник. Указатель сюжетов. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. – 262 с.

Козлова, Н. К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систематика. Исследование. Тексты. – Омск : Издательский дом «Наука», 2006. – 460 с.

Козьмин, В. А. Полевая этнография [Электронный ресурс] // Европейский университет в Санкт-Петербурге : [сайт]. – URL: old.eu.spb.ru/ethno/courses/et_p31.htm (дата обращения: 23.04.2012).

Колесников, А. Д. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в. // Известия Омского отделения Географического общества СССР. – Омск, 1964. – Вып. 6 (13). – С. 57–88.

Колесников, А. Д. Омская пашня. Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX века. – Омск : Издатель-Полиграфист, 1999. – 106 с.

Колесников, А. Д. Омский и Тарский уезды в топографическом, историческом и экономическом описании 1788 г. – Омск : Изд-во СибАДИ, 2002. – 220 с.

Колесников, А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. – Омск : Западно-Сибирское книжное изд-во. Омское отделение, 1973. – 440 с.

Коников, Б. А. Основы средневековой археологии Западной Сибири. – Омск : Изд. ОмГПУ, 1992. – 96 с.

Корусенко, М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск : Наука, 2003. – 192 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; Т. 7).

Корусенко, М. А. Система земле- и природопользования у населения низовьев Тары в XIX – начале XX вв. / М. А. Корусенко, С. Ф. Татауров // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2 : Культура тарских татар. – С. 118–158.

Корусенко, М. А. Культура населения XVI–XIX вв. как основа формирования современного облика народов Сибири / М. А. Корусенко, С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов [и др.]. – Омск : Издательский дом «Наука», 2005. – 268 с.

Корусенко, М. А. Современная российская этноархеология / М. А. Корусенко, С. С. Тихонов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск ; Омск, 2013. – Т. 1. – С. 106–111.

Корусенко, М. А. Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (1981–1995) / М. А. Корусенко, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1998. – Т. 3. – С. 263–271.

Корусенко, М. А. Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (1996–2000) / М. А. Корусенко, Н. А. Томилов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8. – С. 279–297.

Корусенко, М. А. Список работ омских ученых по этноархеологической проблематике (2001–2005 годы) / М. А. Корусенко, Н. А. Томилов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2009. – Т. 11. – С. 313–349.

Корусенко, М. А. Научные журналы и серии по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии в Омске / М. А. Корусенко, Н. А. Томилов, В. С. Томилова // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Казань ; Омск, 2010. – С. 61–66.

Корусенко, С. Н. Из истории рода Шиховых: генеалогический метод в этноисторических исследованиях // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск, 2013. – Ч. 1. – С. 111–115.

Корусенко, С. Н. Расселение татар Тарского Прииртышья (XVII–XX века) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2006. – Т. 9. – С. 222–255.

Корусенко, С. Н. Этническая группа туралинских татар (XVIII – начало XIX вв.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8. – С. 135–199.

Корусенко, С. Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. – Омск : Издательский дом «Наука», 2006. – 218 с.

Корусенко, С. Н. Генеалогия и этническая история барабинских и курдако-саргатских татар / С. Н. Корусенко, Н. В. Кулешова. – Новосибирск : Наука, 1999. – 312 с.

Корусенко, С. Н. Этноархеология и культурология традиционных сообществ: междисциплинарный подход (на материалах культур населения юга Западной Сибири) / С. Н. Корусенко, Н. А. Томилов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2005. – С. 18–22.

Косарев, М. Ф. К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западносибирских культур // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – С. 59–61.

Котович, В. Г. Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии II. Сборник статей в память профессора М. И. Артамонова. – Ленинград, 1978. – С. 54–61.

Крих, А. А. Этническая история населения деревни Евгачино (XVII–XX века) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2012. – Т. 12. – С. 249–263.

Крих, А. А. Этническая история русского населения Среднего Прииртышья (XVII–XX века). – Омск : Издательский дом «Наука», 2012. – 296 с.

Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири / Н. А. Томилов, С. С. Тихонов, Л. В. Татаурова [и др.] – Омск : Издательский дом «Наука», 2005. – 268 с.

Культура русских в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея / Г. Г. Беляева, М. Л. Бережнова [и др.]. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1994. – 276 с. – (Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев).

Курилов, В. Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия : дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 164 с.

Курилов, В. Н. Система расселения в Юго-Западной Сибири в середине XIX в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 112–130.

Кутузова, Г. И. Ландшафтная обусловленность процессов освоения и историко-географическое районирование Омского Прииртышья / Г. И. Кутузова, П. В. Большаник // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1997. – С. 4–28.

Кызласов, Л. Р. Паромные переправы в средневековой Хакассии (Из истории средств передвижения) // Вопросы археологии Хакассии. – Абакан, 1980. – С. 121–127.

Кызласов, Л. Р. Письменные известия о древних городах Сибири. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1992. – 127 с.

Кызласов, Л. Р. Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – С. 12–15.

Левашева, В. П. Вознесенское городище Барабинского округа, Спасского района, на левом берегу р. Оми // Известия Государственного Западно-Сибирского краевого музея. – Омск, 1928. – № 1. – С. 87–98.

Левашева, В. П. О городищах Сибирского юрта // Советская археология. – 1950. – № 13. – С. 341–350.

Леонова, Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора : в 2 ч. – Омск : Амфора, 2014. – Ч. 1. – 336 с.; Ч. 2. – 420 с.

Леонова, Т. Г. Фольклорный репертуар сибирских сел с разным составом населения (к итогам фольклорной экспедиции 1973 года в Знаменский район Омской области) // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1975. – Вып. 2. – С. 23–44.

Леонова, Т. Г. Обзор материалов фольклорной экспедиции 1974 года в Знаменский и Муромцевский районы Омской области / Т. Б. Леонова, Л. М. Белкина // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1976. – Вып. 3. – С. 31–46.

Лшин, В. Колхозная частушка // Омская правда. – 1936. – 30 марта, 21 июля.

Литвинский, Б. А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и Средневековье. – Москва, 1981. – С. 90–121.

Литература об Омской области : библиографический указатель / Омская областная научная библиотека имени А. С. Пушкина : в 61 вып. – Омск : Б. и., 1962–1992.

Лосева, З. К. Легенды и исторические предания иртышских татар / З. К. Лосева, Н. А. Томилов // Духовная культура народов Сибири. – Томск, 1980. – С. 19–32.

Лукина, Н. В. О понятии этнографический источник (к постановке вопроса) // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири : сб. материалов V Зап.-Сиб. археол.-этногр. совещ. – Томск, 1981. – С. 24–27.

Лукина, Н. В. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири – опыт междисциплинарного исследования / Н. В. Лукина, Л. М. Плетнева, В. М. Кулемзин // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. – Томск, 1995. – С. 99–105.

Малинова, Р. Прыжок в прошлое / Р. Малинова, Я. Малина. – Москва : Высшая школа, 1989. – 335 с.

Маслова, Г. С. Этнографическое изучение русского населения Восточной Сибири / Г. С. Маслова, Л. М. Сабурова // Советская этнография. – 1958. – № 3. – С. 154–167.

Мартынов, А. И. Археология СССР : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва : Высшая школа, 1982. – 335 с.

Мартынов, А. И. Археология СССР : учебник. – 5-е изд. – Москва : Высшая школа, 2005. – 447 с.

Мартынов, А. И. Методы археологического исследования : учебное пособие / А. И. Мартынов, Я. А. Шер. – Москва : Высшая школа, 1989. – 223 с.

Массон В. М. Поселение Джейтун. – Ленинград : Наука, 1971. – 209 с.

Матвеев, А. В. История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековье – Новое время). – Омск : Издательский дом «Наука», 2014. – 268 с.

Матвеев, А. В. Легендарные городки аялыньских татар (историографическое исследование) // IV Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 1997. – С. 80–84.

Матвеев, А. В. Некоторые итоги полевых работ на археологических комплексах XIV–XVI вв. в Среднем Прииртышье / А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров // Современные проблемы археологии России : сб. науч. тр. – Новосибирск, 2006. – Т. 2. – С. 154–156.

Матвеев, А. В. Исследования городища позднего Средневековья Кошкуль IV в Тарском Прииртышье в 2003–2004 гг. / А. В. Матвеев, Ю. В. Трофимов //

Труды по археологии и этнографии Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2006. – С. 69–86.

Матвеев, А. В. Поиск «Угуйского волока» – одной из главных широтных магистралей северо-западной Барабы XVII – первой половины XVIII вв. / А. В. Матвеев, Ю. В. Трофимов // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2005. – С. 155–158.

Матвеев, А. В. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова 1697–1711 гг. / А. В. Матвеев, Л. Я. Яворская // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2003. – № 10. – С. 147–162.

Материалы Омского общества краеведения. – Омск : Изд-во Омского общества краеведения, 1926. – Вып. 1. – 49 с.

Матющенко, В. И. Макро- и микроуровни исследований проблем археологии и этнографии и ЭАК // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск ; Ханты-Мансийск, 2002. – С. 62–64.

Матющенко, В. И. Размышления о предмете исследований этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Алматы ; Омск, 2004. – С. 50–52.

Матющенко, В. И. Комплекс археологических памятников на урочище Татарский увал у д. Окунево / В. И. Матющенко, А. В. Полеводов. – Новосибирск : Наука, 1994. – 222 с.

Мельников, Б. В. Из опыта археолого-этнографических исследований Омского университета в Западной Сибири (1987–1991 гг.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. – С. 25–29.

Мельников, Б. В. Пути и возможности миграций в условиях таежной зоны / Б. В. Мельников, С. Ф. Тагауров, С. С. Тихонов // Экспериментальная археология. – Тобольск, 1992. – Вып. 2. – С. 108–111.

Мельникова О. М. Заметки о содержании этноархеологии // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск ; Санкт-Петербург, 1998. – Ч. II. – С. 15–17.

Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. – 191 с.

Миллер, Г. Ф. История Сибири. – Москва : Восточная литература, 1999. – Т. 1. – 630 с.

Миллер, Г. Ф. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыш и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 75–99. – (Серия «История Сибири. Первоисточники» ; Вып. VI).

Миненко, Н. А. Источники пополнения и сословный состав населения западносибирской деревни в начале XVIII в. // Социально-демографическое развитие сибирской деревни в досоветский период : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 1987. – С. 91–92.

Миненко, Н. А. Освоение русскими Среднего Прииртышья на рубеже XVII–XVIII вв. // Исторический опыт освоения Сибири : Бахрушинские чтения 1985 г. – Новосибирск, 1986. – С. 3–13.

Миненко, Н. А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII – первой половины XIX вв. – Новосибирск : Наука, 1981. – 91 с.

Могильников, В. А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // Советская археология. – 1965. – № 1. – С. 275–283.

- Молодин, В. И.* Кыштовский могильник. – Новосибирск : Наука, 1979. – 181 с.
- Молодин, В. И.* Самусьская культура в Верхнем Приобье / В. И. Молодин, И. Р. Глушков. – Новосибирск : Наука. Сибирское отд-ние, 1989. – 221 с.
- Молони, Н.* Археология. – Москва : РОСМЭН, 1996. – 160 с.
- Москвина, В. А.* Заговоры в Западной Сибири (XIX – начало XXI вв.). – Омск : Изд-во Омского государственного педагогического ун-та, 2005. – 470 с.
- Мугуревич, Э. С.* Торговые пути на территории ливов и латгалов в IX–XIII вв. : автореф. ... канд. ист. наук. – Рига, 1961. – 31 с.
- Народная культура : материалы научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору : в 22 вып. – Омск : Омский государственный педагогический университет, 1992–2014.
- Народная культура Муромцевского района. – Москва : Фонд им. И. Д. Сытина, 2000. – 334 с.
- Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. – Москва : Государственное статистическое изд-во, 1956. – 352 с.
- Народные песни Прииртышья / сост. Т. Г. Леонова. – Новосибирск : Западно-Сибирское книжное изд-во, 1969. – 170 с.
- Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск : Наука, 2001. – 256 с.
- Новоселова, Л. В.* Весенний период народного календаря в Западной Сибири (пасхальный цикл) // Сибирский фольклор. – Новосибирск, 1977. – Вып. 4. – 25–45.
- Новоселова, Л. В.* Итоги фольклорных экспедиций в Тарский и Седельниковский районы Омской области (Обзор и публикация материалов) // Фольклор и литература Сибири. – Омск, 1975. – Вып. 2. – С. 45–64.
- Новоселова, Л. В.* Фольклорная экспедиция студентов Омского педагогического института в Омскую область // Советская этнография. – 1987. – № 5. – С. 153–154.
- Оглоблин, Н. Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – Москва : Университетская типография, 1895. – Ч. 1. – 429 с.
- Окушко, А. С.* Народное творчество // Омская область. – 1937. – № 11–12. – С. 81–86.
- Омская область. Краткий картографический очерк. – Омск : Омская картографическая фабрика, 1994. – 16 с.
- Описание Тобольского наместничества / сост. А. Д. Колесников. – Новосибирск : Наука. Сибирское отд-ние, 1982. – 321 с.
- О предстоящих научных конференциях // Информационный бюллетень Ассоциации этнографических и антропологических наук России. – Москва, 1996. – № 1. – С. 9–10.
- Основы этнологии : учебное пособие / под ред. В. В. Пименова. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2007. – 699 с.
- О чем поет колхозная деревня : колхозные частушки // Омская правда. – 1937. – 5 дек.
- Очередной Всероссийский семинар по этноархеологии // Наука в Сибири. – 1996. – № 6/7.
- Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1994. – Т. 1 : Поселения и жилища. Кн. 1. – 485 с.; Кн. II. – 286 с.; Т. 2 : Мир реальный и потусторонний. – 475 с.; 1995. – Т. 3 : Орнамент. – 639 с.; 1998. Т. 4 : Расогенез коренного населения. – 354 с.

Палашенков, А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // Источники по истории Западной Сибири (История и археология). – Омск, 1987. – С. 116–126.

Палли, Х. Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. – 1982. – № 1. – С. 87–93.

Патканов, С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – Санкт-Петербург, 1911. – Т. II. – 432 с.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1906–1910 гг. и отчет по переселению и землеустройству за 1910 г. – Санкт-Петербург : Переселенческое управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1911. – 410 с.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. Приложение к смете доходов, расходов и специальных средств Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия на 1914 г. – Санкт-Петербург : Тип. А. Э. Коллинс, 1913. – 331 с.

Петров, П. Е. Игровая песня в Омской области // Омская область. – 1939. – № 1. – С. 65–68.

Подъяпольская, Е. П. Ревизские сказки как исторический источник // Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия : сб. ст. – Москва, 1952. – С. 311–321.

Поездки Омского педагогического института / Л. М. Белкина, Т. Г. Леонова, Л. В. Новоселова, Н. К. Фролова // Историческая жизнь народной поэзии. – Ленинград, 1976. – С. 304–305. – (Русский фольклор ; Т. XVI).

Потанин, Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. – Москва : В Университетской типографии (Катков и К^о), 1868. – [2], 93 с. : табл. – [Оттиск из «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1868 ; Кн. 2].

Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока : тезисы докладов Всесоюзной конференции. – Новосибирск : Сибирское отделение АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии, 1973. – 223 с.

Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1973. – 236 с.

Пугачева, Н. М. Омское общество краеведения во второй половине 1920-х годов // Областная научно-практическая конференция, посвященная 275-летию Омска. Секция: История Омска и Омской области. – Омск, 1991. – С. 119–121.

Пушкарев, Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. – Москва : Наука, 1975. – 285 с.

Пушков, В. П. Ревизская сказка 1795 г. по сельцу Сепыч как источник по истории старообрядцев Верхокамья // Мир старообрядчества. История и современность. – Москва, 1999. – Вып. 5. – С. 41–74.

Рашин, А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913). Статистические очерки. – Москва : Государственное статистическое изд-во, 1956. – 352 с.

Ремизов, А. В. Омское краеведение 1930–1960-х годов. Очерк истории. – Омск : Омский государственный ун-т, 1998. – Ч. I. – 179 с.

Решение III Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 110-летию со дня рождения С. И. Руденко. – Омск, 1995. – 11 с.

Руденко, С. И. Древнейшая «скифская» татуировка // Советская этнография. – 1949. – № 3. – С. 133–142.

Руденко, С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. – Москва : Искусство, 1968. – 130 с.

Русина, Ю. А. История и теория источниковедения : курс лекций. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 124 с.

Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века) : историко-этнографические очерки. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2002. – 236 с.

Савинов, Д. Г. Археолого-этнографический комплекс Торгажак (эпоха поздней бронзы) // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск ; Санкт-Петербург, 1998. – Ч. II. – С. 54–57.

Савинов, Д. Г. (Рец.). В. И. Молодин. Кыштовский могильник. – Новосибирск, 1979. – 180 с. // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 180–181.

Сагайдачный, А. Н. Демографические процессы в деревне Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века. – Новосибирск, 2000. – 144 с.

Сатлыкова, Р. К. Хозяйственный уклад и семейный быт тарских татар // Проблемы истории СССР. – Москва, 1976. – Вып. V. – С. 102–104.

Селезнев, А. Г. Предметы хозяйства и средств передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета / А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева // Хозяйство и средства передвижения сибирских татар в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. – Новосибирск, 1999. – С. 60–67.

Сибирское село Большереченское. Из записок краеведов [В. С. Аношина и А. В. Горобцова] (предисловие и публикация В. А. Липинской) // Русские. Историко-этнографические очерки. – Москва, 1997. – С. 155–220.

Сигутов, П. Т. К вопросу о датировке сел Омской области // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1994. – № 3. – С. 201–206.

Сигутов, П. Т. Некоторые вопросы географии сельского населения Омской области // Известия Омского отделения Географического общества СССР. – Омск, 1965. – Вып. 7 (14). – С. 113–133.

Сигутов, П. Т. Типы сельского расселения в бассейне р. Тары (Омская область) // Материалы по географии населения. – Ленинград, 1963. – Вып. 2. – С. 80–100.

Сказки, пословицы, загадки. Сборник устного народного творчества Омской области / ред., подгот. текстов, сост. В. А. Василенко. – Омск : Областное книжное изд-во, 1955. – 180 с.

Сливко, С. А. Сборник краеведческого материала для учителя и политпросветчика Омского округа. – Омск : Омский окружной отдел народного образования, 1926. – 108 с.

Соболев, В. И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). – Новосибирск : Наука, 2008. – 356 с. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума ; Т. 10).

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX вв.) : сборник правовых актов и документов. – Тюмень : ИПОС СО РАН, 1999. – 238 с.

Стродс, Х. П. Полевые этнографические источники в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории. – Москва, 1977. – Вып. 11. – С. 42–55.

«Там лес и дол видений полны» : восточнославянские мифологические рассказы Омского Прииртышья о лешем, полевом, водяном и русалке / сост., авт. вст. ст., статей к разделам и справочного аппарата Н. К. Козлова. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. – 106 с.

Тарасов-Борисенко, М. В. Ареал генеалогии русских крестьян: проблемы и опыт микроисследований по материалам Тобольского и Тарского уездов конца

XVI – начала XX века. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. – 210 с.

Татауров, С. Ф. Русские в Тарском Прииртышье // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002. – С. 153–157.

Татауров, С. Ф. Тунус – последний городок Сибирского ханства // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С. 210–212.

Татауров, С. Ф. Предел информативности археологического источника при конструировании археолого-этнографических комплексов / С. Ф. Татауров, А. В. Матвеев // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Казань ; Омск, 2010. – С. 35–37.

Татауров, С. Ф. Археологические источники для этнографо-археологических исследований в низовьях р. Тары / С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар. – С. 91–106.

Татауров, С. Ф. Использование тарскими татарами знаний о природе при выборе мест поселений (по материалам археологических реконструкций XVII – начала XX века) / С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2 : Культура тарских татар. – С. 159–163.

Татауров, С. Ф. Система путей сообщения в низовьях р. Тары / С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар. – С. 106–112.

Татауров, С. Ф. Тарское Прииртышье в XIV–XVI вв. / С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2002. – Т. 5. – С. 122–133.

Татауров, С. Ф. Возможности использования археологических и этнографических материалов для реконструкции народных знаний населения Сибири XVII – первой четверти XX вв. / С. Ф. Татауров, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2. – С. 19–26.

Татаурова, Л. В. Исследования Бергамакского острога // Археологические открытия. – Москва, 1997. – С. 357–358.

Татаурова, Л. В. Керамические комплексы // Нижнетарский археологический микрорайон. – Новосибирск, 2001 – С. 169–175.

Татаурова, Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк I. – Омск : Апельсин, 2010. – 284 с.

Татаурова, Л. В. Проблемы сохранения и исторической реконструкции объектов культурного наследия в границах современного населенного пункта (на примере Такмыкского острога) // VII Научно-практическая конференция «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В. Ф. Генинга. – Ханты-Мансийск, 2014.

Татаурова, Л. В. Этноархеологический источник // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2010. – С. 60–64.

Татаурова, Л. В. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований) : монография / Л. В. Татаурова, С. Ф. Татауров, Ф. С. Татауров, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

Татаурова, Л. В. Этнографо-археологический комплекс «русские»: (предварительные итоги исследования) / Л. В. Татаурова, М. Н. Тихомирова // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума – Омск, 2006. – Т. 9. – С. 39–70.

Татаурова, Л. В. Поселение Бергамак I / Л. В. Татаурова, О. А. Яковлева // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. ст. – Новосибирск ; Омск, 1996. – Ч. II. – С. 76–77.

Тихомиров, К. Н. Исследования 2001–2003 гг. в Тевризском и Знаменском районах Омской области // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы : тез. докл. регион. науч. конф., посвящ. 30-летию Ом. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского. – Омск, 2004. – Ч. 3. – С. 361–455.

Тихомиров, К. Н. Миграционные процессы на территории Западной Сибири (эпоха бронзы – Средневековье): трансформация культуры и социокультурная адаптация населения. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2007. – 148 с.

Тихомиров, К. Н. Работы в Знаменском районе Омской области // Археологические открытия 2004 г. – Москва, 2005. – С. 292–493.

Тихомиров, К. Н. Комплексные работы в Знаменском районе Омской области / К. Н. Тихомиров, В. В. Гайко // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2003. – С. 252–254.

Тихомиров, М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века. – Москва : ОГИЗ, 1940. – 285 с. – (Источниковедение СССР ; Т. 1).

Тихомиров, М. Н. С древнейшего времени до конца XVIII века. – Москва : Изд-во социально-экономической литературы, 1962. – 496 с. – (Источниковедение СССР ; Вып. 1).

Тихомирова, М. Н. XVII Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» (9–10 сентября 2009 года) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2012. – Т. XII. – С. 277–287.

Тихонов, С. С. Ананьино: этнографо-археологический комплекс // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 361–368.

Тихонов, С. С. «Анатомия» этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. ст. – Одесса ; Омск, 2007. – С. 48–52.

Тихонов, С. С. Изучение этнографо-археологических комплексов народов Сибири и метод картографирования // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Ханты-Мансийск ; Омск, 2002. – С. 73–75.

Тихонов, С. С. Особенности формирования культурного слоя на русских и татарских поселениях XVIII в. в пойме правого берега Иртыша // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Алматы ; Омск, 2004. – С. 99–109.

Тихонов, С. С. О хронологических и территориальных рамках этнографо-археологического комплекса // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 2003. – С. 78–82.

Тихонов, С. С. Расселение сибирских татар и русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII в. (по материалам Г. Ф. Миллера) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2004. – Т. 8. – С. 200–233.

Тихонов, С. С. Система расселения аборигенов и проблемы ее изучения // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Владивосток, 2003. – С. 457–460.

Тихонов, С. С. Этнографо-археологический комплекс, археологический микрорайон и их сопоставление // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Владивосток ; Омск, 2000. – С. 30–32.

Тихонов, С. С. XVI Международный научный симпозиум «Интеграция археологических и этнографических исследований» в Новосибирске (14–16 октября 2008 года) / С. С. Тихонов, М. А. Корусенко // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2012. – Т. 12. – С. 264–277.

Тихонов, С. С. I и II Всероссийские научные семинары «Интеграция археологических и этнографических исследований» / С. С. Тихонов, Н. А. Томилов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. – С. 201–206.

Тихонов, С. С. Работа Омской межведомственной поисковой археолого-этнографической группы в марте 1993 – июне 1994 года / С. С. Тихонов, Н. А. Томилов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. – С. 198–201.

Тихонов, С. С. Этнографо-археологические комплексы: проблемы конструирования и изучения / С. С. Тихонов, Н. А. Томилов // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Омск, 1995. – Ч. 1. – С. 10–15.

Тихонов, С. С. Этнографо-археологические комплексы: проблемы конструирования и изучения (по материалам культуры татар и русских Тарского Прииртышья XVI–XX вв.) / С. С. Тихонов, Н. А. Томилов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1997. – Т. 2. – С. 10–19.

Тишков, В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. – 1992. – № 1. – С. 5–20.

Томилов, Н. А. Археолого-этнографическое направление в российской науке конца XVII–XX вв. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2003. – Т. 6. – С. 10–16.

Томилов, Н. А. Международный научный симпозиум (семинар) «Интеграция археологических и этнографических исследований» (к 15-летию со дня основания) // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. – Новосибирск ; Омск, 2008. – С. 35–60.

Томилов, Н. А. Омский научный этнографический центр и его теоретические исследования // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. К 70-летию академика В. А. Тишкова. – Москва, 2011. – С. 319–336.

Томилов, Н. А. О серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск, 2012. – Т. 12. – С. 7–8.

Томилов, Н. А. Предметы хозяйства русских в этнографическом фонде Омского государственного объединенного исторического и литературного музея // Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея. – Томск, 1993. – С. 7–12.

Томилов, Н. А. Проблема этнографических критериев этнической специфики археологических памятников // Проблема этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. – Кемерово, 1986. – С. 5–13.

Томилов, Н. А. Проблема этнографо-археологических комплексов в исследованиях омских этноархеологов // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 3–14.

Томилов, Н. А. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. – Омск : Изд. Омского ун-та, 1987. – 80 с.

Томилов, Н. А. Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1993. – 222 с.

Томилов, Н. А. Семинар по этноархеологии // Наука в Сибири : еженедельная газета Сиб. отд-ния РАН. – 1995. – № 48.

Томилов, Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1981. – 276 с.

Томилов, Н. А. Чулымские тюрки в конце XVI – первой четверти XIX вв. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1987. – С. 150–156.

Томилов, Н. А. Этническая история как научное направление // Известия Сибирского отделения Российской академии наук: История, филология и философия. – 1992. – Вып. 2. – С. 34–39.

Томилов, Н. А. Этноархеология и изучение этнографо-археологических комплексов // Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Равдоникаса. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 83–85.

Томилов, Н. А. Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар. – С. 10–25.

Томилов, Н. А. Этноархеология как научное направление. – Омск : Изд. Омского ун-та, 1999. – 32 с.

Томилов, Н. А. Этноархеология как научное направление // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 6. – С. 75–84.

Томилов, Н. А. Этноархеология: понятие, объектно-предметная и проблемная сфера // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 2002. – Т. 5. – С. 9–19.

Томилов, Н. А. Этнографические коллекции в омских музеях // Советская этнография. – 1981. – № 5. – С. 84–95.

Томилов, Н. А. Этнографо-археологические комплексы в системе этноархеологических знаний // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул, 1996. – С. 29–32.

Томилов, Н. А. Этнокультурные процессы у татар Западной Сибири в XVIII–XIX веках. – Омск : Издательский дом «Наука», 2011. – 224 с.

Томилов, Н. А. Этноархеология. Программа курса для магистрантов исторических факультетов высших учебных заведений / Н. А. Томилов, А. В. Жук, С. С. Тихонов. – Омск : Изд-во Омского ун-та, 2009. – 16 с.

Томилов, Н. А. Омский государственный объединенный исторический и литературный музей (Краткий исторический очерк) / Н. А. Томилов, Ю. А. Макаров // Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. – Томск, 1986. – С. 5–39.

Троицкая, Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск : Наука, 1979. – 114 с.

Тычинских, З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). – Казань : ФЭН, 2010. – 288 с.

Утков, В. Заметки о фольклоре // Омская правда. – 1941. – 3 февр.

Утков, В. Колхозная частушка // Омская правда. – 1937. – 6 февр., 3 марта.

Файзрахманов, Г. Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). – Казань : ФЭН, 2002. – 488 с.

Феоктистова, И. К. Русские предания: история и мифология. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2011. – 240 с.

Фольклор Западной Сибири / сост. Т. Г. Леонова. – Омск : Изд. Омского педагогического ин-та, 1974. – Вып. 1. – 120 с.

Фольклор Западной Сибири. Сказки / под ред. Т. Г. Леоновой. – Омск : Изд. Омского педагогического ин-та, 1982. – 128 с.

Фольклор и литература Сибири : в 4 вып. – Омск : Изд. Омского педагогического ин-та, 1974. – Вып. 1. – 176 с.; 1975. – Вып. 2. – 130 с.; 1976. – Вып. 3. – 158 с.; 1981. – Вып. 4. – 156 с.

Формозов А. А. Начало изучения каменного века в России. – Москва : Наука, 1983. – 130 с.

Формозов, А. А. Страницы истории русской археологии. – Москва : Наука, 1986. – 240 с.

Фурсова, Е. Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX века). – Новосибирск : Издательский центр «Агро», 2002. – Ч. I : Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. – 288 с.

Харузин, Н. Н. Этнография. Лекции, читанные в Императорском Московском университете. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1901. – Вып. 1. – 353 с.

Хозяйство русских в коллекциях Омского государственного исторического и литературного музея / В. Б. Богомолов, С. А. Герасимова, С. Ю. Первых [и др.]. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1993. – 396 с. – (Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев).

Холостых, Г. В. Торговые связи Западной Сибири со Средней Азией и странами Востока XVII–XVIII вв. как традиционное явление // Очерки истории обмена и торговли на территории Западной Сибири. – Омск, 1995. – Ч. II. – С. 166–190.

Худяков, Ю. С. Изучение археологических памятников XVII–XIX веков в Горном Алтае / Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 1995. – Ч. 1. – С. 69–74.

Центральный государственный архив древних актов СССР : путеводитель : в 4 т. / сост. Ю. М. Эскин, М. В. Бабич, Е. Ф. Желоховцева. – Москва : Главный архив СССР, 1992. – Т. 2. – 520 с.

Чагаева, А. С. Памятники эпохи железа в Среднем Прииртышье (по материалам раскопок 1962–1963 гг.) // Учебные записки Омского педагогического института. – Омск, 1966. – Вып. 23 : Из истории города Омска и Омской области. – С. 118–130.

Чвырь, Л. А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – Москва, 1983. – С. 124–138.

Чернецов, В. Н. Городище Большой Лог / В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – Москва, 1951. – Вып. XXXVII. – С. 78–87.

Черноков, Н. Предания старины сибирской // Глубинка. – Омск, 1996. – Вып. 2. – С. 30–39.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. – Санкт-Петербург : Тип. А. М. Котомина, 1882. – 16 с.; 23 л. карт.

Шелегина, О. Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX вв. – Москва : Логос, 2001. – Вып. 2. – 160 с.

Шерстобоев, В. Н. Илимская пашня. – Иркутск : Иркутское областное государственное изд-во, 1949. – Т. I : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – 596 с.

Шилик, К. К. Влияние природных условий на выбор трасс древних транспортных путей // Взаимодействие общества и природы в процессе общественной эволюции. – Москва, 1981. – С. 179–180.

Шилик, К. К. О реконструкции древних транспортных путей // Основные проблемы исторической географии России на современном этапе : тез. докл. и сообщ. II Всесоюз. конф. по ист. географии. – Москва, 1980. – С. 178–180.

Шмидт, С. О. О классификации исторических источников // Путь историка : избранные труды по источниковедению и историографии. – Москва, 1997. – 612 с.

Шнирельман, В. А. Этноархеология // Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления. Методы. – Москва, 1988. – С. 95. – (Свод этнографических понятий и терминов ; Вып. 2).

Шнирельман, В. А. Этноархеология – 70-е годы // Советская этнография. – 1984. – № 2. – С. 100–118.

Шушков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946. – 228 с.

Шухов, И. Н. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Известия Омского краеведческого музея. – Омск, 1928. – № 1. – С. 99–120.

Шухов, И. Н. Оружие западносибирских ямщиков // Омская область. – 1940. – № 3. – С. 79.

Щеглова, Т. К. Устная история : учебное пособие. – Барнаул : АлтГПУ, 2011. – 363 с.

Щетенко, А. Я. К изучению экономического базиса древнеиндийской цивилизации // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. – Москва, 1973. – Вып. 134. – С. 3–10.

Экспериментальная археология [Известия Лаборатории экспериментальной археологии Тобольского педагогического института] : сборник статей : в 3 вып. – Тобольск : ТГПИ, 1991. – Вып. 1. – 180 с.; 1992. – Вып. 2. – 127 с.; 1993. – Вып. 3. – 132 с.

Этнические процессы в современном мире / Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, С. А. Арутюнов [и др.]. – Москва : Наука, 1987. – 448 с.

Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий : тезисы докладов по антропологии [конференции «Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий»]. – Омск : ОмГУ, 1979. – 272 с.

Этнография : учебник / под ред. Ю. В. Бромлея, Г. Е. Маркова. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1982. – 320 с.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1996. – Т. 1 : Культура тарских татар. – 220 с.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1997. – Т. 2. – 248 с.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1998. – Т. 3. – 248 с.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 1999. – Т. 4. – 228 с.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск : Наука, 2002. – Т. 5. – 245 с.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2003. – Т. 6. – 318 с.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2005. – Т. 8. – 304 с.

Этнографо-археологические комплексы : проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2007. – Т. 9. – 304 с.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2009. – Т. 11. – 368 с.

Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Омск : Наука, 2012. – Т. 12. – 312 с.

Этнология : учебник / под ред. Г. Е. Маркова, В. В. Пименова. – Москва : Наука, 1994. – 383 с.

Ядринцев, Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. – Санкт-Петербург : Изд. И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с. : табл.

Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. испр. и доп. – Санкт-Петербург : Изд. И. М. Сибирякова, 1892. – XII, 720 с.

Якупов, Р. И. Этнология, источниковедение, архивоведение: актуальный альянс / Р. И. Якупов, И. Э. Кузеев // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. – Уфа. – 2010. – № 6. – С. 50–59.

Яшин, В. В. С днем рождения, родной край: к истокам основания поселений Омского Прииртышья / В. В. Яшин, М. И. Машкарин. – Омск : Наследие. Диалог – Сибирь, 1999. – 231 с.

Список иллюстраций

І. Иллюстрации внутри текста

Рис. 1. Фрагмент листа «Чертеж всех сибирских градов и земель» с указанием мест расположения татарских юрт (с. 42). *Источник:* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб., 1882.

Рис. 2. Места проживания тарских татар в районе устья р. Тары. «Хорографическая чертежная книга» С. У. Ремезова. Л. 93 (с. 43). *Источник:* The atlas of Siberia by Semyon Remezov / Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. – ('s-Gravenhage), 1958.

Рис. 3. Расположение юрт тарских татар на Иртыше выше устья р. Тары. «Хорографическая чертежная книга» С. У. Ремезова. Л. 94 (с. 43). *Источник:* The atlas of Siberia by Semyon Remezov / Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. – ('s-Gravenhage), 1958.

Рис. 4. Юрты Аялынской волости тарских татар на Иртыше и Уе. «Хорографическая» чертежная книга С. У. Ремезова. Л. 92 (с. 44). *Источник:* The atlas of Siberia by Semyon Remezov / Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow. – ('s-Gravenhage), 1958.

Рис. 5. Город Тара, р. Оша и места проживания тарских татар. *Источник:* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб., 1882. Лист «Чертеж земли Тарского города». Фрагмент.

Рис. 6. Конструкция простого балочного моста тарских татар (с. 64). *Источник:* Татауров С. Ф., Тихонов С. С. Система путей сообщения в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. – С. 109.

Рис. 7. Конструкция свайного моста тарских татар (с. 65). *Источник:* Татауров С. Ф., Тихонов С. С. Система путей сообщения в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1996. – Т. 1. – С. 109.

Рис. 8. Конструкция свайного двухпролетного моста тарских татар (с. 65). Рис. А. В. Матвеева.

ІІ. Цветная вклейка

Карты

1. Карта Омской области с указанием района компактного проживания тарских татар. *Источник:* Атлас Омской области. – М., 2002. – С. 4.

2. Места проведения этнографо-археологических работ по изучению тарских татар и русских в Тарском Прииртышье. *Источник:* Атлас Омской области. – М., 2002. – С. 4.

3. Геологическое строение района. Кайнозойская группа. *Источник:* Атлас Омской области. – М., 1996. – С. 8.

4. Геологическое строение района. Четвертичные отложения. *Источник:* Атлас Омской области. – М., 1996. – С. 9.

5. Геоморфологические условия Тарского Прииртышья. *Источник:* Атлас Омской области. – М., 1996. – С. 12.

15. Почвы Тарского Прииртышья. *Источник*: Атлас Омской области. – М., 1996. – С. 17.

16. Водные ресурсы Тарского Прииртышья. *Источник*: Атлас Омской области. – М., 1996. – С. 12.

22. Климатические условия Тарского Прииртышья. *Источник*: Атлас Омской области. – М., 1996. – С. 13.

29. Карта-схема «Главные пути сообщения Сибирского ханства в начале 1580-х гг.». Сост. А. В. Матвеев и С. Ф. Татауров в 2012 г.

Фотографии*

Автор С. С. Тихонов

6. Останец первой надпойменной террасы Иртыша у д. Сеткуловка (Муромцевский район). 1990.

7. Останец Темеряк первой надпойменной террасы Иртыша. Южная часть Муромцевского района. 2002.

8. Останец Гольый Яр первой надпойменной террасы Иртыша. К северу от д. Сеткуловка (Муромцевский район). 1990.

9. Пойменная терраса Иртыша близ устья р. Кунлук (Муромцевский район). 2002.

10. Речная дюна на Иртыше у д. Такмык (Большереченский район). 2002.

11. Первая надпойменная терраса Иртыша. Место расположения исчезнувшей д. Айткулово (Тарский район). 2005.

12. Первая надпойменная терраса р. Тары вблизи д. Плотбище (Муромцевский район). 2007.

13. Первая надпойменная терраса р. Тары вблизи с. Бергамак (Муромцевский район). 2004.

14. Первая надпойменная терраса р. Шиш у д. Васисс (Тарский район). 2006.

17. Иртыш у д. Киргап (Тарский район). 2007.

18. Приток Иртыша – Тара в 4 км ниже с. Бергамак (Пристань Гомана, Муромцевский район). 2007.

19. Приток Тары – Нижняя Тунгуска вблизи оз. Ленево (Муромцевский район). 2006.

20. Приток Шиша – Вилашка в 15 км от д. Атирка (Тарский район). 2006.

21. Приток Иртыша – речка Танатовка вблизи д. Танатово (Муромцевский район). 1992.

Автор С. С. Тихомиров

23. Останец коренной террасы в правобережной пойме Иртыша. Место расположения брошенной д. Зимние и группы археологических памятников. Недалеко от д. Таборы (граница Знаменского и Тевризского районов). 2004.

24. Высокая коренная терраса левого берега р. Шиш. Место расположения с. Новоягодное и группы археологических памятников в его окрестностях (Знаменский район). 2004.

25. Приток Шиша – Айла в верхнем течении. Окрестности д. Айлинка (Знаменский район). 2004.

26. Устье р. Айлы. Окрестности д. Айлинка. Рыболовная запорная снасть. 2004.

* Все фотографии сделаны в Омской области, поэтому в описаниях указываются только районы.

27. Сосновый лес на правобережной террасе р. Айлы, правого притока Шиша, вблизи кладбища д. Айлинки (Знаменский район). 2004.

28. Вид на затопленную во время половодья правобережную пойму Иртыша. Дорога д. Качуково – д. Усть-Тамак. Окрестности брошенных деревень Черный Яр и Сарт-аул (Знаменский район). 2010.

Автор А. В. Матвеев

30. Балочный мост через р. Атачку у д. Атачка. Вид с юга (Тарский район). 1999.

31. Телега на железном ходу. Татары с. Ишеево (Тарский район). 2006.

SUMMARY

The present 13th volume of the series “Ethnographical-archeological Complexes: Problems of Culture and Socium” includes the first monograph which generalizes the problems of the integration of archeology and ethnography and researching the ethno-archeological complexes of the Siberian peoples and those of adjoining territories. The monograph entitled “Ethnographical-archeological Complexes of the Tara Priirtyshje*: Natural Environment, Ethnoses and Sources” has been prepared by the Omsk research group led by Dr Sci. (History) N. A. Tomilov.

The introduction grounds the necessity for the integration of archeology and ethnography and shows several directions of research which implement the integration. The authors have especially considered theoretical and practical research of the ethno-archeological complexes of the Siberian peoples, first and foremost the Siberian Tatars and the Russian Old-Timers.

The first chapter “Ethnographical-archeological Complexes: Approaches and Search for the Ways of Realization” offers the conception of studying the EAC and practical aspects of studying them by the Omsk research group. The possibilities of complex interdisciplinary research of the ethnic history, environmental niches and socio-cultural processes in Middle Ages and New Age are presented.

The second chapter – “The Habitat of the Tara Priirtyshje Population” contains the description of the natural geographical situation of the region. The peculiarities of the habitat are shown by describing some particular settlements of the Tara Priirtyshje population. The authors consider the ways of transportation which provided for the migration of the population, which is necessary for studying their interconnections.

The third chapter – “The History of Formation and Changes in Ethnic and Ethnosocial Composition of the Tara Priirtyshje Population in the End of the XVIth – the XXth Centuries” the authors analyze modern theoretical approaches to studying the ethnosocial structure of the population, show the processes of forming the ethno-estates and other groups of the Tara Tatars and the Russians of the territory under study. In particular, while studying the phenomenon with the Tara Tatars the authors provide the data about the participation of the Siberian Boukhartsy and the Kazan – Urals Tatars in their formation. The process of forming the groups of the Russian Old-Timers and later migrants has been researched and the peculiarities of their relationships have been shown.

The fourth chapter – “The Sources of Studying the Culture and Society of the Population of the Tara Priirtyshje Region” contains the analyses of the problem of research and classification of the archeological and ethnographical sources, the methods of the archeological and ethnographical research, the ways of classifying the sources on archeology and ethnography. Further, the authors consider the archeological and ethnographical sources, which the research is based on.

* Priirtyshje – The Irtysh river region.

СПИСОК АВТОРОВ

Бережнова Марина Леонидовна

Россия, Омск. Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета (ОмГУ) им. Ф. М. Достоевского, старший научный сотрудник Отдела изучения городской среды и населения в условиях модернизации Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. E-mail: berezh@bk.ru

Корусенко Светлана Николаевна

Россия, Омск. Кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. E-mail: tomil65@rambler.ru

Матвеев Алексей Викторович

Россия, Омск. Кандидат исторических наук, заместитель директора Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. E-mail: amatveev@list.ru

Томилев Николай Аркадьевич

Россия, Омск. Доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. E-mail: n.a.tomilov@gmail.com

Татауров Сергей Филиппович

Россия, Омск. Кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Татаурова Лариса Вениаминовна

Россия, Омск. Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. E-mail: li-sa65@mail.ru

Тихомиров Константин Николаевич

Россия, Омск. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Тихонов Сергей Семенович

Россия, Омск. Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. E-mail: st-57@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

О серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» (<i>Н. А. Томилов</i>)	7
Введение (<i>С. С. Тихонов</i>).....	9
Глава 1	
Этнографо-археологические комплексы: подходы и поиски путей реализации (<i>Н. А. Томилов</i>).....	27
Глава 2	
Среда обитания населения Тарского Прииртышья	
§ 1. Природная среда обитания (<i>С. С. Тихонов</i>)	41
§ 2. Природно-географическая ситуация на группах памятников (<i>К. Н. Тихомиров</i>).....	53
§ 3. Сухопутные коммуникации (<i>А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров</i>)	58
Глава 3	
История формирования населения Тарского Прииртышья и изменений в его этническом и этносоциальном составе в конце XVI–XX веке	
§ 1. Этносоциальная структура: современные теоретические подходы и история изучения вопроса (<i>М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко</i>)..	73
§ 2. Тюркские группы (<i>С. Н. Корусенко</i>)	76
§ 3. Восточнославянское население (<i>М. Л. Бережнова</i>).....	101
Глава 4	
Источники изучения культуры и социума населения Тарского Прииртышья	
§ 1. Проблемы выделения и классификации археологических и этнографических источников (<i>М. Л. Бережнова</i>)	117
§ 2. Археологические источники (<i>А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова, К. Н. Тихомиров</i>)	125
§ 3. Источники по истории и культуре населения Тарского Прииртышья (<i>М. Л. Бережнова, С. Н. Корусенко</i>)	143
Литература и источники	
I. Неопубликованные источники	165
II. Литература и опубликованные источники	166
Список иллюстраций	186
Summary	189
Сведения об авторах	190

Научное издание

Бережнова Марина Леонидовна
Корусенко Светлана Николаевна
Матвеев Алексей Викторович
Татауров Сергей Филиппович
Татаурова Лариса Вениаминовна
Тихомиров Константин Николаевич
Тихонов Сергей Семенович
Томилов Николай Аркадьевич

**ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
КОМПЛЕКСЫ НАРОДОВ
ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ:
природная среда, этносы, источники**

**(Этнографо-археологические комплексы:
проблемы культуры и социума. Т. 13)**

Редактор *Л. В. Новоселова*
Технический редактор *Е. А. Балова*

Подписано в печать 18.12.2014. Формат 60 × 84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 23,8. Уч.-изд. л. 17,6.
Тираж 300 экз. Заказ Б-14.

ООО «Издательский дом “Наука”».
Отпечатано в типографии ООО «Издательский дом “Наука”».
Омск, пр. Комарова, 15, офис 1, тел./факс: +7 (3812) 700-502